

ISSN0868-698x

СТОЛИЦА

иллюстрированный еженедельник

№41 (151) 1993 г.

ПРИГЛАШЕНИЕ В МИР BMW

Пять причин, почему Вам стоит обратиться к нам:

1. Мы являемся единственным официальным представителем BMW в Москве.

2. Вам предоставляется возможность проехать за рулем последних моделей BMW. Вы получите исчерпывающую информацию о всех модификациях BMW. Гарантируется европейское качество обслуживания при покупке.

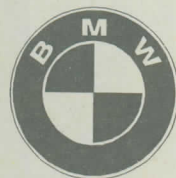
3. Вы приобретаете автомобиль по заводской цене из Германии. Ваш BMW будет изготовлен с учетом всех Ваших пожеланий.

4. Только у нас Вы получаете гарантии фирмы-производителя.

5. Если у Вас уже есть BMW, мы приглашаем Вас воспользоваться услугами нашего автосервиса.

Гевика Автосервис ГмбХ
115201, Москва, ул. Котляковская, 3А
Тел./факс (095) 113-38-48, 113-78-03

С УДОВОЛЬСТВИЕМ ЗА РУЛЕМ.

ИМПЕРСКИЕ ИГРЫ И ДЕРЖАВНЫЕ ЗАТЕЙНИКИ

Николай ТРОИЦКИЙ

На просторах СНГ отчетливо запахло Советским Союзом. Знакомый аромат пошел сразу отовсюду: и из Москвы, и из столиц «ближнего зарубежья». К неразложившемуся покойнику со всех ног и со всех концов бросились высокопоставленные реаниматоры.

Что бы это значило? А мертвец-то выглядит как живой. Кажется, он весь и не умер, а только забылся глубоким «беловежским» сном. Теперь начинает шевелиться. Спиритизм? Или воскрешение? Боюсь, что больше похоже на второе.

Правда, голова — Москва — пока плохо управляет конечностями — бывшими союзными республиками. Но она и телом — Российской Федерацией — неважно управляет. А конечности и сами вот-вот омертвеют без помощи отвалившейся было, но прирастающей заново головы. Не все, конечно. Четыре республики отпали навсегда: три прибалтийские, что естественно, и Туркмения, чего никто не ожидал. Остальных неудержимо тянет друг к другу в объятия. Или, может быть, кто-то их тащит силком?

Откуда пошел первый центростремительный импульс — неизвестно. Но откликнулись на него от Москвы до самых до окраин удивительно дружно. Впрочем, что здесь удивительного? В 1993 году практически во все руководящие кабинеты вернулись прежние владельцы или их соседи по коридорам власти. Кругом свои люди, старые знакомые по партактивам и совещаниям в ЦК КПСС: секретари ЦК республиканских компартий, обкомов, союзные министры. Один экс-диссидент Тер-Петросян в Ереване смотрится белой вороной, но и он не сопротивляется, плывет в общем потоке.

Что-то изменилось с «добеловежской» поры. Кое-где — робкие таможи, хилые национальные валюты — «сомы», «манаты», «карбованцы». Повсюду реют разноцветные флаги, красуются диковинные гербы, звучат экзотические гимны. Но что поделать, если пошла повальная мода на национальную символику, эмблемы и атрибуты? Вон ведь и внутри России у какой-нибудь суверенной Бурятия или Карелии тоже свои флаги, гербы и гимны. Достаточно ли их для подлинной независимо-

сти? Флаги у «новых независимых государств» (так их теперь именуют теряющие работу советологи) разные, а экономические проблемы и способы их решения, да и деньги — общие.

Ну и что? Так было и год, и два назад. Отчего же именно сегодня вдруг повеяло Союзом?

Разнокалиберные националисты во всех уголках СНГ не мудрствуют: они уверены, что воздух свободы портят «имперские силы», затаившиеся в Москве до поры и теперь поднявшие голову. Они всегда подозревали Россию в имперских амбициях, желаниях поскорее возродить Союз и вновь поработить независимых соседей, превратив их в колонии. Объяснение простое и, на первый взгляд, небезосновательное. Кто в России громче всех кричал о скорейшем восстановлении СССР? Коммунисты, национал-патриоты да примкнувшие к ним вице-президент Руцкой и председатель Верховного Совета Хасбулатов. Вот вам и «проимперские силы»!

Так что же, слухи о реанимации Союза — это очередная вылазка реакционеров и врагов реформ? Но оставим в покое «красно-коричневых». Неужели кто-то поверит, что Сажи Умалатовой, Виктору Анпилову и Илье Константинову под силу изменить ситуацию не то что на одной шестой Земли, а хотя бы в собственном околотке? Их митинги и заявления немного портят атмосферу, но не дальше ближайшего двора.

Другое дело — Руцкой и Хасбулатов. Как ни крути, это были высшие должностные лица. Но от обиженного насмерть Руцкого можно отмахнуться, влияния на ход вещей у него было не больше, чем у крикунов из Фронта национального спасения. А что Хасбулатов?

В сентябре, как будто чуя близкий конец, Руслан Иманович развернул бурную агитацию и пропаганду интеграции республик бывшего СССР. Не ограничивался красивыми лозунгами и хлесткими фразами, а взял да и предложил, например, превратить Межпарламентскую ассамблею в некий «евразиопарламент», в связи с чем пришлось бы провести выборы чуть ли не на всей территории прежнего Союза.

Мы, вероятно, никогда не узнаем, что было за этими планами: беспочвенное фантазерство, лукавые игры на потребу красно-коричневым или маниакальная уверенность в своей правоте. Но хасбулатовский «Меморандум» о возрождении былого Союза, как и громкие объединительные призывы Руцкого, сыграли дурную шутку с обоими «мечтателями».

Лидеры стран СНГ так испугались и разозлились, что единодушно одобрили Ельцина, когда тот 21 сентября одним мановением пальца устранил и Хасбулатова, и Руцкого, и их единомышленников с политической арены. Роковое наименование — «Советский Союз» — вызвало реакцию отторжения от тех, кто его рискнул употребить.

Но что самое парадоксальное, хасбулатовские сентябрьские прожекты были вовсе не оригинальны. Спикер просто пытался поймать за хвост и перехватить инициативу у своих политических противников из исполнительной власти. Дело в том, что именно там разрабатываются мудреные комбинации и хитроумные планы по восстановлению и обустройству «евроазиатского содружества».

Первые реальные шаги к возрождению былого Союза сделали не Хасбулатов с Умалатовой, а Ельцин с Черномырдиным. Все последние месяцы правительственно-президентские круги трясла лихорадка реставрационных работ на рублевом пространстве. Никто и словом не обмолвился про СССР, а пробавлялись эвфемизмами: речь шла и об «укреплении СНГ», и о банковском, таможенном, экономическом, наконец, военно-политическом, но только не о «советском» союзе.

Но стоит ли спорить о терминах и ярлыках? Дело само говорит за себя. А дело это — подписание соглашения об экономическом союзе, выпестованного под патронажем Черномырдина и Ельцина. Контур нового «сообщества» или «содружества» подозрительно напоминает СССР.

Ну а как еще понимать? Москва будет определять всю кредитно-финансовую и налоговую политику «ближнего зарубежья». Оно так невольно и получалось, но Черномырдин узаконил стихийный про-

В НОМЕРЕ

1 ПОЛИТИКА

Б.Жуков:

Ельцин вновь победил, а победителей, как известно, не судят. Мне, «упертому» стороннику победивших сил, следовало бы ликовать. Вот только на душе что-то погано...

6

Ф.Мамиконян:

Большинство наших стран хотят построить национальное государство. А надо строить, я считаю, просто государство. Не национальное, а гражданское.

11

М.Глобачев:

Мне Александр Терехов по-прежнему интересен. С ним никак не соскучишься...

14

2 ЭКОНОМИКА

А.Аропов:

Мозги нынче дороги и стали продаваться... Не знаю, как вас, а меня это радует, ибо за товар платят рыночную цену, а не зарплату, которую рассчитал никому не известный чиновник из министерства.

22

Д.Белов:

Вопрос об «особом пути» России заслуживает отдельного разговора. Конечно, нашу страну «аршином общим не измерить». Но согласятся ли, скажем, китайцы с утверждением, что их страну можно измерить общим аршином?

24

3 ЖИЗНЬ

В.Орлова:

По-моему, сейчас практически все общество больно. И причина болезни в том, что большинство людей живет в подвешенном состоянии, в экстремальных условиях, их психика длительное время подвержена отрицательным эмоциям.

А.Касатов:

Я «коллекционирую» людей, которые в наше непонятное время делают свое дело как ни в чем не бывало.

30

34

Е.Гончаренко:

На Западе эта профессия (или это искусство) развита очень сильно. В России — нет.

38

4 КУЛЬТУРА

А.Ширвиндт:

Один Эфрос, помню, называл меня Сашей. Он как бы говорил, хватит, становись Сашей, а я упорно оставался Шуриком. Такая вот вечная тяжба.

48

Д.Быков:

Выбор наш — по-прежнему между петлей и удавкой. Быть сегодня на стороне здравого смысла — нереально: здравый смысл не является реальной политической силой.

52

Н.Малинин:

До сих пор эта история считается крамольной. Философы дружно блюдут негласное табу. Еще бы: известный мыслитель, крупный церковный деятель, исследователь иконы, удивительно честный политик, отец, муж и вдруг — «роман на стороне». Да и как-то неловко читать чужие письма... Но если бы вы знали, какие это восхитительные письма!

58

Москва, 101425, ГСП, К-51, Петровка, 22
Телефоны: 928-23-49, 921-67-45
Телефакс: 921-29-85
Телекс: 413739 аур

Еженедельник «Столица» учрежден Моссоветом 2 июня 1990 г.

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати.

Свидетельство о регистрации № 84

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на «Столицу» обязательна. Редакция в переписку не вступает.

С предложениями о размещении рекламы звоните по телефону: 923-19-71, 928-83-40

По вопросам распространения обращайтесь по телефону: 928-27-69

Главный редактор: Андрей Мальгин

Заместители главного редактора:

Петр Смирнов, Владислав Старчевский, Владимир Цыбульский

Коммерческий директор: Юрий Бычков

Директор издательства: Борис Рабкин

Ответственный секретарь: Анатолий Остроухов

Главный художник: Владимир Петров

Отдел общественно-политической жизни:

Александр Касатов

Отдел экономики и науки: Елена Эрикссен

Отдел правовых и морально-этических проблем: Елена Салина

Отдел искусств: Татьяна Савицкая

Отдел международной жизни:

Консуэло Сегура

Отдел оперативной информации:

Кирилл Рыбак

Отдел писем: Наталья Туровская

Номер набран и сверстан в фотонаборном центре еженедельника «Столица» на системе «Скантекст-2000», поставленной фирмой «Аутопан»

Номер подписан в печать 08.10.1993 г.

Тираж 92 000

Цена договорная

Над номером работали:

П.Смирнов, О.Проханов, Е.Дворецкова

© «Столица», 1993

Отпечатано в издательско-полиграфическом комплексе «Московская правда», ул.1905 г., д.7. Зак. 4354

цесс. Центральный банк России будет устанавливать границы бюджетных дефицитов «новых независимых государств», но исправно снабжать их денежной массой. Масса будет определяться тоже в Москве, но ради чего тогда в августе взнервировали народ, кричали о создании «российской национальной валюты», если опять нам придется распространять ее на всю округу? Правительство России тоже не останется без дела: оно станет распределять кредиты и поставлять сырье, в том числе нефть и газ. Не бесплатно, но и не по мировым ценам, а всего лишь ценой полной зависимости независимых государств от российской экономики. Ладно бы эта экономика была на взлете или в расцвете... Выдержит ли она такую нагрузку? Говорят, у соседей дела еще хуже. Но советский принцип коллективизма — кто побогаче, делится с бедным, и оба вылетают в трубу — неистребим в коридорах власти в Кремле и на Старой площади.

Планы сооружения «экономического союза» неотвратимо напоминают нам не столь уж далекое прошлое. А на фоне этих грандиозных планов бедняга Хасбулатов со своими межпарламентскими затеями и инициативами смотрится не как первопроходец интеграции, а как жалкий элигон-подражатель. В Москве, похоже, развернулось соревнование: кто раньше восстановит то, что два года назад усердно разваливал. Между прочим, большинство нынешних восстановителей-собираателей, кроме Черномирдина, активно участвовали в развале «империи».

Но состязания московских интеграторов — это не внутророссийские забавы, не игры в «возрождение сверхдержавы». Братские республики почему-то не шарахнулись от «призрака империи», а поспешили включиться в игру. Их лидеры вовсе не испугались экономического союза. Что же с ними произошло?

Создается впечатление, что «новые независимые государства» за «постбеловежский» период устали от собственной независимости. И потянулись к старшей сестре. Правда, Беларусь от нее и не откреплялась — там суверенитет дальше флага и герба не заходил. Затем дрогнул Таджикистан: ни один политолог не в состоянии объяснить, в чем заключается независимость Душанбе от российской армии? Быстро опомнилась Средняя Азия и Казахстан, особенно после того, как обнаружилось, что Турции не под силу и ни к чему поднимать неуклюжую машину убыточно-дефицитной среднеазиатской экономики. Армения без России не протянула бы и дня, а посему даже не порывалась выскочить из рублевой зоны. О супернезависимой Грузии нечего и говорить: с падением Сухуми она окончательно поставлена на колени и фактически перестала существовать как единое государство. Недавно одумался Азербайджан, хотя тут сильно помог вернувшийся

на трон Гейдар Алиев: съездив привычным маршрутом в Москву, он удовлетворенно заявил, что «как будто и не уходил из Кремля». Скоро одумается и Молдова.

Дольше всех держится Украина. Но без нефти и газа продержаться трудно, а надежды на Западную Европу и Канаду никак не оправдываются. Можно, конечно, протянуть какое-то время, откусывая подтихую от магистральных газопроводов, проходящих через «незалежную» территорию. Но на подходе угроза дезинтеграции: как выяснилось, «западенцы» и «схидняки», не говоря уж о крымчанах, слишком по-разному понимают «незалежность». Тем временем долг России не убывает, а растет, и скоро на его выплату не только Черноморского флота, но и Черного моря не хватит.

Короче говоря, клиенты созрели: они готовы поступить независимостью ради шкурных экономических выгод. Собственно говоря, независимость и не принесла им ничего, кроме членства в ООН, за которое еще надо заплатить. Правда, кое-кому приятно пощекотало национальную гордость. Но, как выяснилось, не всем: Южная Осетия, Абхазия, весь Таджикистан, карабахская война, Приднестровье — немалая цена нежданно обретенной свободы.

В последнее время воюющие суверенные лидеры зачастили в Москву с утроенной силой, а российские генералы с удовольствием примеряют костюмы «мироворцов». Ну а их штатские товарищи по-прежнему твердят об усилении внешнеполитических позиций России. Затерянные в горах Памира границы бесконечно далекого Таджикистана по-прежнему держат на замке советские, то есть, извините, российские пограничники, а политики — от радикальных патриотов до радикальных демократов — заявляют: уходить из Таджикистана нельзя, там южные рубежи нашей Родины! А зачем уходить, если не гонят, а, наоборот, приглашают и зазывают?

Быть может, в этом и есть сермяжная правда истории? Идеологи реинтеграции ласково ублаживают нас и друг друга: это будет союз нового типа, с новой формой и новым содержанием. Ну и прекрасно. Пусть будет союз или содружество-сообщество «нового типа».

Неправда! Никакого нового содержания, новой формы и вообще ничего нового не будет. Как это ни парадоксально и ни прискорбно для «национал-суверенистов», сегодня можно легко, одним росчерком пера возродить только тот самый старый, до боли знакомый Союз, даже если его не называть ни «советским», ни «социалистическим». Кстати, это вовсе не сложно — дурацкое дело не хитрое. И не надо искушать себя иллюзиями: с нашим евразийским «рылом» нам не встать в один «ряд» с Европейским сообществом или со свободной североамериканской экономической зоной. Нам придется вернуться именно ту-

да, откуда мы пришли.

К чему это приведет? Оставим досужие разговоры о «колониях» и «империи» националистическим кругам и кружкам, тем более что в эти заклинания давно уже никто не верит. Налицо совсем другая опасность.

После подписания договора об экономическом союзе российской экономике придется тащить на себе весь ворох и груз бесконечных экономических проблем «ближнего зарубежья», усугубившись до крайности за последнее время. И не надо все сваливать на Среднюю Азию. Одной Украины хватит с лихвой. Это только наивные «незалежники-руховцы» считают свое государство неким «лакомым кусочком», который так хочется «скушать» российским «империалистам». Как бы эти «империалисты» не подорвали собственное экономическое здоровье.

Но экономический кризис — это еще не все. При возобновлении Союза, как бы он мудрено и хитро ни назывался, России придется взвалить на свои плечи и урегулировать бесчисленных международных конфликтов. А значит, российские военные вынуждены будут снова ввязаться в те разборки, из которых они с таким трудом выбрались. Гейдар Алиев уже провел переговоры о возвращении российской армии в Азербайджан и нашел взаимопонимание в высших генеральских кругах. Им лишь бы крепить оборону по всем азимутам!

Политики в Москве потирают руки: Россия будет играть более активную роль на международной арене; увеличит свой внешнеполитический вес и т.д. Грезы о былой «сверхдержавной мощи» смущают души не только отыгравших свои роли боевого летчика Руцкого или профессора Хасбулатова. В последнее время они стали слишком уж обуревать все ветви российской власти.

Но ведь и это — иллюзии. Армия небоеспособна, экономика разрушена. На таких обломках никому еще не удавалось построить прочное державное сооружение. Очередного колосса на глиняных ногах создать можно. На короткое время. Но он рухнет с еще более разрушительной силой, чем рухнул два года назад Советский Союз.

И не надо рассуждать об исторической целесообразности, прогрессе и неизбежной всемирной интеграции. За всеми сегодняшними процессами восстановления Союза кроются, на мой неискушенный взгляд, гораздо более простые и иррациональные причины: политикам не хочется уходить в политическое небытие с клеймом «разрушителей державы». Зато каждому мечтается войти в историю ее «воссоздателем».

Да только отвечать за осуществление этих мечтаний будут уже не они, а их наследники.

«Останкино». 4 октября.
7 утра.

Боже, как же было страшно! Пахло гарью, кровью и увядающей осенней травой. Под ногами трещали и лопались осколки стекла. У стены отдела кадров лежал окоченевший труп неизвестного. Из документов при нем был обнаружен только заказ на гроб. В вестибюле по мраморному полу ноги скользили как по льду. Отовсюду свисали какие-то искореженные металлургические конструкции. И вдруг на обгоревшей, изрешеченной пулями стене девственно белая, чистая и целая афиша «Я вернусь» — концерт Валерия Леонтьева. У афиши стоят в полной выкладке бойцы бригады «Витязь». Курят. Вроде затишье. Но практически у их ног — около самого входа в телецентр, на груде разбитых стекол — один труп со значком Союза офицеров на груди. А над головой, этажом выше — другой. Видеоинженер Сергея Красильников. В страшную ночь, когда громили «Останкино», он высунулся из кабинета и тут же получил пулю. В комнате напротив уже не испуганные, а просто безумно усталые люди. В основном женщины. У них даже нет сил поехать домой. Хотят только одного — сигарету, любую, можно папиросу. Все равно что.

В подземном переходе — на каждом шагу вооруженные люди. В камуфляже, в серой милицмейской форме. Как всюду и всегда — здесь тоже ведомственная нестыковка. Куда пропускают одни — ни за что не хотят пускать другие. Вот по коридору в сопровождении автоматчиков идет генерал ВВ. Смотрит на полуразрушенные стены, выбитые окна, опаленную арматуру: «Здесь шли профессионалы», — говорит он уверенно. На улице тихо и с виду спокойно. Это если смотреть на останкинский пруд. Если чуть отвести глаза в сторону — бронетранспортеры, дальше «витязи» с лицами, закрытыми масками. Они орут на любопытных, начинающих собираться к 8 утра и пытающихся прошмыгнуть буквально под носом у бронетранспортеров: «Ну, ты, куда, куда, у тебя что, две жизни, что ли?» Командир «Витязя» Сергей Иванович Лысюк считает, что здесь все еще опасно — на крыше могут быть снайперы. «Почему

ОТ БЕЛОГО ДОМА ДО ЖЕЛТОГО

не пришли раньше?» — «Приказа не было». Приказа не было, а трупы были. Их еще не успели увезти. Ведь вроде с детства учили — брать надо телефон, телеграф... телевидения тогда еще не было, но ведь понятно было, что будут брать, и репетиций сколько было. Но... приказа не было.

Безумие, безумие...

Приезжает «скорая». Врачи усталые, издерганные, нервничают. Боятся перебежать от здания к зданию. Видно, много чего повидали за эту ночь. Убитых забирают и отвозят в морг. То ли в Боткинскую, то ли в Склифосовского. Где свободнее.

Больница Склифосовского. 4. 10, 1.15 ночи.

У входа в приемный покой толпа. Стоят журналисты. Их не пускают: «Не мешайте врачам работать!» Везут каталку с окровавленным человеком. Понять невозможно — жив или умер. Скорее за ним, пока не успели остановить.

В кабинете главного врача совещание — Валерий Алексеевич Олейник дает указания и еще успеваешь отвечать по телефону:

«Восемь забрали? Не от нас? Из приемника? Мне не надо знать, сколько привез и откуда. Спасибо за готовность. У нас нормально». В сторону: «Все готовы приехать помощь оказать?»

Сейчас затишье. Самый пик был в 11 вечера. К часу

ночи привезли около пятидесяти человек. Многих уже прооперировали и отравили — кого в реанимацию, кого...

Бегом в реанимацию. По дороге трупоперевозчики сообщают: «Еще двоих в холодильники заложили».

Врачи из реанимационного отделения не прочь выйти покурить: «У нас сейчас в основном самотек идет. Дали указание — проставлять время и сколько трупов. Привозят по большей части гражданские. Возраст — от 16 до 20 лет. Хотя есть и милиционеры от «Белого дома». Много народу из Останкина. Тоже в основном гражданские. Все, кто может говорить, в один голос твердят: «Шли защищать Конституцию. А один — он из Нижневартовска прибыл, говорит, что за Макашова драться приехал. Но у нас и иностранцы есть — один американец — Отто Пол и один француз — Владимир Сычов — обоим из Останкина привезли».

В реанимации — кровь, капельницы, дыхательные трубки. По-моему, все очень плохо. Как на самом деле, спрашивать уже некогда — врачи очень торопятся. Пора уходить. Последнее, что замечаю, — у молодого совсем еще мальчишки из-под простыни выглядывает неестественно бледное тело, а на груди карандашом написано имя. На выходе из больницы — толпа человек 20. Они

пришли сдавать кровь. У некоторых — очень редкая группа. Им сообщают: «Лаборатория не работает. Приходите в 9 утра во второй корпус». Сейчас 2 часа ночи, и раненые все поступают. Безумие, безумие...

Набережная против «Белого дома». 4 октября. 12 дня.

Впечатление такое, что люди пришли полюбоваться на салют. Грохот, стрельба, дома отражают звук, не понять, откуда раздаются выстрелы. Но, кажется, это никого не волнует. По случаю теплой и ясной погоды дамы приоделись, кое-кто захватил с собой детей, кто-то собак. Хорошо видно, как с часов на башне «Белого дома», прямо с самых стрелок палит снайпер. Огоньки выстрелов видны даже на ярком солнце. В толпе, расположившейся на... мосту, как в амфитеатре, кто-то падает. К месту, по которому явно палит снайпер, сбегается еще большая толпа. От парашета, всплывшая коротенькими пухлыми ручками, отходит приятная полная дама и, улыбаясь, говорит подруге: «Ой, а тут и правда стреляют!»

Высотка на Пресне. 4 октября. 11 утра.

В небе вертолеты. Из пожарного депо с ревом вырываются машины. Невдалеке стреляет что-то очень и очень громкое — гаубицы, что ли. С крыш бьют снайперы. В каменных арках высотки прячутся, жмутся милиционеры. Они в касках, бронжилетах, с автоматами и со страшным смятением на лице. По какой стороне пройти безопаснее — сказать не могут. Вдруг мимо, прямо по середине улицы, в элегантном костюме с сосредоточенным лицом уверенной походкой идет генерал Стерлигов. Он абсолютно спокоен. Похоже, что среди этого безумия он такой — единственный. Похоже, что никто ни в верхах, ни в низах, ни с той ни с другой стороны не знал, что ждать, как, когда и на что реагировать. Все опоздали во всем. Не опоздали только коммерсанты. С утра вокруг самых горячих точек работали коммерческие палатки. Толпа жаждала. Цены на напитки и сигареты были подняты. Безумие, безумие...

Консуло СЕГУРА

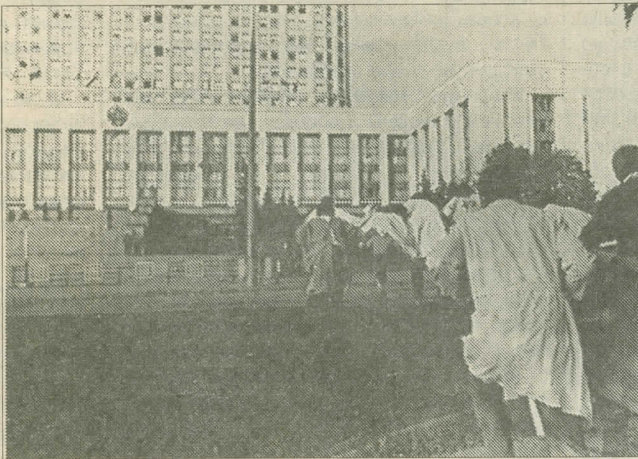
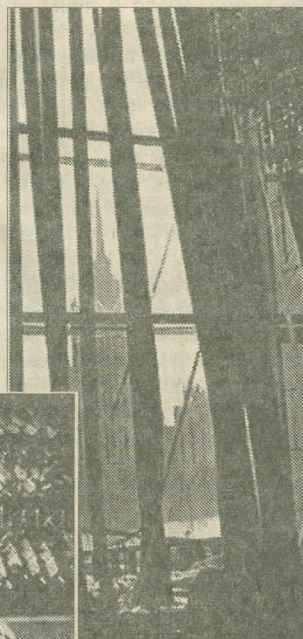
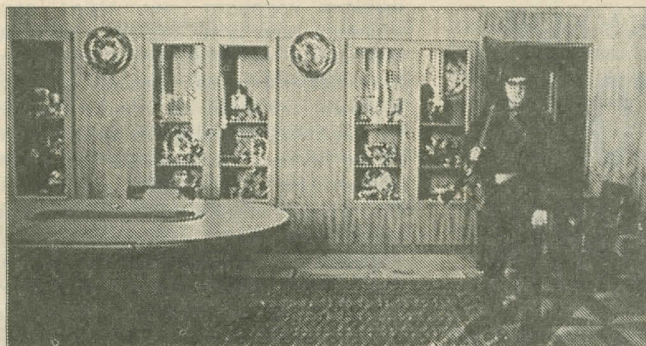
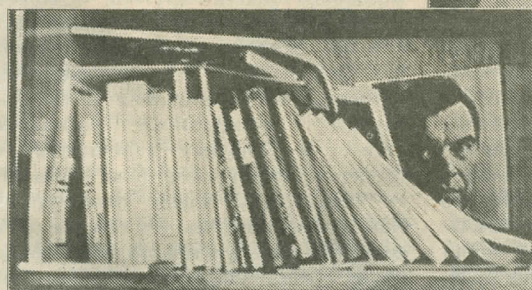
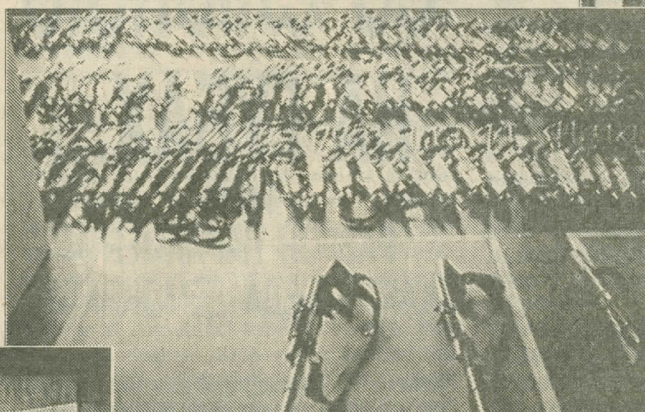

Фото ИТАР-ТАСС

«БЕЛЫЙ ДОМ» ИЗНУТРИ

Фоторепортаж
О. Чумаченко

НАША ВИНА, НАША БЕДА

Вина за кровь на обеих сторонах, но только одна виновата, что развязала войну, а другая — что не сумела помешать. Одна — нажимала на курок, а другая — не смогла убедить ротозеев разойтись по домам. Одна — жгла «Останкино», другая, зная, что это непременно будет, — слишком поздно хватилась защищать телецентр. Одна

устроила сердечный приступ старику, который хотел силой Слова Христова сделать добро, другая, в свое время немало сделавшая для того, чтобы в стране были только нехристи, — этого человека просто подставила.

Вина и на тех и на других. Но есть вина и вина.

Теперь осталась только одна сторона. Она сама себе

отрубила пути к отступлению. Теперь ей валить будет не на кого. Теперь за все, что будет, — спрос с нее.

Российская история убедительно показала, что штурмы домов или дворцов, все равно зимних ли, белых ли, равно как и выстрелы по оным из танковых или корабельных орудий, жизнь автоматически не улучшают.

Равно как и пленение или даже смерть злодеев. Для того чтобы жилось лучше, нужно самим что-то делать и между штурмами.

Так мы все-таки хотя бы теперь будем что-то делать или опять начнем сразу же готовиться к следующему штурму? Будем мы наконец дерьмо, в котором стоим, из нашего дома откачивать или и станем только что просить у нового начальника сапоги повыше и молоко за вредность?

Александр КАСАТОВ

Сейчас, когда я пишу эти строки, исход борьбы уже совершенно очевиден: противники демократии умудрились проиграть одну и ту же позицию как «белыми», так и «черными». Ельцин вновь победил, а победителей, как известно, не судят. Мне, «упертому» стороннику победивших сил, следовало бы ликовать. Вот только на душе что-то погано...

Сразу оговорюсь: в конце концов, я уже одобрил все случившееся, проголосовал в апреле за доверие президенту, одобрение его политики и за досрочный роспуск съезда. Мне действительно немного жаль нескольких человек, которые в прошлом вели себя достойно (иные из них пытались и в нынешнем дурацком положении сохранить какое-то подобие порядочности) и могли бы стать блестящими деятелями новой России, не вскружи им голову лукавые, замешанные на честолюбивых амбициях расчеты. Но — они сами выбрали свою нынешнюю участь, и их выбор гражданам свободного общества тоже следует уважать.

Не волнует меня и нарушение Конституции само по себе. И отнюдь не потому, что я циник или правовой нигилист. Просто эту Конституцию невозможно было соблюдать при всем желании, ее положения противоречат друг другу (что, собственно, и позволяло конторе г-на Зорькина выносить любые решения в зависимости от того, кто в данный момент был — или казался — сильнее). Когда сочиняли текст, ставший ее основой, никто вообще не думал, что его когда-либо придется применять; в дальнейшем же ее употребляли на всякую нужду, нисколько не заботясь о согласованности и выполнимости вносимых поправок.

При обсуждении возможности выйти из кризиса путем разгона парламента меня гораздо серьезнее бе-

Борис ЖУКОВ

ЭТО ПРАЗДНИК СО СЛЮНОЮ НА ГУБАХ...

ИЛИ РАЗГОН ПАРЛАМЕНТА КАК ПОБЕДА ДЕМОКРАТИИ

спокойно другое соображение: такой вариант не может завершиться «вничью», восстановлением статус-кво. Если переворот не кончается полной победой — он кончается полным поражением, как это было в случае с ГКЧП. Причем совершенно ясно, что в этом последнем случае «победителями узурпатора» будут не «центристы», даже не Руцкой с Хасбулатовым, а ФНС, причем именно самые радикальные, откровенно фашистские его фракции. Не слишком ли велика ставка, не слишком ли дорогой ценой заплатит страна в случае проигрыша?

Сейчас эти страхи, естественно, отпали. Корпорация «прозаседавшаяся», не имея ни поддержки народа,

именем которого они через слово клялись (или хоть как-то очерченной его части), ни реальных структур для претворения своих ценных указаний в жизнь, попросту не смогла ответить на действия президента ничем, кроме громогласных деклараций да игры в назначение друг друга министрами. Последние остававшиеся в их руках исполнительные механизмы государства — прокуратура и Центробанк — быстренько присягнули Ельцину и покинули обреченный «совет нечестивых». (Меня коробит от того, что для «победы демократии» Ельцину потребовался союз со Степанковым, хотя у последнего-то, в сущности, и не было выбора. Если бы съезд победил, Степанкову очень скоро припомнили бы, как он по указке «оккупационной власти» хватал, гноил в тюрьме и чернил в печати «национальных героев» — членов ГКЧП.)

Не актуален сегодня и другой неотступный кошмар: взрыв сепаратизма и местной правовой самостоятельности. Действия президента, как сейчас уже ясно, не только не ускорили самочинный захват местной номенклатурой прерогатив федеральной власти, но, скорее, даже приостановили его. Оказывается, все эти суверенные заморские республики и вольные города волкодойски возможны только в условиях двоевластия на федеральном уровне («не признаете — поддержим ваших оппонентов!»). Как только им чуть-чуть намекнули на единую и сильную власть, все амбиции сразу испарились. (Точно так же Гамсахурдия метал громы и молнии по адресу «фашиста» и «колонизатора» Горбачева, будучи уверен в его безответности, но моментально и без всяких заявлений выполнил все требования ультиматума ГКЧП.)

Да, конечно, «местная представительная власть» (т.е. все те же Советы, самому существованию которых

Фото О. Чумаченко

угрожает конституционная реформа) в большинстве регионов высказалась против действий президента. Но характерно, что подписаны эти решения все больше президиумами да Малыми советами. И не потому, что остальная часть депутатского корпуса любит президента больше (как нас пытается уверить г-н Шумейко), а для того, чтобы потом была возможность от этих документов откреститься. Еще интереснее то, что из многих десятков местных Советов, признавших указ антиконституционным, лишь несколько (и то преимущественно из числа автономий) рискнули объявить его не действующим на своей территории. А из этих последних, кажется, одни только новосибирские власти решились и на следующий шаг — признали президентом Руцкого. Ну, товарищу Мухе терять все равно было нечего...

Сбылся, к сожалению, другой страх — политические банкроты, как и ожидалось, сделали свою последнюю ставку на оружие. Разумеется, развязать настоящую гражданскую войну им не удалось — поди-ка найди в России достаточное число идиотов, готовых идти под пули за восстановление власти депутатов! (Сторонники президента и демократическая пресса театрально возмущаются тем, что в «Белом доме» оружие беспрепятственно выдавали алкоголикам и невменяемым. Помилуйте, друзья, а на каких же еще защитников могут рассчитывать сегодня народные «избраннички»?!) Зато им удалось эту войну обозначить. И для такого обозначения был избран их любимый краситель — кровь невинных.

Я берусь со всей ответственностью утверждать, что кровавый рейд г-на Терехова имел основной целью не захват чего-то конкретного, а именно то, что реально и произошло: завязать бой и набросать трупов. Все равно чьих. Он, наверное, даже предпочел бы, чтобы положили и кого-нибудь из его «орлов», чтобы потом можно было кричать, что оккупационная власть стреляет в народ. Но трупы опять были только с одной стороны.

(Это, между прочим, тоже показательно: во всех решительных столкновениях, на чьей бы стороне ни была власть, армия, милиция, спецтехника и т.п., жертвы бывают только с одной стороны — с нашей. И перебежчики — тоже только в одну сторону: от НИХ к НАМ. В обратном направлении предпочитают перебегать в более спокойной обстановке...)

Но разве это так трудно было предвидеть? Неужели люди президента, планируя переворот, не понимали, с кем имеют дело? Неужели они, распо-

лагая всей информационной мощью МВД и МБ, имели меньше возможностей для прогноза поведения своих оппонентов, чем мы, глядя в телевизор? Блин горелый, да ведь одного этого было бы достаточно, чтобы не заваривать эту кашу! Нет таких политических целей, которые бы стоили человеческих жизней!

Но — что случилось, то случилось.

Убитых не воротишь, и было бы верхом кощунства требовать теперь на этом основании «возвращения к исходному положению» — т.е. восстановления их убийц у власти. Тогда что же мешает смотреть в будущее с оптимизмом и считать случившееся в конечном счете безусловным благом для России?

Да вот то самое, что, собственно, и предопределило быстрое и безусловное поражение парламента в сентябрьском противостоянии: страна вновь убедилась, что легко и без видимых потерь может вовсе обходиться без этого института. «Представительная власть» оказалась пятым колесом в государственной телеге. Никого на самом деле не представляя (нынешняя изоляция «Белого дома» от остальной России — лишь гротескная иллюстрация полной и добровольной отчужденности «народных представителей» от представляемых), не выполняя никаких функций настоящего парламента, принимая провокационные, намеренно разрушительные решения (решения об индексации вкладов, поправки к бюджету, резолюция по Севастополю), съезд и Верховный Совет удивительно эффективно опозорили и скомпрометировали саму идею парламентаризма, и без того не слишком очевидную для обывденного сознания и не имеющую в России сколько-нибудь устойчивой традиции.

Ведь это же НАДО БЫЛО УХИТРИТЬСЯ, чтобы за разгоняемый президентом парламент не вступилась ни одна партия или организация со сколько-нибудь демократическими программными установками. (Громкие резолюции не в счет: их авторы тут же сообщают о своей готовности участвовать в выборах 11—12 декабря, то есть признают ельцинскую реформу де-факто, и вся их грозная риторика не более чем начало предвыборной пропагандистской кампании.) На защиту Дома Советов поднялись только коммунисты и национал-патриоты — те, кому ненавистна сама идея парламентаризма. Интересно, господам депутатам, одоббившим раздачу этой публике оружия, никогда не приходило в голову, что будет, если они каким-нибудь чудом все-таки победят Ельцина? Случись такое — их новые друзья

очень быстро припомнили бы им и первую оборону того же здания, и санкционирование всех действий Ельцина после путча, и ратификацию Беловежского договора, и утверждение Черномырдина... Тут бы они потерей мандата не отделались.

Но дело, разумеется, не в них. «Разве я плачу по мертвым? плачу по тем, кому долго жить». За победу... нет, отнюдь не демократии (успешный разгон парламента как победа демократии — это уже Оруэлл), за победу мало-мальски здравого смысла мы платим одобрением всевластия и безнаказанности чиновников. Степанков, конечно, крайний случай, но так ли уж привержены демократическим ценностям стойкий защитник института прописки Лужков или упорно пытающийся восстановить призыв в армию студентов Грачев? А как следует расценивать «меры», принятые Минпечатью к «Российской газете»? Чем они — по сути или по форме — отличаются от посягательств Хасбулатова на «Известия»? Только тем, что этот произвол творят «наши»?

Но и это еще не все. В сущности, нам убедительно объяснили, что все эти конституции-демократии действуют только до тех пор, пока они не слишком раздражают начальство. А если начнут слишком раздражать, так оно их тут же и прекратит.

Эта убежденность у советских людей (да и до того — у россиян) всегда была в крови. Несколько лет перестройки ушли на то, чтобы хоть немного поколебать эту нутряную уверенность. Наиболее сильный удар был нанесен ей в августе 1991-го, когда «начальство» и впрямь попыталось нас «прекратить», но в итоге мы прекратили его. И что теперь — снова-здорово?

Понимаю, умом понимаю, что все не так; что действия президента могли быть столь успешны только потому, что опирались на поддержку — активную или пассивную — подавляющего большинства граждан; что указ предусматривает почти немедленную оценку власти избирателями и, в сущности, как раз и направлен на восстановление зависимости власти от народа. И все же... Мы, демократы, долго объясняли нашим согражданам, что они живут плохо, бедно, грязно — и после нашей победы они стали жить еще хуже. Мы требовали свободы передвижения — и закрыли для большинства россиян многие территории, куда прежде они ездили запросто. И вот на наших глазах переносится в неопределенное будущее исполнение еще одного нашего программного требования — разделения властей. Не слишком ли много неоплаченных веку-селей? По ним нам никакой Парижский клуб отсрочки не предоставит. ■

Сергей ЧУПРИНИН

ПРИВЕТ ЗМЕЮ ГОРЫНЫЧУ,

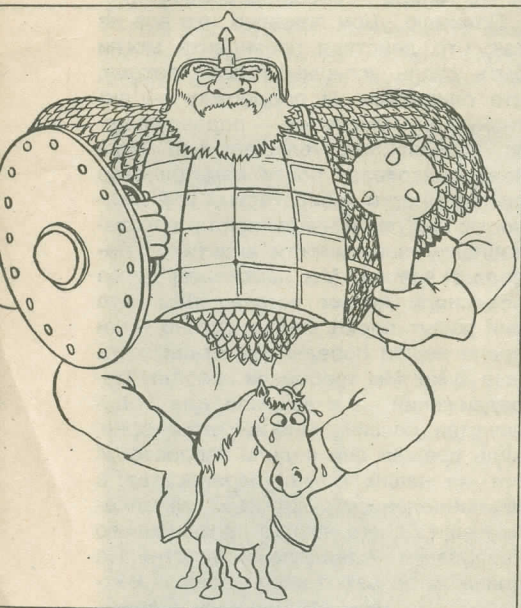
или Еще раз о перспективах отечественного либерализма

В прошлый раз («Столица», № 30) мне уже случалось говорить о перспективах либерализма в России — правда, исключительно с точки зрения тех социально-политических, идеологических и прочих условий, в которых заново — после октябрьской заварушки и бесконечного похмелья — на нашей почве начал произрастать сей диковинный цветок.

Итак, речь шла о почве. Между тем к проблеме можно (наверное, даже нужно) подойти и с другой стороны, «от цветка», попытавшись понять, что же собою представляют те, кто охотно берет сегодня само название «либералов»? Каковы их намерения?

Каковы дела? И чего, собственно, можно от них ожидать — применительно хотя бы к изящной словесности?

Итак...

«Либеральная» лошадь

Общеизвестно, что термины «либерал», «либерализм», «либеральность» и «либеральничанье» в российском словоупотреблении истари звучат как позорные клички. Такова советская традиция, с ленинской подачи понимающая «гнилых либералов» как крайнюю степень, до которой в своем падении может дойти «гнилая интеллигенция». Но такова и досоветская традиция, объединяющая в негативном отношении к либерализму столь очевидно различных, враждующих между собою авторитетов, как Салтыков-Щедрин и Константин Леонтьев, Максим Горький и Александр Блок. Без особого труда можно было бы составить серию цитатников типа еще совсем недавно распространенных — «В.И. Ленин и КПСС о либерализме», «Русские писатели и деятели культуры о том же» — и убедиться в том, что идеи индивидуальной свободы, ограничиваемой лишь законом, то есть взаимовыгодным общественным договором, встречали на российской почве скорее отпор, чем сочувствие.

В мои намерения не входит исторический очерк этой традиции. Полагаю достаточным лишь напомнить о ней, выделив, впрочем, три логически вытекающих друг из друга обстоятельства.

Первое — по видимости, смыкаясь в неприятии русского либерализма, его критики исходили (и исходят), тем не менее, из совершенно не совпадающих друг с другом мировоззренческих и психологических предпосылок.

Так, например, славянофильски ориентированные авторы небезосновательно полагали (и полагают), что призрак либерализма угрожает таким исконным национальным добродетелям, как «соборность», «роевое сознание», «патернализм» и «патриотизм», то есть, иными словами, видели (и видят) в либералах агентов чужеземного и уж, во всяком случае, инокультурного влияния, по

отношению к которым возможно только инстинктивное отталкивание.

Иное дело — радикалы всех видов и толков. Версия о чужеземном происхождении либеральных идей и тут не исключается, но в ослабленном варианте, ибо с позиций тех, кто придерживается принципов силового воздействия на действительность, «заморская болезнь» обошла бы россиян стороной, не упади она на хорошо подготовленную почву. Либерализм видится с этой точки зрения как органическое производное таких специфически русских явлений, как «маниловщина», «молчалинщина», «обломовщина» и «достоевщина», как синонимом межеумочности и мелкотравчатости, а либералы как люди, может быть, даже чересчур русские, но те, с кем невозможно ни на баррикады выйти, ни в разведку пойти. Отношение к либерализму определяется, следовательно, с одной стороны, индивидуализированной степенью разогретости радикальных эмоций, а с другой стороны, конкретной исторической ситуацией. Иными словами, в условиях военного времени (например, в условиях ожесточенного идеологического противоборства) либералов можно и к стенке поставить, к позорному столбу, тогда как в условиях социального мира с их вызывающим досаду присутствием можно, пожалуй, даже и свикнуться, вот именно что примириться.

И, наконец, последняя негативная по отношению к либерализму посылка. Ее можно было бы назвать эстетической, так как она состоит в предположении (скорее, даже подозрении), что идеи либерализма, если они, не приведи Бог, овладеют художниками, заведомо исключат из российской культурной реальности искусство как проповедничество и пророчество, как романтическое преобразование мира, подрежут крылья творческому своеволию и творческому насилию над материалом, размоют ценностей

незыблемую скалу. Говоря опять-таки иными словами, в этой системе непонимания либерализм признается делом частного человека, обывателя, нетворца и, соответственно, той средой, в которой подлинное высокое искусство неминуемо чахнет, уплотняется и вырождается.

Что из сказанного следует? Только то, и это второе важное обстоятельство, что антилиберальность антилиберальности рознь, если выясняется, что одни считают либерализм в принципе несовместимым с русской традицией и российской действительностью, другие — всего лишь чем-то ущербным и до крайности несвоевременным (как стихи Фета во время лиссабонского землетрясения), а третьи движимы скорее интуитивной подозрительностью и предвзятостью.

Становится ясным, и именно к этому я и клонил, что, помимо тоталитариев (коммунистов и фашистов), у нынешних либералов есть непримиримый, последовательный противник в лице тех, кто возвышает права нации или государства над правами личности, есть потенциальный, ситуативный оппонент-союзник в лице радикалов антитоталитарной ориентации и есть неравнодушный, беспрестанно импровизирующий свидетель в лице художников романтического склада.

Вопрос о мнении так называемого народа, то есть о мнении не рефлектирующей на эти темы части населения, мы пока оставим без рассмотрения, так как я и без того начал вроде бы с конца, заговорив о скольконибудь проартикулированном, осмысленном сопротивлении либеральной инициативе, прежде чем о самой этой инициативе как таковой.

Так вот, о либеральной инициативе, толки о которой в последние несколько месяцев буквально захлестнули как литературную, так и нелитературную периодическую печать.

Этим толкам можно было бы, казалось, лишь радоваться, но осложняющий фактор здесь в том, что едва проклюнувшаяся либеральная идея, во-первых, сталкивается с априорным и, как видим, уже отобилизованным сопротивлением, а во-вторых, и ныне, в атмосфере постперестройки, является на общественный суд в скомпрометированном обличье, еще не пройдя стадии кабинетной, сосредоточенной рефлексии и уже оказавшись заляпанной уличной, митинговой грязью.

Этого, если попытаться безуспешно воспарить в сферу гадательности, могло бы не случиться, если бы Андрей Дмитриевич Сахаров, свод идей которого безусловно либерален по своей природе и по своему существу,

успел или, скажу осторожнее, счел для себя возможным знаково отождествить свою позицию с либерализмом как определенным типом жизнепонимания и общественного поведения. Речь, разумеется, только о вероятности, и тем не менее не исключено, что, по русской традиции персонализировавшись, найдя подкрепление в слове и деятельности харизматического лидера, либеральный символ веры мог бы катализировать процесс общественной самоидентификации, дать отечественному либерализму больший, чем в иных условиях, исторический шанс.

Увы, случилось так, как случилось, других общепризнанных, интегрирующих авторитетов в среде либерально мыслящей интеллигенции не нашлось, и по злой насмешке истории первым отечественным либералом новейшего времени объявил себя господин Жириновский — основатель и вождь ЛДПСС — Либерально-демократической партии Советского Союза. Дальше — больше: о своих либеральных симпатиях, своей демонстративной либеральности громко заговорили как раз радикалы, и я лично максимальное — с мазохистской точки зрения — удовольствие испытал, познакомившись с речью господина Бурбулиса на встрече с так называемыми «представителями демократической общественности» 16 июня с.г. С дидактической непререкаемостью, вполне уместной в устах профессионального пропагандиста теории научного коммунизма, г-н Бурбулис заявил: «В мировоззрении должны преобладать либеральные ценности» — не преминув, впрочем, как честный человек указать и на сугубо ситуативный, тактический характер этого должествования: «На идее свободы должна быть акцентировка, а не на идее равенства. И не потому, что равенство и социальная справедливость не дороги нам. Просто эти идеи были извращены, доведены до абсурда, и ближайšie лет 10—15 нужно пропагандировать не их, а свободу и конкуренцию».

Здесь, безусловно, многое можно сказать. И о классическом национальном феномене самозванства — в том числе самозванства идеологического, интеллектуального. И о вьезшейся, по-видимому, в ментальность даже наиболее образованных российских политиков привычке инструктажем не только подменять, но и опережать свободную мировоззренческую дискуссию. И о том, наконец, что идеи приоритета прав личности в сравнении с любыми другими правами, идеи свободы, ограничиваемой лишь общественным договором,

идеи внеиерархического мирного сосуществования разнопорядковых идеологических, моральных, эстетических, иных ценностей, то есть идеи собственно либеральные сами по себе отнюдь не повинны в том, что и их у нас пытаются внедрить в жизнь, насильственно насадить — будто картошку во времена Екатерины.

Хотел бы ошибиться, но безоглядная решимость российских политиков, связавших себя со стратегией или, во всяком случае, с риторикой либерализма (а г-н Бурбулис тут совсем не одинок) позволяет предположить, что либерализм как политическое, как общественное движение уже потерял или, по крайней мере, стремительно теряет свой исторический шанс, — безотносительно к тому, что по этому поводу думает потенциальная политическая пехота, то есть избиратели, народ.

Что же касается приверженцев собственно либеральной идеи, а к их числу и я смею себя отнести, то им (нам), боюсь, уготована в недалеком будущем та же бедственная участь, что и нынешним сторонникам социалистической идеи. А именно: обреченно и нарываясь на насмешки твердить, что сама-то по себе идея — неважно, социалистическая или либеральная — чудо как хороша, но конкретные исполнители, если угодно, реализаторы, подкачали, решительно все извратив и ополшив.

И еще один вывод, уже применительно к проблеме российской ментальности.

Коротенькая — пока всего в несколько месяцев — повесть о злоключениях русского либерализма новейшего образца показывает, с какой неуследимой быстротой и с какой неотвратимостью внутри — это очень важно, что именно внутри, — свежесобравшегося общественного феномена образуется, окостеневая, привычный, хотя, казалось бы, и не предусмотренный никем каркас иерархичности, клановой и партийной нетерпимости, склонности к силовому разрешению всех попутно возникающих проблем. Это особенно, может быть, наглядно при оценке современной литературной ситуации.

Ведь на чем, собственно, строится либеральное отношение к литературе, к искусству? На немногом. На нескольких простых, общепонятных аксиомах.

Первая из них — признание за художником неотъемлемого права на свободу творчества, а за читателями, слушателями, зрителями — столь же неотъемлемого права на свободу предпочтений, то есть на свободу выбора.

Второй постулат говорит о том, что

принятые представления о традиционности-новаторстве, художественности-низкопробности, элитарности-массовости и т.д., равно как и всякого рода табу, внутреннее и внешние ограничения свободы творчества и свободы выбора, не заповеданы тому или иному обществу раз и навсегда, но входят в состав общественного договора, то есть «закона», регулирующего взаимоотношения деятелей культуры и общества. Причем то, что казалось абсолютно невыносимым или вызывающе антикультурным нашим дедушкам-бабушкам, может стать эстетической и этической нормой для нового поколения; в свою очередь то, что уместно в лаборатории, в ателье художника, в эстетическом андерграунде, в том или ином субкультурном слое, может оказаться (или показаться) решительно неуместным, например в высокотиражной газете, на экране государственного телевидения, в школьном курсе родной литературы.

И наконец, третий; последний, прямо вытекающий из уже изложенных принципов. Его можно было бы назвать принципом мирного сосуществования в культуре, когда, не мешая друг другу, действительно расцветают сто цветов, когда в принципе невозможно какую-либо тенденцию объявить «магистральной», соответствующей традициям национальной классики, а какую-то — «типичковой», когда нет раз и навсегда заданной, универсальной и вневременной иерархии жанров, тем, дарований и художественных приемов, когда нет, наконец, вкусовой тирании как потребительского большинства, так и культурной элиты.

Смею предположить, что еще пять—семь лет назад на этой позиции могли бы сойтись (и сходились) едва ли не все антитоталитарно, антицензурно настроенные литераторы — за вычетом, естественно, тех, кто защиту «национальных» либо «православных» устоев превратил едва ли не в главную свою профессию. Достаточно вспомнить, с какой страстью, с каким единомыслием говорилось тогда — на писательских собраниях, в печати — о пользительности художественного разнообразия и свободе творческой соревновательности, о правах автора и читателя, о необходимости воссоединить литературу метрополии и литературу русской диаспоры, литературу легальную и литературу андерграунда в единое культурное пространство.

Прошло, повторяю, всего только пять—семь лет. И что же? Смею утверждать, что и эти пять—семь лет протекли, и нынешний день протекает отнюдь не в утверждении принципа:

«Пусть расцветают сто цветов» — но в изнурительных и уж, во всяком случае, бесплодных внутрикультурных распрях, когда чуть ли не любая творческая инициатива имеет шанс обернуться маленьким Карабахом.

Хочу быть верно понятым. Я говорю в данном случае не об идеологической конфронтации так называемых «демократов» и так называемых «патриотов», ибо эта конфронтация развернута во внеэстетической, внехудожественной плоскости, что ясно показывает пример Эдуарда Лимонова или Александра Зиновьева, которые статус любимцев отечественной демократии сменяли за эти годы на статус поэтов национал-патриотического движения. Я говорю даже не об индивидуальных позициях тех или иных художников — опыт XIX и XX веков свидетельствует, что большинству из них либеральная веротерпимость и эстетическая широта в принципе несвойственны, и Александр Солженицын, Тимур Зульфикаров или Владимир Сорокин безусловно вправе иметь (и утверждать) сколь угодно экзотическую, крайнюю точку зрения и на искусство вообще, и на творчество своих коллег-современников в частности. Тут проблемы нет, и хрестоматийная фраза: «Я художник, следовательно, я не либерал» — говорит, мне кажется, не только о личном выборе Александра Александровича Блока, но и о природе творчества как таковой.

Поэтому я веду речь только и исключительно о сфере, в которой заявляют о себе, функционируют и оцениваются явления искусства, то есть о печати и о литературной критике по преимуществу. Она, литературная критика, не нашла или почти не нашла в себе сил для того, чтобы сформировать новое для посттоталитарной России понятие о литературном пространстве, где никому не тесно и никто никого не тиранит.

Литературное произведение по-прежнему сплошь и рядом интерпретируется и оценивается не с точки зрения законов, власть которых автор признает над собою, но в соотношении с некоей универсальной шкалой критериев, что приводит к забавным недоразумениям, к классической ситуации, когда, например, к постмодернистскому или маскульттовому сочинению пробуют подойти с позиции, утвержденной нормативной реалистической традицией.

То один коллега-критик, то другой с охотой берет на себя функции упрямца, пытаясь не только негативно оценить, что было бы вполне нормально, но еще и вытолкнуть, исключить несимпатичное ему лично лите-

ратурное явление из сферы культурного обращения.

Вместо принципа примыкания, пополнения и расширения литературного пространства за счет все новых и новых имен, произведений, инициатив по-прежнему действует логика тотального, беспощадного вытеснения чужаков, как будто Фазилю Искандеру (с точки зрения, допустим, Станислава Рассадина) действительно может помешать одновременное существование в литературе Виктора Ерофеева, а присутствие Булата Окуджавы (с точки зрения уже Дмитрия Галковского) действительно застит свет и самому Галковскому, и тем, кого бы он хотел видеть в своем кильватере.

Ну и так далее. Сказанного, я думаю, достаточно, чтобы увидеть, что же на самом деле вышло из намерений, еще пять—семь лет назад казавшихся столь либеральными. Причем — и именно это сражает наповал — антилиберальная по своей внутренней сути практика с равным примерно успехом проводится как критиками, редакторами, издателями старших поколений, так и теми, кто уже хотя по возрасту не отягощен, казалось бы, ветхими привычками и стандартами, — сошлось в качестве свежего образца на августовско-сентябрьскую серию статей Ефима Лямпорта в «Независимой газете» об очередных претендентах на Букеровскую премию.

Чувство же, близкое к мазохистскому, я лично испытал, когда прочел в журнале «Столица» (№ 29) рассуждения ценного мною Дмитрия Быкова о том, что читатель (разумеется, в единственном числе и чуть ли не с заглавной буквы) чего-то там «не хочет» и что-то там «пытается осмыслить». Э, подумал я, уж если даже патентованный либерал, ерник и умница Дмитрий Быков представляет себе разноликую, разнокалиберную российскую аудиторию в виде Змея Горыныча о ста пятидесяти миллионах голов и, более того, берется представлять от имени этого умозрительного монстра, то плохи дела у отечественного либерализма — даже в такой отдельно взятой области, как литературная критика.

Так что же тогда выходит — нет у русских либералов абсолютно никакой перспективы?

Отчего же? Такая перспектива, на мой взгляд, все-таки остается, но об этом — как-нибудь в другой раз.

Григорий КРОШИН

ПОКА В ДОМЕ ГУЛЯЮТ СКВОЗНЯКИ...

Ох, зря, думаешь иногда, ругали наш бывший парламент, хотя он никогда и не был настоящим... Вот на одном из самых последних перед его упразднением заседаний тогдашними депутатами было одобрено Соглашение о сотрудничестве между Верховными Советами России и Армении. Причем прошло это на редкость оперативно: не было никакого обсуждения, голосование оказалось стопроцентно единогласным, а вся процедура не заняла и десяти минут... Прибывший специально ради такого события в «Белый дом» официальный представитель Республики Армения в Российской Федерации Феликс МАМИКОНЯН, кажется, был даже несколько растерян от такой оперативности. Но при моем вопросе о причинах такого единодушия, похоже, быстро — вот что значит настоящий дипломат — взял себя в руки:

— Тут, по-моему, две основные причины. Первая — это то, что сегодня между Россией и Арменией существуют тесные отношения, которые выглядят как вполне естественный факт, а значит, не требуют долгого обсуждения. Вторая: ныне ситуация в самой России настолько напряженна и насыщена, что, вероятно, все помыслы ваших людей направлены в первую очередь на решение внутривнутриполитических проблем.

— Как вы оцениваете позицию России в событиях вашего региона и на что рассчитывает армянская сторона, заключив упомянутое Соглашение?

— Соглашение напрямую не связано с событиями вокруг Карабаха. Но при всех обстоятельствах мы понимаем, что Россия является той страной, которая держит нити от этой ситуации в своих руках. Это исторический факт: и Азербайджан, и Армения всегда были в сфере интересов России, и до сих пор это российское влияние в регионе сохраняется. Россия поэтому играет главенствующую роль в урегулировании конфликта.

— Не потому ли переговоры между Карабахом и Баку, между Баку и Ереваном проходят именно в Москве?

— Безусловно. Основным местом, где решается судьба конфликта, будет Москва, Россия, и ее позиция в этом вопросе очень важна.

— А какова позиция Армении?

— Она четкая. Армения считает, что должны идти прямые перегово-

ры между Карабахом и Азербайджаном. Которые, к нашему удовлетворению, уже начались. Урегулирование конфликта должно быть только мирным и гарантировать безопасность армян, проживающих в Нагорном Карабахе. Я вижу, что такая позиция Армении встречает понимание у основных российских политических сил.

— На границе с Турцией, как известно, ситуация сейчас непростая. Какова, на ваш взгляд, роль России в том, чтобы здесь не разгорелся пожар войны?

— Роль России здесь тоже весьма существенна. С ней не могут не считаться страны этого региона, в том числе и Турция, на руководство которой, видимо, сильно давят определенные политические силы, и оно вынуждено демонстрировать «силовые» приемы... В Армении это понимают так: если турецкое правительство прибегнет к каким-то активным действиям, то это наверняка взорвет ситуацию в регионе и будет непредсказуемым по своим последствиям... Надеюсь, что позиция России в этом вопросе будет четко обозначена.

— Не ускорит ли вступление Азербайджана в СНГ, полноправным членом которого Армения уже является, и присоединение его к Договору о коллективной безопасности стран СНГ, урегулирование взаимоотношений между вашими странами — теперь членами одного Содружества?

— Я, в принципе, согласен с вашей

оценкой возможной ситуации: присоединение Азербайджана к Договору о коллективной безопасности даст больше, чем сегодня, возможностей для урегулирования. Вообще-то если миллмеджлис считает, что Азербайджан должен присоединиться к Договору о СНГ, то ему достаточно для этого просто... ратифицировать этот договор, который уже подписан бывшим президентом Азербайджана Муталибовым.

— А как Армения относится к вступлению Азербайджана в СНГ и к присоединению его к Договору о коллективной безопасности?

— Армения выступала и всегда выступает за сотрудничество. В конце концов и Азербайджан, как и Армения, был одним из учредителей СНГ, не будем об этом забывать. И Армения с этим фактом считается. Другое дело, когда Азербайджан будет в составе СНГ, то, по-видимому, и Армения и Азербайджан должны будут предпринять дополнительные усилия уже в рамках СНГ, чтобы урегулировать свои взаимоотношения.

— Когда все-таки война прекратится, как вы думаете? Что мешает этому сегодня?

— Весь конфликт происходит под одним знаком: есть воля населения Нагорного Карабаха, выраженная в том, что оно выдвинуло определенные политические требования. Их и надо рассматривать в цивилизованном порядке. Как, допустим, поступили в бывшей Чехо-Словакии с чехами и словаками... Но у Азербайджана с первого же дня и до сего времени сохраняется желание решить вопрос военным путем, силой. То есть заставить население Нагорного Кара-

баха смириться, а потом — выдать его с занимаемой территории... И, естественно, они столкнулись со стойким сопротивлением маленького народа. Начавшись с мелких стычек, конфликт превратился в полномасштабную войну.

Сегодня Азербайджан терпит военное поражение, так как не может отказаться от намерения решить проблему военным путем. А надо сторонам сесть за стол переговоров и там решать все проблемы. А позиция Армении в этом вопросе однозначна: то, что устраивает население Нагорного Карабаха, то устроит и Армению. Мы — за мирные переговоры, за мирное решение конфликта. Это, знаете, как в схватке Давида и Голиафа: Голиаф должен понять, что с Давидом лучше **договориться**, чем пытаться поставить его на колени...

— Вы сказали: Азербайджан терпит военное поражение. От кого?

— От Нагорного Карабаха, безусловно.

— Не от Армении?

— Армения не участвует в военных действиях. Если участвуют армяне, то это еще не значит, что участвует Армения. А участвующие армяне — это силы самообороны Нагорного Карабаха. Это гордый, воинственный горный народ, который нельзя покорить. Мы же все столкнулись с подобным явлением еще на примере Афганистана: когда большая страна все свои резервы бросила на то, чтобы смирить маленький народ, — этого не получилось. Сегодня в Карабахе, по сути, происходит то же самое. Для маленького горного народа Карабаха понятие чести, свободы, человеческого достоинства намного ярче выражены, чем, возможно, у каких-то других народов. Не забывайте, что Нагорный Карабах дал Советской Армии очень большое число блестящих генералов, смелых офицеров. В карабахцах живет этот воинственный дух, их не так-то просто поставить на колени. Да и невозможно.

— Откуда же такие значительные, технически современные вооруженные силы взялись вдруг у этого маленького, как вы говорите, народа, чтоб не только успешно противостоять, но еще и выигрывать у прекрасно оснащенной регулярной армии Азербайджана?

— Во-первых, этому горному народу в такой войне не требуется больших технических средств: такова специфика ведения военных действий в горных условиях. А во-вторых, то вооружение в Карабахе, которое сегодня есть, попало туда разными путями. Часть его поставляют карабахская диаспора. Другая часть — это воо-

ружение, захваченное у противника, у азербайджанской армии... Ведь в прошлом году Карабах терпел военное поражение, если помните. Почему? А потому, что у него не было соответствующего вооружения. Теперь — есть. Между прочим, многие российские дипломаты тоже этому долго не верили, пока не приехали в Степанакерт и не увидели своими глазами, что в Степанакерте работает танкоремонтный завод, на котором ремонтируются... азербайджанские танки!..

— Так что же, регулярная армия Азербайджана неумело воюет?

— О профессиональных качествах азербайджанской армии я судить не берусь. Я могу это явление вам объяснить как армянин: всегда важна идея, за которую ты воюешь. Карабахцам сегодня отступить некуда: это их дом, и они должны его защищать. Для азербайджанской же армии ситуация выглядит иначе: их ребята должны идти и отдавать свои жизни за непонятные цели... Этот моральный фактор играет очень важную роль в этой войне. И карабахцам одной неимоверных усилий удалось создать довольно дееспособную структуру — как военную, так, между прочим, и гражданскую. Знаете, они в этом смысле, в гражданском, даже больше преуспели, чем в Армении: сегодня условия жизни Карабаха, как это ни странно, лучшие, чем условия жизни в Армении, — там есть и свет, и тепло, а у нас, в Армении, всего этого нет...

— Множество всяких слухов о том, что Россия тоже участвует в этой войне...

— Да, слухов много. Мне кажется, все это носит больше пропагандистский характер, чем какой-то реальный. Скажу так, российские военные там не нужны. Не потому, что они плохо воюют. Нет, просто карабахцы вполне справляются сами, нет никакой необходимости привлекать российских военных. Конечно, есть отдельные российские добровольцы, этого я не исключаю. Но они не играют там существенной роли. В этой ситуации никакая наемная армия не могла бы действовать сколько-нибудь эффективно. Лучше действуют люди, которые защищают свой дом, это уже проверено.

— Но, естественно, Россия, ее население с большим вниманием следят за развитием событий в вашем регионе. Объясняется это пристальное внимание россиян еще и тем обстоятельством, что, как известно, на Кавказе, в частности и в Армении, проживает сегодня много русских и русскоязычных. Не опасно ли для них сегодня находиться в Армении?

— Для русских в Армении, я в этом убежден, никакой опасности не существует. И прежде всего потому, что военные действия ведутся лишь в приграничных районах с Азербайджаном, а не на основной территории Армении. Разумеется, те русские, которые живут в этих приграничных районах, покидают свои жилища и уезжают. И ясно, что те, у кого есть родственники в России, имеют как бы при этом дополнительное «преимущество»: им есть куда уехать... Остальных устраивают в самой Армении, и им, конечно, не позавидуешь... Но, повторяю, это лишь малая часть русских, которая живет в приграничных районах, подвергающихся обстрелам. И связан, следовательно, этот уход русских не с тем, что в Армении есть какое-то негативное отношение к русским, а именно из-за **военной опасности**. Второе обстоятельство — это тяжелейшее **экономическое** положение в Армении: зимой, как я уже упоминал, практически нет отопления, света и газа, очень плохо с удовольствием. Этого не выдерживают не только русские, а и многие армяне... А что касается отношения армян к русским, то оно в нашей республике хорошее, стабильное, уважительное. Таких проблем в Армении сегодня нет. Есть только те, что связаны с войной...

— Скажите, после всего, что сегодня происходит между армянами и азербайджанцами, — возможны ли, скажем, после окончания войны нормальные, человеческие взаимоотношения между вами на бытовом уровне?

— Я думаю, что мы, армяне, в этом смысле большие оптимисты, чем может показаться на первый взгляд. Я приведу вам такой пример. Когда я в Москве иду на рынок, а там торгуют очень много азербайджанцев, у меня нет никакой ненависти к этим людям. И думаю, что у них ко мне — тоже. И многие армяне мне об этом же ощущении рассказывали. Мы с ними общаемся абсолютно без всякой предубежденности, без какого-либо недружелюбия. Мне кажется, это и есть основа для будущего взаимоотношения между нами. Так же и во властных структурах: я часто общаюсь с азербайджанскими послами — мы всегда нормально разговариваем, спорим, может быть, не соглашаемся в чем-то, но — общаемся нормально. Чувства враждебности никогда не возникает. По крайней мере, у меня именно такое впечатление. Это, наверно, немного странно, иногда я сам этому удивляюсь, но — это так.

Видимо, это чувство неприязни, даже ненависти, вражды есть у ребят, которые сражаются на передовой, это

можно понять... Но, в принципе, если будет найдено наконец мирное урегулирование, то есть шанс все-таки, что в конце концов установятся и человеческие отношения между нашими народами. Важно только, чтобы из этого конфликта каждый из народов вышел с достоинством, не униженным, не ущемленным в чем-то, чтобы не было оскорблено чувство национального достоинства ни одного народа, ни другого.

Мне кажется, что все же человеческие чувства не исчезли с этой ирреальной войной. Хотя она, конечно, более чем реальна... Но воспринимаются — именно как ирреальная.

— Может, потому, что в ней мало логики?

— Нет, знаете, я лично вижу в ней логику. Не в самой войне, конечно... В системе действий. Вот смотрите. Есть имперская логика и есть неимперская, так? Например, Азербайджан, когда он выходил из Советского Союза, понимал, что СССР — это большая империя и в ее рамках невозможно самоутвердиться. Но желание республики было именно таково — получить определенную свободу действий, самоутвердиться в качестве самостоятельного государства, способного самому решать свои проблемы. Но, отстаивая эту справедливую точку зрения, Азербайджан никак не хотел понять, что и другие народы, допустим, входящие в его состав, тоже в свою очередь желают получить определенную самостоятельность уже в рамках того же Азербайджана... Получается эффект «матрешки»: большая империя распалась, а «малая империя» (и это можно наблюдать, кстати, не только на примере Азербайджана) с удивлением обнаружила, что то, против чего она сама боролась, будучи в Союзе, присуще ей самой... Конечно, психологически с этим трудно смириться, но если ты политик, обязан перешагнуть через какие-то вещи...

Понимаете, у нас нет еще понятия «гражданского общества». Большинство наших стран хотят построить **национальное** государство. А надо строить, я считаю, просто — **государство**. Не национальное, а гражданское: все люди, которые в нем живут, они все — граждане этой страны. Вот когда придет понимание этого, тогда, я думаю, многое будет иначе. Более человечно. Яркие примеры тому — бывшая Чехословакия и другие восточноевропейские страны, где процесс идет по пути строительства гражданского общества. А у нас, в бывших республиках Союза, к сожалению, не так...

— В своей работе постоянного представителя в России находите

ли вы взаимопонимание российских властей?

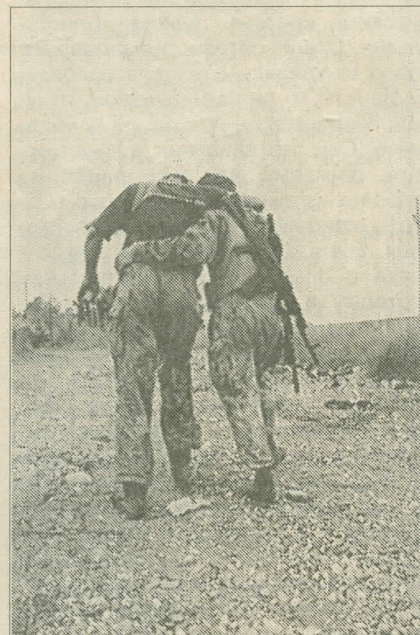
— Бывает по-разному. Хотя, я знаю, есть такое представление: Россия, мол, безоговорочно поддерживает Армению... Это вовсе не так. Я нахожу полное понимание лишь в тех случаях, когда моя позиция достаточно логична, убедительна, отвечает интересам как Армении, так и России. Но, естественно, бывают и вопросы, когда мы не находим сразу полного взаимопонимания. Стараемся работать для преодоления этой ситуации. В этом — моя работа.

— Во всяком случае, как я вас понял, вы с неким оптимизмом смотрите и на развитие российско-армянских отношений, и на урегулирование взаимоотношений с Азербайджаном и вообще ситуации в вашем регионе, это так?

— Что касается отношений с Россией, то я действительно смотрю на перспективу их развития с большим оптимизмом. Ведь, кроме всего прочего, моя профессиональная обязанность как посла быть оптимистом в этом вопросе: иначе не стоило бы мне заниматься этой работой.

А что касается ситуации в регионе, мой оптимизм не так, к сожалению, велик. Просто потому, что сложилась геополитическая ситуация. Понимаете — был дом, потом открыли все двери, и сейчас... гуляют в ней сквозняки. Нужно какое-то время, чтоб эти «сквозняки» перестали гулять. Этот дом со «сквозняками» — наше Закавказье...

Одна из последних фотографий трагически погибшего в Сухуми фотокорреспондента ИТАР—ТАСС А.Соловьева

Михаил ГЛОБАЧЕВ

ЧУКЧА-МЕТАМОРФ И ПОЛИТОЛОГИЯ СТЁБА

Эссе Александра Терехова «Последняя война» («Столица», № 38) я впервые прочел еще в рукописи, тут же познакомился и с откликом Галины Старовойтовой, а материал Валерии Новодворской был на подходе. Уже тогда будто проглянула некая особинка готовящейся подборки, но делать в тот момент какие-либо значимые выводы

было рано. И вот: «...некоторые авторы демократических изданий всерьез и с пафосом... говорят уже о том, что Россию пора очистить кровью. Другие им возражают» — с не меньшей долей пафоса и столь же серьезно оповещает редакционная шапка. И теперь я могу подтвердить без оговорок свое первое впечатление.

Суть его в несообразности. Несообразности — как отсутствию совместной и совместимой картины мира. Вроде бы говорят три автора об одном и том же, но на самом деле каждый о своем.

Пламенная Новодворская длит нескончаемый поход Дон Кихота против мельничных жерновов, львиных клеток и каторжных оков империи зла. Отправной же точкой ее нового рейда может стать что угодно и кто угодно: хоть этот Терехов, хоть его однофамилец, предводитель «парламентских» красных бригад. Блистательная Старовойтова полемизирует, словно включаясь с ходу в прерванные дебаты то ли на Верховном, то ли на президентском, то ли на ученом совете. Сам же виновник дискуссии... Он-то, по-моему, как раз ничего не повторяет из высказанного ранее.

Есть, конечно, и у него своя постоянная линия, но она нигде не пересекается с опытом двух политических писателей и деятелей. Похоже, мишень возможной критики до самого конца остается вне поля их обстрела, и не стоит пытаться поразить ее испытанным оружием. Иначе все может получиться — и действительно получается, — как в устроенном лет двадцать назад с большой помпой рекламном поединке боксера-тяжеловеса с чемпионом дзюдо. Оба продемонстрировали блестящую технику, но ни один не смог не то что одолеть соперника, но даже притронуться к нему.

Тогда, при первом чтении, я сам, грешным делом, прикидывал, что и как можно бы противопоставить мундирной ностальгии в тереховском исполнении. И всякий раз, как только я пытался выстроить в уме ответ, исходя из политологического знания, мысль расплзалась безудержно и беспомощно, съезжая с исходного материала куда-то вбок. В самом деле, что можно возразить, скажем, на альтернативный прогноз судьбы балтийских «республичек» с «начально раблепными народными фронтами»? Ну, допустим, нашелся бы «на месте горбачевской пустоты... самый захудалый генерал-майор», поставил бы им, держа их же под танковым прицелом, жесткие условия выхода из Союза. В том, что таковые в идеале должны были бы иметь место, как и разумный, не нынешний — бездарно форсированный срок, я ничуть не расхожусь с Тереховым; и он, заметьте, вроде не отрицает правомерности этого выхода как такового. Предположим, они, стараясь дотерпеть и выслужить обещанное, «ходили бы на цыпочках вокруг русского человека и снимали шапку за квартал...». Ходили бы и снимали бы скрипя зубами, вплоть до получения на руки свидетельства со штампом о цивилизованном разводе, но ни секундой дольше. Ну а дальше-то что? Взрыв задержанного и оттого стократ мерзейшего озлобления? Это — во-первых. Во-вторых, в реальности не нашлось ведь и захудалого спаси-

теля союзного отечества, хотя мострелковых дивизий и генеральских погон кругом было видимо-невидимо.

Словом, если бы да кабы... росли бы ранние грибы. Те, на которых сельские плотники привычно ворожат войну. Нет, несерьезно как-то обсуждать эти вещи с подобных позиций.

А как серьезно?

...В блаженной памяти девяносто первом году довелось мне подписывать в печать газетный номер с отповедью на самое раннее из скандализирующих демпублику тереховских (тогда «огоньковских») сочинений, где он впервые надругался над общим делом, призвав не судить, но миловать (нотабене!) Горбачева с его командой недоперестройщиков и «не наступать на живое» (имея в виду премьера Павлова, что как раз тогда с живостью необычайной махнул нам купюры). Ибо — цитирую: «Счастье наше уже с нами, здесь, вокруг нас...»

Свой отклик автор заканчивал так: «...после «Дробинки...» (той статьи в «Огоньке». — М.Г.) Терехов перестал быть мне интересен, больше я его не читаю, несмотря на то, что знатоки горячо рекомендуют его рассказы в № 2 журнала «Согласие». Говорят, это лучшее, что написано у нас об армии. Не верю».

Сколько бы высоко я ни ценил суждения Бориса Золотарева, одного из самых народных и русских среди известных мне писателей (даром что он и «городской», и «русскоязычный»), но мне Александр Терехов по-прежнему интересен. С ним никак не соскучишься: то он обличает неуставные отношения в Советской Армии, то выступает в роли просвещенного и пресыщенного консерватора, уговаривая не топтать живой цвет государственного истеблишмента, то вдруг, наоборот, обидевшись за развал Империи, рвется побольней наступить на главного из бывших; наконец, по видимости, прямо объявляет кровь фундаментом русского национального блаженства. Завтра же он вполне может обернуться православным мистиком или кем-нибудь еще покруче...

Г-жи Новодворская и Старовойтова, между тем, воспринимают Терехова как застывшую данность, подходя к искуснику писательских перевоплощений с мерками текущей политологии. Образную структуру произведений они сплошь и рядом толкуют как некий эквивалент личности автора. Написал Терехов, скажем, что нам для полного счастья не хватило одной войны — стало быть, ему понадобилось кровопролитие. Странно: не думаю, что Галина Васильевна не знакома с трудами Бахтина, а у Валерии

Ильиничны, по первой специальности литературоведа, эти труды должны вообще, что называется, от зубов отскакивать. Увы, довлеет дневи злоба его.

Впрочем, кое-что в этой загадочной гармонии удастся поверить алгеброй — только иных, внеидеологических систем. Терехов определенно тяготеет к последней по счету героической эпохе, на дух не перенося «сопливо воспитанных» шестидесятников. Все закономерно: что по Энгельсу, что по Фрейдю (и даже по А.Сафронову) возрастные антагонизмы действуют в полную силу меж соседними поколениями; дети ожесточенно воюют с отцовским влиянием, куда терпимей относясь к ценностям дедушек. В полном соответствии с этим его выдает многозначительная обмолвка (она-то, подозреваю, и подсказала редактору кандидатуру, по крайней мере одного из оппонентов): «И не случайны женоподобные, бабьи личики перестройки — горбачевы, станкевичи... и единственный-то мужик среди них — Г.Старовойтова».

И вот на фото участницы дискуссии — солидная фактура, крупные черты волевых лиц. А перед ними этакий нахотленный воробышек с мечтательно-обиженным взором. Допускаю, что портрет, может быть, не самый удачный, но рядом с другими двумя — красноречивей некуда. Дамы-политики демонстрируют здесь качества, традиционно присущие сильному полу. Старовойтова, сдерживая жесткой рукой напряжение чувств, веско анализирует реальность, даже обращается к фронтовому опыту «малых войн». Напор мысли и темперамента Новодворской сокрушает все преграды. Терехов же работает на одних эмоциях — восторгается, томится и исходит рыданиями, переживая сплошное Нечто.

Он ведь, в сущности, даже не удосужился поведать, с кем и за что воевать полезнее всего. Решения вообще не по его части: ну, не политик он вовсе — конструктор и медиум параллельных вселенных, сочинитель из романа Кабакова. Или, как в популярном анекдоте, «чукча-писатель». Именно тем, и только тем, в конечном счете, интересен.

И я, добавляя в дискуссию свои три гроша, не стал бы ни возмущаться, ни рассуждать о Карабахе и Литве, а сказал бы Александру Терехову так:

«Саша, — надеюсь, разница в возрасте извинит хоть отчасти мне эту непринужденность, — как и госпоже Старовойтовой, мне неведомо, приходилось ли вам бывать в прифронтовой полосе. Мне, как и ей, — пришлось. Не это важно, а другое: мы с вами оба

отслужили срок в армии, я в мирное время, вы — в невоевавших частях. Именно пережитое и прочувствованное там принесло вам первую литературную славу. Любого из ваших рассказов человеку даже совсем несведущему, но мало-мальски толковому, хватит за глаза, чтобы признать: такая армия победить никого и никогда не сможет. Мой опыт, более ранний, а потому несколько менее мрачный, полностью подтверждает ваши наблюдения. В них вы со всей определенностью высказались как художник, и нет ни малейшей необходимости разбавлять сделанное соображениями публициста, волевыми вторичными. К тому же, простите за прямоту, работы этого рода никогда не были сильной стороной вашего дарования, невзирая на всю «плотность» и нештампованность слова» (Г.Старовойтова). Для игр метаморфа журналистская публицистика столь же бесперспективная среда, как изящная словесность — для упрямений эксперта-аналитика.

Коль скоро разговор о литературе, и только о ней, напомним, что название «метаморфы» употребил американский фантаст Роберт Силверберг. Эти создания замечательны тем, что не только принимают любой внешний облик (как мириады безыскусных «тварей»-ужасиков), но и способны вчувствоваться в объект имитации, перестроив по его подобию собственные душевные движения. Один метаморф, от роду художочный, зеленый и безносый, как-то решил прикинуться красивой девушкой земной расы и кончил тем, что влюбился в человека. Итог был, разумеется, самый плачевный...

Как раз над Силвербергом я крупно перетрудился на днях: взял на досуге редакторскую халтурку, а переводчик попался неопытный. И когда, задымившись, я заставил себя отвлечься на груды неразобранной прессы, на глаза попался опус за подписью: Ярослав Могути, американский культуролог». А в нем были понаписаны — и всерьез, и с пафосом — такие чудовищные небылицы о всем знакомом политизированном беллетристе Лимонове, что я «поплыл» еще сильнее. Пока наконец не вспомнил, слетев с планеты Маджигур на родную московскую землю, кто такой Могути, и не осознал, что передо мной совершенно потрясающий образчик литературного, как говорят в богеме, стёба.

Признайтесь, Саша, себе самому: ведь лихая реплика вашего мирного поселянина о готовности воевать, с которой вы и стали раскрывать весь сюжет «Последней войны», — это тоже такой стёб. Не крутой андергра-

удный, а самый что ни на есть совковый, на шесть соток с прицепом. И сразу все встанет на свои места. И выяснится, что такие же из вас кровавые милитаристы и потенциальные душители свобод, как из Могутина — культуролог и американец. Почему-то об этом не сочли нужным думать ваши журнальные оппоненты».

Так бы я ему сказал.

Впрочем, что толку корить за неточности в восприятии вольных, в сущности, стрелков от политики, если сейчас, пока пишу, в белом доме со съехавшей крышей бывшие госмужи разыгрывают вакханалию защиты Конституции от серого волка. (Все-таки прав был охальник Максим Соколов: эдак боборыкнуть по-гусарски можно, лишь сильно нанюхавшись испарений от ядреной свиноматки.) Ниф-Ниф и Наф-Наф на котурнах, в сопровождении трагедийного хора нардепов — вот где стопроцентная психическая неадекватность!

Однако в эти же дни около штаба Объединенных Вооруженных Сил СНГ неизвестные застрелили милиционера, шальной пулей убита пожилая женщина. Следствие продолжается, но ясно, что не рэкетеры на этот офис наехали — им каналы связи с военными округами вроде бы пока ни к чему.

Пошла война народная! Священная война высоконравственных и высокодуховных совков против народа, посмевшего выбрать в начальники не их, соль земли русской, а какого-то там Ельцина: Против народа, не пожелавшего ради согласия в доме мочить всех, как выразился Терехов-сочинитель, беззаконных отделенцев.

Ваш герой-рассказчик такую войну хотел помыслить, Саша, или, может, какому-то иному, с кем-то другим в роли врага солнечной Империи? Боюсь, иной не выйдет: тут как раз адекватность полнейшая. Воинственная риторика «безвестных победоносных генералов» и генералов ручких в точности соответствует операции по устранению столпов антинародного режима — участкового инспектора и пенсионерки.

Понятно, что настоящему писателю интересны все человеческие проявления. И все же не всякая человеко-единица того стоит, чтобы в нее рядился порядочный метаморф; точнее, не во всех обстоятельствах это оправданно. В эпохи перемен, вроде нашей нынешней, бывает риск так плотно вращать в чужую шкуру, что обратно уже не выберешься, — так в ней и похоронят.

Примеров тому в русской литературе — не счесть.

Двадцать девятого апреля 1986 года на заседании оперативной группы Политбюро ЦК КПСС по вопросам, связанным с ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС, был принят протокол № 1. Пункт десятый этого документа выглядел так: «О правительственных сообщениях. Утвердить текст правительственного сообщения для опубликования в печати. Утвердить текст информации руководителям ряда капиталистических стран об аварии на Чернобыльской АЭС и принимаемых мерах по устранению ее последствий. Утвердить текст информации руководителям ряда социалистических стран о состоянии дел по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Три «информации». Все три — разные.

Долгое время над всем, что имело хотя бы косвенное отношение к чернобыльской трагедии, стоял гриф «совершенно секретно». Подробностей случившегося не знали даже многие специалисты. Сейчас архивы открыты, но особого стремления проникнуть в суть дела пока не наблюдается. Среди тех немногих, кто все эти годы пробивался к правде о Чернобыле, — журналист и общественный деятель Алла Ярошинская. Сейчас у нее уже сотни публикаций на эту тему, несколько книг. А в конце прошлого года Алле Ярошинской была вручена альтернативная Нобелевская премия «За жизнь, достойную человека». (Она присуждается «за выдающиеся практические участие в разрешении острых проблем, стоящих перед человечеством».) Такую же премию получил американский профессор Джон Гофман.

АТОМ НА СЛУЖБЕ... КОГО?

— Алла Александровна, если не секрет, на что вы потратили «нобелевские» деньги?

— Я рассудила, что на «Мерседес» их тратить стыдно, и решила учредить Фонд помощи жертвам экологических катастроф. 15 февраля этот фонд был зарегистрирован. Сейчас уже определились основные направления его деятельности. Первое — это, конечно, помощь жертвам экологических катастроф, независимо от того, где произошла трагедия — в Чернобыле или Томске...

— «Помощь» — понятие довольно общее. Что конкретно имеется в виду?

— Всего не перечислить... Но для меня на первом месте — содействие в переезде на новое место жительства многодетным семьям, проживающим в пораженных районах. По разным оценкам, людей, которым нужна подобного рода помощь, сейчас от четырех до шести миллионов человек. Цифра страшная. Но реальная. Список только пораженных украинских деревень занимает сорок девять машинописных страниц, через один интервал. И, например, в Народичском районе моей родной Житомирской области проживают около ста многодетных семей, которые нуждаются в срочном переселении. Государство, естественно, не в состоянии приобрести дома или квартиры для этих людей. И мы тоже — не в состоянии, но помочь материально — пусть даже тем, кому сможем, — наша святая обязанность. Мы уже начали собирать деньги на эти цели. Хотя набрать необходимую сумму нелегко, поскольку строительство одного дома стоит сейчас порядка двадцати—тридцати миллионов рублей.

Речь не идет о Москве или Петербурге, нужно найти просто чистое место где-то в провинции. Хотя, как выясняется, «под Чернобылем» находится шестнадцать (!) российских областей. В их числе Смоленская, Калужская, Брянская, Тульская, Орловская, Рязанская и так далее. Причем известным это стало только в прошлом году, шесть лет спустя после трагедии.

— Подождите, ведь есть же организации, люди, которые отвечают за все это, за переселение в частности.

— Есть, но что толку? Например, ГоскомЧернобыль России возглавляет Николай Яковлевич Возняк. Тот самый, который когда-то принимал активное участие в сокрытии правды о Чернобыле. Когда я приезжала к нему с документами по Житомирской области, он говорил мне: «У вас свои документы, у нас — свои». В то время он работал в Бюро по топливно-энергетическим ресурсам при Совете Министров СССР. В том же ряду — господин Марьин, который долго проработал в отделе атомной энергетики ЦК КПСС (кстати, он первым узнал об аварии на Чернобыльской АЭС — в три часа ночи ему позвонили по телефону). А первый заместитель председателя ГоскомЧернобыля Цатуров до этого был заместителем у Ю.А.Израэля, возглавлявшего Госкомгидромет СССР — того самого, который тоже, мягко говоря, припрятывал правду. Теперь эти люди спасают чернобыльцев, не имея, по-моему, на то никакого морального права. Да что говорить о морали — Возняк защищает докторскую диссертацию на чернобыльскую тему, а Израэль получил «за Чернобыль» орден Ленина.

— Мы несколько отклонились от темы...

— Да, пожалуй. Грузинский писатель Чабуа Амирэджиби сказал как-то, что лучше поставить несколько свечек, чем всю жизнь проклинать тьму. Мы решили последовать этому совету. И хотя масштабы деятельности нашего фонда с государственными не сравнить, мы искренне верим, что делаем благое и — главное — нужное дело. Лучше помочь одному человеку, чем говорить какие-то общие слова и не помочь никому. Но мы занимаемся и «долгосрочными» программами, готовим проект создания международного центра по исследованию влияния малых доз радиации на здоровье человека. Возможно, центр разместится в Брянске, возможно — где-то еще, в любом случае — он должен быть в зоне. И это многие понимают: сорок семь ведущих ученых мира уже дали согласие на участие в работе будущего центра. В России впервые за всю историю человечества возникла ситуация, когда люди уже семь лет живут в зонах поражения. Более того — они не знают порой, что их жизни угрожает опасность.

А еще мы открыли собственное издательство и создаем информационный центр. Готовим к публикации двухтомную «Атомную энциклопедию». Сначала, кстати, хотели назвать ее «Чернобыльская энциклопедия», но потом решили, что получится слишком узко.

— Какие разделы войдут в это издание?

— В первую очередь — информация о всех глобальных ядерных катастрофах. Сейчас она существует в разрозненном виде, наша задача — систематизировать ее, собрать воедино. Предполагается, что в энциклопедию войдет подробная история создания атомной бомбы, будет специальная глава «Полигоны мира», текст ее заказан казахскому писателю Олжасу Сулейменову, который возглавляет антиядерное движение «Невада—Семипалатинск». Затем мы дадим краткое описание всех типов реакторов, которые известны на сегодняшний день. Много внимания будет уделено тому, как следует вести себя человеку, попавшему в зону поражения. Допустим, смородину есть не рекомендуется, она вбирает в себя много радиации. Категорически нельзя — грибы.

Доктор из Тибета напишет о нетрадиционных методах лечения рака. И т.д. Во втором томе мы дадим адреса всех антиядерных движений мира, опубликуем карты размещения атомных реакторов, сообщим о местах захоронения ядерных отходов не только на суше, но и на море. Отдельный раздел будет посвящен «во-

енному атому». В общем, работа глобальная. Энциклопедия выйдет на русском и английском языках.

Но вот что интересно: осуществление этого глобального издания при нынешней инфляции обойдется в небольшую копеечку. Часть денег у Фонда есть. Но этого явно недостаточно. Учитывая то, что проект энциклопедии зарегистрирован в Министерстве печати России, вошел в Федеральную программу книгоиздания, мы обратились во Всероссийский экологический фонд, который возглавляет уважаемый академик В.П.Можин, с просьбой рассмотреть наш проект и по возможности помочь. Академик горячо поддержал нас. Но посоветовал пойти к министру охраны окружающей среды России В.И.Данилову-Данильяну. Я пошла. Министр тоже горячо поддержал. Даже резолюцию какую-то черкнул на нашем письме и документы отдал заместителю председателя Всероссийского экологического фонда П.П.Анисимову. В результате несколько месяцев в Фонде, ну, никак не могли сказать ни «да» ни «нет». Но вот недавно П.П.Анисимов сообщил по телефону: «Принято решение о нецелесообразности издания такой энциклопедии». И добавил, что на всякий случай пошлют «запрос об этом в ГоскомЧернобыль, Возняку».

Значит, правительство утвердило Федеральную программу книгоиздания, включив в нее энциклопедию, десятки ученых страны и мира поддержали идею, а Всероссийский экологический фонд... отменил. Председатель фонда и министр, одобрявшие проект издания, оказались бессильны против группы товарищей во главе со вторым заместителем председателя И.И.Семехиным, которые уютно заседают в Фонде и делят деньги: кому захочу — дам, кому захочу — не дам.

— На ваш взгляд, сегодня информация о состоянии атомных объектов доступна в полном объеме? Мы застрахованы от повторения Чернобыля?

— Увы, нет. Пример тому — недавняя авария в Томске-7. Три дня средства массовой информации не могли добиться сколько-нибудь достоверных данных. То есть по разным каналам информация поступала (и поступала достаточно активно), но в конкретных деталях не совпадала. Будто речь шла о разных Томсках-7. Госатомнадзор говорит одно, Минатом — другое. И кто из них лукавит — непонятно. Я располагаю документами по этой аварии, и там есть замечательная фраза. Сергей Шойгу, председатель Комитета по чрезвычайным ситуациям, пишет в официальном документе о том, что в экспертном

заклучении по аварии в Томске-7 ввиду особой ситуации некоторые сведения опускаются». То есть Чернобыля уроки так и не извлечены.

— На территории СНГ сейчас около сорока действующих реакторов. Много ли среди них чернобыльского типа?

— В том же трагическом 86-м году на Игналинской АЭС, в Литве, ввели в строй такие реакторы, несмотря на то, что все члены политбюро были проинформированы о возможных последствиях этой акулы. Новая программа, разработанная российским правительством, предусматривает строительство и ввод в эксплуатацию тридцати трех новых станций. Один из реакторов — чернобыльского типа.

— После чернобыльской катастрофы к нам просто хлынули западные специалисты. Они что-то осматривали, проводили пресс-конференции, говорили: «Будем работать!». Как дело обстоит сейчас?

— Действительно, тогда приехало много квалифицированных специалистов. Все они прибыли по приглашению союзного правительства и оплачивались Рыжковым из чернобыльских денег. Посланные МАГАТЭ и ВОЗ заявили: «Все в порядке». Что вполне объяснимо — они жили здесь в шикарных гостиницах, разъезжали на персональных автомобилях, их опекали как могли. Я думаю, они проводили здесь интересы западного ядерного лобби.

Теперь западные фирмы предлагают усовершенствовать или заменить наши реакторы, но, прежде чем согласиться или отказать, следует хорошенько подумать: действительно ли «западники» желают нас обезопасить или идет элементарная борьба за рынки сбыта. Я лично склоняюсь ко второму варианту.

— А в самой России есть какие-то перспективные разработки?

— Есть. Но вопрос надо ставить иначе. Речь должна идти о ликвидации — в отдаленной, естественно, перспективе — атомных электростанций. Та же Америка взяла курс на безъядерную энергетику. Нам тоже следует позаботиться о переходе на альтернативные источники энергии. Пока же эти программы финансируются по остаточному принципу, а значит, быстрых результатов ждать не приходится. Но, повторяю, речь идет о жизни и здоровье многих поколений...

Эдуард ДОРОЖКИН

Фонд Аллы Ярошинской открыт для пожертвований: расчетный счет 700020 ИЗДАТ-БАНК, к/с 161939 РКЦ ГУ ЦБРФ МФО 201791

СЭР, ЗАЩИТИТЕ МЕНЯ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ...

«Столица» писала недавно (№ 37) о сотрудничестве российских и американских спецслужб, но это, оказываясь, еще не все и еще не предел. Теперь Россия и США решили посотрудничать в другой, не менее важной, чем разведка, области — правоведении.

Как сообщила недавно информационная служба США — ЮСИА, — семь американских судей и два адвоката приехали в Москву для обмена опытом в ходе инсценированных, но приближенных по условиям к реальным судебным заседаниям, которые состоятся в российской столице и в Минеральных Водах.

Программа обмена опытом разработана совместно с

С МИРУ ПО НИТКЕ

Национальной судебной коллегией штата Невада и Российской академией юриспруденции.

Две делегации российских судей уже участвовали в подобных экспериментах в США летом этого года, и участвовали, как пишет ЮСИА, достаточно успешно. Теперь очередь за американскими служащими Фемиды.

Американские судьи и адвокаты примут участие в инсценированных судебных процессах по ряду гражд-

данских и уголовных дел. Как утверждают специалисты, опыт этих судебных заседаний пригодится в процессе восстановления в России деятельности судов присяжных, прекративших свое существование в 1917 году.

Как знать, может быть, после перенятия опыта наши судьи научатся не только лучше судить (лучше, естественно, не значит больше), но и лучше защищать обвиняемых. Сегодня им этого так не хватает.

КИТАЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ

О китайской экспансии сегодня говорят много, особенно применительно к китайским товарам, заполнившим не только наши, но и многие зарубежные рынки. Однако мало кто догадывается о еще одном направлении этой экспансии — лингвистическом.

Как это ни парадоксально, но китайский язык при всей его сложности завоевывает все большую популярность среди студентов мира, а коли-

чество молодых людей, обрабатываемых стремлением постичь все премудрости «китайской грамоты», достигло рекордного за последние годы уровня во многих странах мира.

«Еще совсем недавно трудно было и подумать, что столько людей засядет за изучение китайского языка», — заявил журналистам Ян Цинхуа, принимавший активное участие в состоявшемся недавно в Пекине международном семинаре преподавателей китайского, на который съехалось более трехсот специалистов из двух

с лишним десятков стран мира. Словам ректора пекинского института лингвистики можно верить — на сегодняшний день китайский язык преподается в тысяче с лишним вузов 60 стран планеты. Кроме того, более 15 тысяч иностранцев ежегодно приезжают в Китай только для того, чтобы окупиться в среду изучаемого языка и постараться постичь те его тонкости, которые не зафиксированы ни в одном из учебников и самоучителей. Китайская экспансия продолжается.

«ВЫПЬЕМ ЗА РОДИНУ, ВЫПЬЕМ ЗА СТАЛИНА...»

Живое, характерного рубинового цвета, с терпким привкусом, 11 градусов, 10 тысяч лир за бутылку (около 6 долларов). Это — вино «Красный Сталин». Реклама «коммунистического вина», еженедельно публикуемая в итальянском журнале «Либерационе» обществом «Коммунистическая Перестройка», вызвала поначалу шок, а потом и гневное возмущение: как можно допустить открытую пропаганду образа жесточайшего советского диктатора?! Но изготовители продукции обвиняют критиков в непрофессионализме и считают, что своим изделием они вносят свой вклад в развенчание диктатора.

На вопросы насмешливых критиков, не намерены ли изготовители выпускать еще и белое вино «Горбачев», виноделы отвечают: «Нет». Но с учетом успеха «Красного Сталина» уже готовится к производству розовое вино — «Роза Люксембург»...

А что, забавно — если пьют «Наполеон», то почему бы и вождю всех времен и народов не обрести себя в красном сухом столовом... Такая память будет попрочнее всех бронзовых бюстов и мавзолеев. В конце концов это и означает, что со сталинизмом покончено — нельзя же все-рьез воспринимать человека, распивая вино из бутылки с его портретом на этикетке! Но если Иосиф Виссарионович был бы жив — никто не позавидовал бы тогда изготовителям этого красненького...

А так все логично: была же у нас «рыковка», «андроповка» — чем итальянцы хуже нас?

КОТОВЫИ ПРОДЕЛКИ

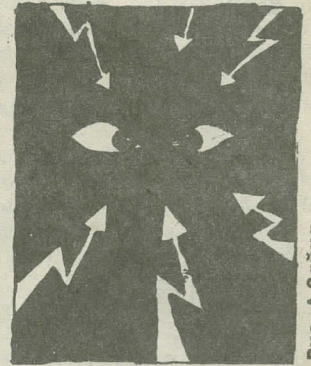

Рис. А.Зайца

Кот-котофей издавна и в преданиях многих народов наделялся магическими, чуть ли не дьявольскими способностями. Вспомним хотя бы очаровательного Чеширского кота. Да и на Руси всяческие труднообъяснимые безобразия комментируют просто: «котовьи проделки».

А у испаноязычных народов существует даже такая поговорка: «У кота — семь жизней». Жители небольшого колумбийского городка Тулу убедилась недавно в справедливости этого утверждения на собственном опыте. Одному из бродячих котов вдруг вздумалось прогуляться по трансформаторам местной электростанции. Результатом этих прогулок стало мощное электрозамыкание и множество мелких поломок, которые привели к значительным потерям электроэнергии и на некоторое время оставили город без света. По сообщениям информационного агентства ЭФЭ, сумма ущерба, нанесенного местному бюджету усадьм гулякой, оценивается в десятки тысяч долларов.

Очевидно, что столь значительные поломки в электросети коту даром не прошли. Животное должно было, по мнению специалистов, получить столь сильные разряды тока, что вряд ли смогло бы выжить. Работники электростанции тщательнейшим образом осмотрели вверенный им объект в поисках умирающего или уже умершего котопейца. Поиски, однако, ни к чему не привели.

И это не случайно, ведь у кота же семь жизней, и, видимо, истратив одну из них, кот отправился догуливать оставшиеся шесть. Остается надеяться, что в них он будет осторожнее.

Открыта подписка на журнал «Столица»

на 1-е полугодие 1994 года!

Стоимость подписки, объявленная редакцией:
на три месяца — 2600 рублей,
на шесть месяцев — 5200 рублей.

К этой цене местные отделения связи приплюсовывают свою надбавку.

Ф СП-1

Стоимость
подписки
в Москве
с учетом надбавки
составляет:
на три месяца —
3166 рублей
(для организаций —
3732 рубля);
на шесть месяцев —
6182 рубля
(для организаций —
7164 рубля).

Сведения о подписке
в приложении № 1
к каталогу «Роспечати»,
а также в Московском
каталоге газет
и журналов

«Роспечать»

АБОНЕМЕНТ на газету		73746									
"Столица"		(индекс издания)									
(наименование издания)		Количество комплектов:									
на 19 _____ год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
(почтовый индекс)		(адрес)									
Кому											
		(фамилия, инициалы)									

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

ПВ		место		ли-тер		газету журнал		73746			
						"Столица"		(индекс издания)			
						(наименование издания)					
Стои-	подписки	_____ руб.	_____ коп.	Количество		_____ коп.		комплек-			
мость	пере-	_____ руб.	_____ коп.	количество		_____ коп.		тов:			
на 19 _____ год по месяцам:											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда										
(почтовый индекс)	(адрес)									
Кому										

Рекламный центр еженедельника
«Столица» приглашает рекламных
агентов для работы по всем видам
рекламного обслуживания.
Вознаграждение от 10%.
Тел. 928-83-40.

Еженедельник «Столица»
приглашает распространителей
на выгодных условиях!
Контактные телефоны: 925-73-09,
928-27-69.
Редакция выдает
разрешение на распространение.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки)

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах Роспечати

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ—МЕСТО» производится работниками предприятий связи и Роспечати

Уважаемые московские читатели «Столицы»!

Если вы имеете
возможность
приезжать за нашим
журналом в
редакцию,
мы подпишем вас
на первое полугодие
1994 года

по льготной цене:

3900 рублей

(на полгода),

1950 рублей

(на квартал),

650 рублей

(на один месяц)

Подписку можно
оформить в редакции
по адресу:

Петровка, 22

(вход с Рахмановского
переулка),
комн. № 610.

Справки по телефону:
928-27-69

ВАШ ДОМ – ВАША КРЕПОСТЬ!

Фирма «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ» поможет Вам решить жилищную проблему и экономически грамотно распорядиться сбережениями. Вступив в члены жилищно-строительного кооператива «СТОЛИЧНАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ», Вы получаете реальную возможность стать владельцем квартиры в Москве или коттеджа в Подмосковье.

Наш адрес:
Москва,
пл. Революции, д. 2
(музей В.И.Ленина).

Тел.: 928-83-01, 921-43-37.

Я ПОМНЮ ТОТ ВАНИНСКИЙ ПОРТ

Все смешалось в доме Обломовых, как сказал когда-то бывший спикер бывшего парламента. Расскажите мне, к примеру, о ВАСКО. Да нет, не о том, кто слушает да ест, дедушка Крылов тут совсем ни при чем. Хотя, если уж слушать, то «Я помню тот Ванинский порт». Опять не ясно? Ну а что еще петь на презентации совместного российско-корейского предприятия «Ванинская судоходная компания»? Приедет бывший экз в открытую с прошлого года для иностранцев гавань, а там никаких угрюмых парходов, а нечто такое, что в песню не вставишь, — акционерное общество закрытого типа. Его учредили Ванинский морской торговый порт, Ванинская хозяйственно-транспортная ассоциация, товарищество «Далькор» и южнокорейская корпорация «Сейжу». Будут, голубчики, перевозить грузы, пассажиров, почту и багаж между портами России и иностранными портами, сообщает «Постфактум». Так что, как говорится, по трапу на борт, но не в трюмы, а в каюту — и в Штаты, в Штаты. А вы думали, на Колыму? Хватит, отъездилась.

Ностальгия тянет на Дальний Восток, тянет. Чу, что это там в городе юности, любимом Комсомольске-на-Амуре, который построили энтузиасты со сроками от пяти до четвертака? Да это же специализированный магазин по продаже ценных бумаг. А вы подумали, зона. Какой же это лагерь, если вышек нет, колючей проволоки не наблюдается, а вовсю идет торговля на приватизационные чеки и рубли. Нужны акции приватизируемых предприятий, инвестиционных фондов, акционерных обществ? Никаких проблем. Заглянул в магазин, сделал покупку и пой себе: «Я сегодня не такой, как вчера». В смысле, был совком, а стал

собственником. Поздравляем!

Везет же Дальнему Востоку — и заря там раньше занимается, и в Государственную думу местные жители начнут выбирать депутатов, на несколько часов опережая москвичей, и с выпивкой по случаю прогрессивных реформ проблем, похоже, там не будет. Приехал, к примеру, во Владивосток премьер Черномырдин, и порешили построить здесь самый крупный от Урала до Камчатки спиртзавод. В сутки (страшное дело!) будет выпускать Приморье до 30 тысяч литров спирта! ИТАР—ТАСС, сглотнув слюну, сообщает, что таким образом владивостокцы и их соседи обезопасят себя от импортного суррогата. Везет же людям. А мы тут все больше на «Рояль» налегаем, да на продукт калужского разлива.

Если вы завязали с зельем и решили вести здоровый образ жизни, махните в Сочи. Там турецкая фирма «Гамма» за 500 дней отгрохала такое! За срок, в который Григорий Явлинский предлагал реформировать Россию, забулочные умельцы осуществили более скромную задачу, сообщает ИТАР—ТАСС. Возвели гостиничный комплекс «Лазурная». В 4-звездочном отеле, центральную часть которого венчает 26-этажный корпус, 300 номеров — от двухместных до суперлюксов. Турок попросило подсобить Российское акционерное общество «Газпром», которое, на пах с мэрией, взялось финансировать стройку. Управлением «Лазурной» займется акционерное общество, его намерены учредить владельцы новостройки. Впервые в небогатой отечественной практике подготовка обслуживающего персонала и эксплуатация отеля поручена американской фирме гостиничного бизнеса. Другая шта-

товская фирма из Лас-Вегаса организует работу казино.

Что ж, каждый субсидирует дело по вкусу. В Самаре два театра решили подсобить КамАЗу. Театр оперы и балета и драматический имени Горького все сборы от первых спектаклей перечислили в фонд восстановления пострадавшего от пожара завода двигателей автогиганта. То ли альтруизм заел, то ли надеются на грузовики для перевозки декораций? РИА об этом молчит.

В Башкортостане тоже решили помочь. Но не КамАЗу, а шведам, и не бесплатно, а за соответствующую мзду. Поскольку в местных селах народ разленился и перестал колоть дрова по причине проведения газа, сушняк решили отправлять прямиком в страну, экономика которой так нравилась Руслану Имановичу. И есть, замечу, резон. В республике кубометр сухостоя стоит 2,5 тысячи рублей, а неразумные шведы платят по 25. Но поскольку мозги у них устроены иначе, а дровами топят разве что камин, там из бросового дерева ухитрились делать мебель, бумагу и паркет, сообщает агентство Евро-Азиатские новости. Так что, с одной стороны, можно бить в ладоши от выгодной сделки, а с другой — пораскинуть мозгами: не заняться ли самим изготовлением того, во что шведы превращают башкирские дрова.

Мозги нынче дороги и стали продаваться. В Санкт-Петербурге, к примеру, прошла первая российская ярмарка-презентация специалистов. 110 представителей фирм-работодателей, в том числе и иностранных, выжили в компьютерном банке данных сведения о мастерах-интеллектуалах, которых хотели бы заполучить к себе на работу. Рабочая сила становится товаром. Не знаю как вас, а меня это радует, ибо за товар платят рыночную цену, а не зарплату, которую рассчитал никому не известный чиновник из министерства. А на рынке, как известно, цены высокие.

Александр АГОПОВ

ХРОНИКА

НЕВЕРНЫЙ СВЕТ АЛМАЗА

В здании московского представительства всемирно известной компании «Де Бирс» состоялась презентация коллекции российской ювелирной фирмы «Карат» и ее дочерней компании в Бельгии «Царевич — российские ювелирные изделия». На выставке представлено свыше ста видов различных ювелирных изделий и часов, изготовленных из золота 750 пробы с применением натуральных драгоценных камней. Как утверждает президент компании «Карат» господин А.Барбариуш, одна из «далекоидущих» целей компании — возрождение применения эмалей в производстве золотых изделий.

Ювелирная фирма «Карат» была основана в декабре 1990 года. Уже в апреле 91-го года первые изделия «Карата» нашли своих покупателей. Сейчас фирма активно занимается реализацией своей продукции как на внешнем, так и на внутреннем рынке, планирует ввести в эксплуатацию несколько торговых предприятий в Москве и других регионах России.

В 1992—1993 гг. изделия «Карата» демонстрировались на крупнейших международных выставках в Швейцарии, Японии, Бельгии, Израиле, Германии, на Тайване.

...И о погоде. Самая низкая цена установлена фирмой на подвеску с бриллиантовыми вставками — 79 долларов США, самая высокая — 9 тысяч 379 долларов — на кольцо с бриллиантами. См. ниже.

«НЕФТЕПРОДУКТ» НА МОСКВЕ-РЕКЕ

Еще лет пять назад слово «энергоносители» звучало разве что в разговорах специалистов топливно-энергетического комплекса да экономистов. Сегодня об этих самых энергоносителях и особенно о ценах на них толкуют все и всюду — не меньше, чем о ценах на продукты. Так что название коммерческого банка «Нефтепродукт» звучит особенно злободневно, а сфера его интересов — продукция нефтепереработки — волнует воображение не только автолюбителей.

В октябре банку исполнилось три года, что при темпах нынешней экономической жизни достаточно серьезный срок, когда есть что вспомнить и о чем поговорить. Что «Нефтепродукт» и сделал, пригласив своих пайщиков, партнеров и журналистов на борт теплохода «Александр Радищев» для «юбилейных» бесед под шелест волн. На пресс-конференции среди вопросов о кредитах, инвестициях и т.п., естественно, прозвучал и вопрос о грядущих ценах на бензин. Предсе-

датель правления банка Юрий Данилов ничего утешительного сказать не смог, заметив только, что к мировым ценам хорошо приближаться, когда и оснащение отрасли приближается к мировому уровню. У нас же пока заметно лишь первое. И, судя по всему, к концу года будет еще затнее.

Тем не менее, поскольку «Нефтепродукт» смотрел с оптимизмом в свое будущее, этот оптимизм разделили гости и даже работники «пищеблока» теплохода, которые по такому случаю испекли торт — очень похожий на оригинал портрет своего лайнера из крема и прочих вкусных продуктов.

В.М.

Фото Э. Кудрявницкого

ЭКО-НЕВИДАЛЬ

В САЛОНЕ У ИРИНЫ УЧАТ ЛЮБИТЬ

Необычным бизнесом решила заняться бывшая манекенщица Славы Зайцева Ирина Гончарова. Недавно состоялась презентация ее оригинального салона. Клиенты Гончаровой — это в основном те, у кого не ладятся отношения с близкими, общается РИА. Хозяйка уверяет, что здесь способны «зарядить» человека так, что он будет влюблен во всех, сможет найти пролажу, выяснить настоящую причину своей болезни или неудач. В салоне работают психотерапевты, медиум, ясновидящий и астролог. В их арсенале мануальная и фитотерапия, энергетический массаж, заговоры и внушения. Клиента, пришедшего в салон, отслеживают до окончательного решения его проблем. Среди постоянных посетителей салона такие известные люди, как диктор Лариса Вербицкая, певец Олег Газманов.

МЫ ОТВЕДЕМ ТЕБЯ В МУЗЕЙ...

Кушать хочется, как известно, всем, в том числе и библиотекарям. Директор зональной научной библиотеки Ростовского государственного университета Светлана Березовская считает, что студент нынче пошел небедный и может раскошелиться за предоставление дополнительных услуг. Тем более что цены на подписку и книги, как известно, скакнули. Вот и решили здесь предоставлять за соответствующую мзду дополнительные услуги — продажу книг из обменного фонда, посещение музея редкой книги, экскурсии, а также снятие ксерокопий, выдачу читательских билетов организациям и частным лицам, сообщает «Постфактум». Но, думается, студент в музей за деньги не пойдет, а оставит их в ближайшей пивной.

ДАЛИ ДЕНЬГИ НА «ТРАМ-ТАРАРАМ»

Почти 100 миллионов рублей отвалили московским кинематографистам сарапульское отделение Евроазиатского банка и информационное агентство «Алекс». Спонсоры считают, что вложили деньги в прибыльное дело. И не просчитались. Это подтвердила премьера, прошедшая в двух кинотеатрах Ижевска. Комедия «Трам-тарарам, или Бухты-бархты» — о человеке неунывающим, который в условиях рынка умеет делать деньги из ничего — ведь люди в провинции еще так доверчивы, сообщает ИТАР—ТАСС. Главную роль исполнил известный актер Александр Панкратов-Черный. Похождения героя снимались в бывшем купеческом городе Сарапуле. Что ж, настало время, когда деловые люди финансируют фильмы, в которых рассказывается о бизнесе. Оригинальная примета.

ПРОГРАММА «ЖИЛЬЕ-2000» ПО-АЛАПАЕВСКИ

В городе Алапаевске Свердловской области власти закрыли единственную гостиницу «Нейва». По словам местной администрации, только благодаря этой мере она сумеет обеспечить долгожданным жильем военнослужащих, их семьи, молодых специалистов, врачей. Конечно, строить жилые дома нынче дорого, но куда деваться командированным, чьих дела занесут в Алапаевск?

Проблема использования зарубежного опыта является сегодня заметным камнем преткновения в противостоянии «рыночников» и «державников». Первые на вопрос, нужен ли он экономике России, однозначно говорят «да». Правда, уточнение — а чей именно опыт? — вызывает известное замешательство: сколько всего уже перепробовано... Действительно, «рулевые» нашей экономики объездили полмира в надежде найти «заветную» модель. «США? Попробуем! Хм, не годится. Западная Европа? Тоже не подходит. А вот еще Япония — не

для всех если и не законы, то по крайней мере закономерности. Можно, конечно, «идти своим путем» при помощи метода проб и ошибок, но ответ в итоге будет тот же, а вот затраченного времени не вернешь. Другое дело, что ряд стран — те, которые принято называть промышленно развитыми, — прошли переживаемый нами сегодня этап развития настолько давно и в абсолютно других исторических условиях, что попытки перенять их опыт имеют не слишком много смысла.

Гораздо ближе к нам страны развивающиеся, многие из которых достаточно уверенно идут по пути реформ. И не надо стесняться такого сравнения; развивать экономику — не стыдно, а вот топтаться на месте...

Но вернемся к закономерностям. Итак, что должно предшествовать либерализации экономики?

Долгие годы главная проблема экономической политики многих развивающихся стран (кроме, разумеется, беднейших) заключалась в том, что продукция созданных в муках национальных промышленных структур не могла выдержать конкуренции на мировом рынке. Отсюда вытекала необходимость протекционизма, то есть защиты рынка внутреннего — прежде всего с помощью высоких таможенных барьеров. На новом витке развития, когда правительствам стала очевидной бесперспективность постоянного субсидирования в большинстве своем убыточных производств (а средства на это шли за счет займов у иностранных банков), власти предрекшие в ряде случаев поступили незамысловато, настезав открытием дверей для зарубежных товаров. Либерализация импорта — в их интерпретации — являлась одной из мер, направленных на одновременную стабилизацию экономики и ее большую открытость для международной торговли. Но будучи осуществленной в условиях высокой инфляции, такая политика не просто закончилась провалом, приведя к трудноразрешимым противоречиям, но и поставила под сомнение саму возможность либерализации в обозримом будущем, даже если предположить, что для нее будут созданы макроэкономические предпосылки.

Урок очевиден: стабилизация должна предшествовать любой попытке либерализации экономики, причем главной целью правительства должно быть снижение уровня инфляции. При высоких ее темпах трудно, если вообще возможно, осуществить

Дмитрий БЕЛОВ

РАЗВИВАТЬСЯ — НЕ СТЫДНО

Чтобы «подняться», азиатским «драконам» потребовалось много сил и терпения

слабо ли? И это плохо? Так, может, Китай? Да что это вы, ребята? Там же коммунисты у власти! Отпадает».

Я утрирую, но, безусловно, от такого шараханья «рыночников» из стороны в сторону наши «державники», твердо стоящие на своем — если где и искать ответы на все больные вопросы, то только в русской истории, а зарубежный опыт долой, — только набирают очки. Тем паче, что свет в конце туннеля все еще не брезжит — преодолеться экономический кризис упорно не хочет.

Вообще, вопрос об «особом пути» России заслуживает отдельного разговора. Конечно, нашу страну «аршином общим не измерить». Но согласятся ли, скажем, китайцы с утверждением, что их страну можно измерить общим аршином? Думаю, нет, равно как и многие другие народы. И у Китая, и у России много своей специфики, но в обеих странах дважды два — четыре, а прямой угол равен девяноста градусам. Так же и в экономике (если, понятное дело, мы, под влиянием нынешних трудностей, не перестанем считать ее наукой) — при всем разнообразии путей есть свои общие

Благодаря продуманной финансовой политике курсы валют во многих развивающихся странах резко пошли вверх и зачастую уже не боятся долларовых капризов

изменения в соотношении цен. К тому же последние теряют свое информационное значение для принятия решений по капиталовложениям в ту или иную отрасль. Резко падающий курс национальной валюты удорожает и тем самым сдерживает закупки по импорту средств производства (сырье, полуфабрикаты, машины и оборудование). Казалось бы, должен наблюдаться рост производства в экспортном секторе: долларова вырчка от продажи товаров за рубежом при обмене на свою валюту обрачивается для экспортеров повышенной прибылью. Однако экспорт сдерживается высокой стоимостью импортных компонентов производства. Выпуск их аналогов внутри страны — если, конечно, он имел место — может быть свернут из-за разорения предприятий-производителей.

Согласитесь, все это очень похоже на то, что происходит у нас. А ведь есть примеры совсем иные — когда политика «открытости» была осуществлена поэтапно. Речь идет в первую очередь об азиатских странах — таких, как Южная Корея, Тайвань, — где сначала была достигнута макроэкономическая стабильность (устойчивые цены, бюджетная дисциплина) и только потом экономику стали ориентировать на внешние рынки. Все это — задолго до либерализации импорта. В этих государствах хорошо осознали, что протекционистская модель, со всеми ее недостатками, все же позволила создать неплохую

промышленную базу, которая-то и призвана стать основой будущего развития, ориентированного — в значительно большей мере, чем раньше — на международную конкуренцию.

В наименьшей степени «положением, не требующим доказательств», является наличие у правительства четко и ясно сформулированной экономической программы, понятной и доступной всем — от мала до велика. Создается впечатление, что наши власти испытывают нечто вроде идиосинкразии в отношении любых общехозяйственных программ, не желая видеть ничего, что хоть чем-то напоминает пятилетний план. Но ведь как раз в переломный момент, в период, говоря бюрократическим языком, «углубления реформ» недвусмысленная и широко обнародованная программа действий необходимее, чем когда-либо. Год ждем, два — а ее все нет... Хотя в чем, в чем, а в разработке пятилетних планов многие правительственные эксперты в свое время поднатрели.

Между тем только ясная цель может дать какое-то согласие в обществе, а оно уже само по себе в силах способствовать успеху экономических программ. Это видно на примере Мексики, страны, которая к концу 1987 года (во многом из-за указанной ошибки: либерализации до стабильности) стояла на пороге глубокого кризиса. Собственно, все его атрибуты уже были налично: большой дефицит госбюджета, инфляция, падение цен на нефть — основной экспортный товар... Глава государства — Мигель де ла Мадрид, до истечения президентского мандата которого оставалось совсем немного времени, решил не оставлять своему преемнику столь неприятного «наследства». В декабре 1987 года он добился подписания Соглашения об экономической солидарности, заключенного между правительством, профсоюзами, а также национальными промышленной и торговой палатами. Ключевыми пунктами Соглашения явились взаимные обязательства сторон. Правительства — соблюдать строгую дисциплину в финансовой сфере, согласовывать с партнерами по договору перераспределение цен на товары и услуги госсектора и регулирование валютного курса. Профсоюзов — не требовать повышения зарплаты выше оговоренных уровней. Предпринимательских кругов — не повышать произвольно цены.

И представьте себе, после года самодисциплины в ценах и заработной

плате экономика стала функционировать нормально, опираясь при этом на рыночные отношения. Новый президент страны Карлос Салинас де Гортари обновил этот пакт, в дальнейшем известный как Соглашение о стабильности и экономическом росте.

Исправить ошибку, стабилизировав экономику, можно и иначе. Упомяну чилийский опыт, порядком уже «заезженный» нашими экономистами.

У публицистов, воспевающих «чилийское чудо», редко найдешь упоминание о том, что первый этап реформ в этой стране закончился неудачей. Сразу после путча (1973 год) нелиберальная модель там была применена «в чистом виде», что дало основание говорить о Чили как об испытательном полигоне для экономистов Чикагской школы. Процессы дерегулирования и либерализации включали, в частности, проведение приватизации, резкое сокращение таможенных тарифов, устранение нета-

Развивающиеся среди развивающихся: одной тяпкой сельское хозяйство страны не поднять

Когда в стране каждый день стреляют и каждый день гибнут люди, властям бывает не до экономики

моженных барьеров для импортных товаров.

Несмотря на некоторые успехи в обуздании инфляции и оздоровлении бюджета, состояние чилийской экономики к началу 80-х годов трудно было назвать удовлетворительным. Резко возрос внешний долг, капиталовложения упали ниже уровня 60-х годов, безработица достигла 18 процентов экономически активного населения, а реальная заработная плата была меньше, чем десятилетием раньше. Особенно негативно реформы отразились на промышленности. Существенно уменьшились такие показатели, как стоимость промышленной продукции в расчете на душу населения, доля этой продукции в ВВП. Крайне тяжелым оказалось положение трудоемких отраслей, например текстильной промышленности. Первый этап ознаменовался, по сути, отказом от протекционизма, что привело к краху многих предприятий, часть из которых — при соответствующей государственной политике — могли бы успешно функционировать в рамках новой модели. «Выжившие» в условиях наплыва импортных товаров компании действительно повысили свою эффективность: их производство стало более современным, гибким. Только одно «но»: их осталось мало, и были они, как правило, небольшими.

Под воздействием кризиса курс пришлось корректировать. Даже приватизация одно время «повернула вспять»: крупнейшие банки ненадолго были возвращены государству. Среди предпринятых мер по регули-

рованию отметим некоторое увеличение таможенных тарифов, что благоприятно сказалось на национальной промышленности, а также повышение валютного курса. К концу второго этапа (1989 год) ВВП в расчете на душу населения значительно превысил «послепутчевый» уровень, безработица снизилась до более или менее «приличных» девяти процентов. Справедливости ради сделаем оговорку: в Чили не было нужды в выработке отраслей хозяйства, объективным фактором экономического роста является использование внешних финансовых средств. И здесь тоже не грех посмотреть к опыту развивающихся государств — тех из них, которые, с одной стороны, привлекательны для иностранного капитала (например, за счет обширного внутреннего рынка), а с другой — достаточно сильны, чтобы сотрудничество с ними было взаимовыгодным. В таких случаях зарубежным инвесторам обычно диктуются жесткие требования: их деятельность призвана способствовать созданию новых, постоянных и хорошо оплачиваемых рабочих мест, укреплять экспортные позиции страны и открывать новые рынки сбыта для национальных товаров, обеспечивать применение новых технологий...

Еще одна аксиома: в тех странах, где отсутствуют собственные ресурсы для реализации проектов в различных отраслях хозяйства, объективным фактором экономического роста является использование внешних финансовых средств. И здесь тоже не грех посмотреть к опыту развивающихся государств — тех из них, которые, с одной стороны, привлекательны для иностранного капитала (например, за счет обширного внутреннего рынка), а с другой — достаточно сильны, чтобы сотрудничество с ними было взаимовыгодным. В таких случаях зарубежным инвесторам обычно диктуются жесткие требования: их деятельность призвана способствовать созданию новых, постоянных и хорошо оплачиваемых рабочих мест, укреплять экспортные позиции страны и открывать новые рынки сбыта для национальных товаров, обеспечивать применение новых технологий...

Наряду со «стандартным» набором

есть условия, ориентированные на решение локальных задач: поддержка приоритетных или, наоборот, убыточных отраслей, изменения в размещении промышленных предприятий. У нас, как только речь заходит об иностранных вкладах, слышишь: «Скупают по дешевке предприятия в Москве». Но можно сделать так, как, например, сделали в Бразилии: предоставлять существенные льготы иностранцам, осуществляющим капиталовложения в менее развитые экономические районы. «Столица» бразильской Амазонии — город Манаус — благодаря этому превратился в крупный центр электронной и электротехнической промышленности. А для того, чтобы не было «по дешевке», во всех странах существуют отнюдь не двусмысленные законы.

Вообще, в развивающихся странах отношения с транснациональными корпорациями уже настолько «накатаны», так много утвердилось настоящего обоюдывыгодных форм сотрудничества, техническая сторона которых продумана до мельчайших нюансов, что нам ограничиваться в прямом и переносном смысле набившими оскомину посредническими в массе своей СП — по меньшей мере глупо.

Ситуация, в которой мы сегодня находимся, слишком необычна, чтобы подходить к ней с привычными, по нашим понятиям, мерками. Напрашиваются нестандартные шаги. Их, кстати, тоже можно позаимствовать из-за рубежа. Только один пример: почему бы не создать в России на базе средств, вырученных от продажи государственных предприятий, специальный фонд — на случай экстремальных для экономики ситуаций (скажем, неожиданного снижения мировых цен на наши основные экспортные товары — нефть, газ, золото — ниже «критической» для хозяйства страны отметки)? Создание такого фонда могло бы способствовать росту авторитета правительства, положить конец разговорам о том, что крупные сделки по продаже государственных компаний напрямую связаны с коррупцией. Ведь куда идут получаемые от приватизации небольшие средства, пока, по большому счету, остается только гадать...

...Спасибо вам, евреи из
столицы,
Я долго не забуду ваши
лица.
Вилли Токарев

15 и 16 сентября наступил 5754 Рош Хашан, еврейский Новый год. И хотя в эти дни евреям полагается сидеть дома, кушать яблоки с медом и размышлять о прошедшем и предстоящем жизненном пути, владелец первого в Москве еврейского ресторана «У Юзефа», г-н Перезовский, внес в эту традицию реформаторский элемент и устроил в «У Юзефа» вечеринку. Пришли в основном журналисты — как евреи, так и нет.

В кулуарах Юзеф Перезовский сделал заявление для прессы. Он сказал, что, несмотря на грубые угрозы по телефону, а также поджог и угон машин для перевозки продуктов, ресторан не потерял своего колорита. Но, хотя считается, что евреи — люди не бедные и всегда друг другу помогут, ни одному богатому еврею не пришлось в голову поддержать морально, а еще лучше материально, ресторан «У Юзефа», хотя он — очаг национальной культуры. Это обидно. Но Бог учит нас прощать людям.

Тут владелец ресторана подарил вашему корреспонденту свою визитную карточку, которая приносит счастье, поскольку была освящена Иерусалимским митрополитом.

— Я полгода прожил в Америке, — продолжал Юзеф Максович, — где газета «Новое русское слово» посвятила мне статью под названием «Бей Юзефа, спасай Россию». В Америке мне предложили вступить в профсоюз мусорщиков. Я получал бы пятьдесят долларов в час! Но я отказался. И про меня говорили: «Этот мишуги* — он едет назад!» Сейчас я намерен устроить у себя что-то типа клуба возрожденного рус-

«ДЕНЬГИ — ЭТО БУМАГА» —

резонно решили одесситы и начали использовать украинские карбованцы «по назначению». Покупателей уже не удивляет, когда в магазинах вместе со сдачей они получают купюры, на которых написаны номера телефонов, а то и целые любовные послания. А к концу нынешнего ле-

КТО ЖЕ ОСТАЛСЯ В ЛАВКЕ?

ского еврейства, но он будет объединять людей не по национальному признаку, а по интересам.

— Перезовский — не шовинист, — сообщил г-н Перезовский. — Он не станет заглядывать посетителям в штаны, чтобы пропустить их в еврейский ресторан.

На штаны новогодних посетителей, действительно, не

Фото А. Лохова

посягал никто, и они (гости) степенно беседовали о том, что «молдавский сок — это не всегда гешефт, а вот мороженое — это гешефт всегда». Остальные нервно поглядывали на остановившиеся ресторанные часы в количестве трех штук. На стенах и под по-

та мелкие купюры, видимо, стали просто раздражать некоторых слишком эмоциональных граждан. Во всяком случае, на пляжах и улицах Одессы теперь нередко можно увидеть целые россыпи изорванных в клочья госдензнаков достоинством от 1 до 200 карбованцев. К сожалению, даже такое радикальное обращение с деньгами вряд ли улучшит финансо-

волю ситуацию на Украине, ведь в полном ходу уже 50- и 100-тысячные ассигнации.

Гоша ЧЕРНОМОРСКИЙ БИТВА ЗА УРОЖАЙ

В стране продолжаются картофельные страсти.

Можно сказать, повезло преподавательнице одной из школ Екатеринбурга. Засту-

визор.

После того как все битый час прождали неизвестно кого, веселье началось. Веселились в основном над еврейскими анекдотами. Затем хозяин сообщил, что приготовил присутствующим сюрприз в лице «скрипача-виртуоза маэстро Каstellо Ферраро». Маэстро, в безупречной белой паре, блистая перстнями, исполнил композицию «Плач Израиля», а также затяжную импровизацию, в которой узнавались «Семь сорок», «Хава-Нагила», «Очи черные», «Купите буб-

лики» и многое другое. Причем последние минуты своего выступления виртуоз, кокетливо поводя глазами, играл, держа инструмент в самых неожиданных местах — то на бедре, то за спиной, а то и на голове. Кто-то пустился в пляс. Публика размунилась и заключила, что Рош Хашан — праздник очень даже хороший и жизнерадостный. И вообще, у евреев все праздники веселые, а шабат — так каждую неделю. И чего так веселиться?

А на прощание г-н Перезовский вручил всем по медовому печенью — отнести домой детям.

Елена АВЕРИНА

*Мишуги (евр.) — ненормальный

как ее за кражей картофеля, собственники невыкопанного урожая не посмотрели ни на возраст, ни на педагогическое лицо вора, И... накормили «учительку» сырой картошкой. Рассказывают, что сбор чужого урожая уже стоил нескольким людям жизни.

Олег ДУЛЕНИН

МАЛ ВЬЕТНАМЕЦ ДА ДОРОГ

Когда человек сдает кому-нибудь квартиру, он всегда рискует. Если в квартире есть мебель, ее могут сломать, если есть посуда, могут разбить. Могут что-нибудь спереть. Могут ужасно нахамить соседям. В общем, сдача квартиры сулит целый ворох различных бед. Поэтому умные хозяева не соблазняются большими деньгами и не берут подозрительных жильцов, а впускают к себе — пусть за деньги и не очень большие — знакомых или же людей, которых впоследствии легко можно будет разыскать.

Жительница Сергиева Посада, пожелавшая сохранить инкогнито, не подумала о последствиях и сдала квартиру вьетнамской семье. К супругам сразу же понаехали гости, и вместо двух в квартире зажили сразу сорок вьетнамцев. Подъезд и прилегающая к дому территория были, как водится, быстро и сильно загажены, и соседи в грубой форме потребовали от женщины изгнания постылых. Она так и поступила, и улыбочивые вьетнамцы отбыли в неизвестном направлении.

Но хозяйку ждал сюрприз: через пару недель пришли

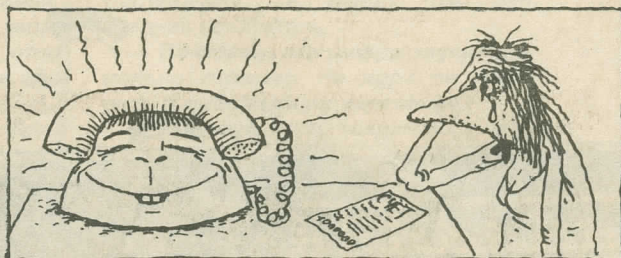

Рис. А. Зайца

счета за телефонные переговоры с Ханоем на один миллион триста тысяч рублей. Где теперь искать бывших квартирантов, женщина не знает, на лицо все вьетнамцы для нее одинаковы, миллиона у нее нет и наверняка не будет, а телефонный узел грозит в случае неуплаты счетов затеять судебное дело.

Такие маленькие вьетнамцы, а способны принести такие большие неприятности!

Жанна ГАБЕНОВА

ОЧЕНЬ ХОТЕЛОСЬ ПИТЬ

Чуть было не повторил поступок Анны Карениной житель города Ревды Свердловской области г-н К. Правда, он не бросался, а грациозно лег на железнодорожный путь, по которому

на Среднеуральский медеплавильный завод везут руду. А мотивом к этому шагу была вовсе не любовная трагедия, а... отсутствие в доме воды. Такой решительный ультиматум был молниеносно принят руководством завода, и — слава машинистам! — у живого г-на К. в тот же день потекла вода.

О.Д.

КАК ЗАКРЫВАЮТСЯ САЛОНЫ

В № 32 (1993) «Столицы» была опубликована статья Елены Авериной «Творилка-стучалка» — о Нике Щербачевой, хозяйке популярного в семидесятые годы диссидентского салона. В материале есть такие слова: «Все стены квартиры увешаны авангардной живописью, и

поэтому вполне естественно, что входная дверь бывшего салона имеет сложнейшее устройство со множеством рычажков и колесиков и, по-видимому, запирается надежнее любого сейфа».

Ника Вячеславовна выразила по поводу этих строк возмущение и сказала, что никакого устройства у нее нет и что еще совсем недавно она даже оставляла ключ под половичком — чтобы пьяные художники беспрепятственно могли войти и расположиться.

Недоразумение выяснилось, когда оказалось, что в полумраке Елена Аверина приняла за запирающее устройство (виденное ею неоднократно в фильмах о роскошном образе жизни) произведение искусства — композицию художника Сергея Бородачева «Застывшая музыка». Произведение висело рядышком с массивной дверью и состояло, как и было написано, из рычажков и колесиков, заключенных в раму. При подробном рассмотрении выяснилось, что композиция, кроме того, состоит из водопроводного крана, большой спирали и колокольчиков.

Вот что значит вовремя не включить свет в прихожей!

ОЧЕНЬ ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ

Из моего окна виден Российский парламент. «Белый дом». Раненый лебедь свободы.

Как только начинаются очередные великие события, дом всю ночь сияет красивым светлым квадратом на фоне черного неба. В моей квартире тем временем разрывается телефон. «Как там у вас? Еще не стреляют? Я сейчас свяжусь с таким-то, он все знает, он расскажет, чем это должно закончиться. Ты спать не ложишься, я перезвоню...»

Уже сложилась целая эстетика таких бдений. Ночные перезвоны, тревожные, противоречивые слухи. «Эхо Москвы», радио «Свобода». «За последний час обстановка не изменилась. Следующий выпуск новостей в три часа ночи. Слушайте нас на волнах...»

И так уже третий год. Начиная, кажется, с вильнюсских событий.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

ОЖИДАНИЕ

Изменились только мы. Что же появилось? Усталость, равнодушие? Сознание того, что на твою жизнь вся эта возня никак не влияет?

В том-то и дело, что нет. Влияет, к сожалению, не надо иллюзий. Чтобы сейчас полностью не зависеть от политики, надо быть либо бомжем, либо каким-нибудь крутым философом, которому интересен только Космос, а все остальное — ерунда.

Дело в другом. Мы теперь умные. Мы точно знаем, что произойдет потом. Мы хорошо усвоили, как быстро прек-

расные лица победителей могут превращаться в злое хари. И сейчас, глядя на уверенных в себе людей, которым сочувствуешь, думаешь одно: «Дай Бог вам удачи, ребята! Интересно, кто из вас потом с кем сцепится? Кто на кого выльет ушат грязи? Кто против кого будет собирать компромат и поднимать уже совсем обалдевшее общественное мнение? Кто станет тормозом на пути прогресса? Каких себе врагов найдет красивый президент, в жизни которого всегда есть место подвигу?

Кому мы будем сочувствовать? Кого искренне ненавидеть? Где вы теперь? Кто вам целует пальцы? Куда ушел ваш китайчонок Ли?..» Это уже жестокий романс.

Единственное утешение — этот романс можно превратить в азартную игру. Делать прогнозы, заключать пари. Выиграть что-нибудь ценное и выпить это, глядя на светящиеся в очередной раз в ночи окна «Белого дома»...

P.S. Материал этот примерно в таком виде был написан полгода назад. Во время апрельских событий, неудавшегося импичмента и Ельцина, который ходил в паре с Бараниковым. Собственно говоря, и сейчас «личное мнение» можно было бы придерживаться — до следующих великих событий. Но хранить его в столе — еще потеряешь. А переписывать заново — скучно.

ЗАТЮКАННЫЕ ЛЮДИ В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ И ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

Наш корреспондент Александр Николаев беседует с зав. отделением Московской психиатрической больницы им. П.Кашенко Верой ОРЛОВОЙ.

— Что вы можете сказать о состоянии нашего общества, с точки зрения психиатра?

— Вопрос сложный. По-моему, сейчас практически все наше общество больно. И причина болезни в том, что большинство людей живет в подвешенном состоянии, в экстремальных условиях, их психика длительное время подвержена отрицательным эмоциям. Ни один человек не может выдержать такие нагрузки.

— Как-то я видел телеинтервью одного зарубежного психиатра, который сказал, что больше всего в Москве его потрясло выражение лиц людей.

— Конечно, у людей потухший взор, опущенные уголки рта — на наших лицах безмерная усталость. Мы редко смеемся. В метро люди чаще всего или дремлют, или читают, кажется, почти не вникая в текст. Вот сегодня я стояла на остановке автобуса и вдруг услышала, как мужчина, видимо военного поколения, сказал своей спутнице: «Боже, какие же все потерянные, затюканные, я не вижу

прежних лиц».

— «Прежних» — это каких: бодрых и счастливых лиц оболваненных людей периода строительства социализма?

— Нас всех раньше обманывали, и многие верили в тот обман. Но зато в том обмане была определенность. А человеку она необходима.

— Разве плохо, что у людей открылись глаза?

— Это только в книгах бывает: человек всю жизнь был слеп, а открыв глаза, испытывает радость. На самом деле он оказывается в состоянии ужаса. А если к тому же, прозрев, он видит не солнце и небо, а мусор, грязь, опустившихся людей, то это как раз и может обернуться (и на практике оборачивается) тяжелой депрессией.

— Больных стало поступать больше?

— Нет.

— Исходя из сказанного вами, должно быть больше.

— Я об этом тоже думала. Вы понимаете, люди, страдающие психическими заболеваниями, делятся на две категории. Первая — это те, чья болезнь уже выявлена, и они более или менее регулярно попадают в стационар. Вторая, гораздо более многочисленная, — это люди, находящиеся в пограничном состоянии. Именно их

выявление и дает увеличение числа больных. Вопрос, как их выявлять? Ведь для этого человек должен сам прийти на осмотр в диспансер. Таких случаев мало. Гораздо чаще ситуация складывается иначе.

Вот пример довольно характерный: жена и мать одного молодого человека стали замечать что-то неладное в его поведении. К каким врачам только не обращались (у нас ведь в поликлиниках нет психиатров), наконец оказались в психдиспансере. Врач говорит: приведите его сюда. На дом-то они не ездят, лишь в острых случаях. А случай вроде не острый. Ну, ударил этот человек стулом по голове одну сотрудницу на работе, поскольку ему казалось, что она к нему плохо относится. Ну и что? Попал в милицию, оттуда к нам, а от нас уж... Жизнь-то у него искалечена. Кто в этом виноват? Только наше общество, где полностью отсутствует профилактическая психиатрическая работа. Подобная, скажем, обязательным флюорографическим обследованиям. При таком масштабе психических заболеваний об этом необходимо серьезно подумать. Хотя, с другой стороны, здесь сразу встает вопрос о правах человека, о его свободе. Не случайно же появился у нас закон о том, что определение в стационар производится только с согласия

больного, с него берется расписка. Так что это проблема очень сложная.

— **Наше общество не очень мило-сердно к больным. Каково отношение к тем, кто психически не здоров?**

— Их прежде всего БОЯТСЯ. Даже родственники. Моя практика показывает, что стоит человеку хоть раз попасть к нам в больницу, как первый же вопрос, который, смущаясь, задает жена, это — не опасно ли для нее, чуть ли — не заразно ли, нужно ли подавать на развод. Таких случаев большинство, полноценные семьи сохраняются редко. Поэтому мои постоянные больные — это сам мужчина... и его старушка мама. И он живет до тех пор, пока живет она. А дальше его судьба, в лучшем случае, — психоневрологический интернат, а чаще какая-то ситуация, в результате которой он погибает.

— **Как изменился за последнее время социальный портрет поступающих больных?**

— Больше стало молодых людей. Увеличилось и число больных стариков. Перед больницей даже встали совсем необычные проблемы. Представьте, дети (кстати, нередко на «мерседесе») привозят старушку и уверяют, что она только что хотела выброститься с девятого этажа. А она лежащая — ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Забирать эту старушку домой никто не собирается, ибо, как только ее удастся к нам впахнуть, родственники тут же начинают оформлять документы в интернат для психохроников. В результате им достается приватизированная квартира.

— **Можно ли сказать, сколько психически больных людей в Москве.**

— Наше отделение обслуживает один из типичных московских районов. На его территории находится ЗИЛ, много рабочих, а это сегодня значит — алкоголизм. Из 175 тысяч

населения на учете состоит тысяч шестнадцать, т.е. около 10%. Это средний показатель.

— **По-моему, эта цифра звучит довольно страшно. Не пора ли говорить о дебилизации населения?**

— Пожалуй, пора, тенденция к этому наметилась давно. У нас в значительной степени потеряно поколение тех, кому сейчас 5—10 лет. Накопившаяся усталость взрослых, о которой я говорила, в первую очередь вымещается на самых беззащитных — их детях. А если устали и родители, и учителя в школе? Чего можно ожидать? Дети брошены, они не нужны ни тем ни другим. Причем я имею в виду не только детей малообеспеченных или неблагополучных родителей. У ребенка может быть все: и видео, и игровая приставка, и магнитофон, но все равно он брошен, если нет ласки, внимания, элементарного совместного с родителями чтения книжек, наконец. Дети лишены детства, ибо их родители в основном заняты проблемой добывания денег, кто больших, кто хоть каких-нибудь.

— **Вы удовлетворены тем, как складывается ваша карьера?**

— Нет, и прежде всего потому, что я как врач постепенно теряю квалификацию.

— **Но вы же постоянно с больными.**

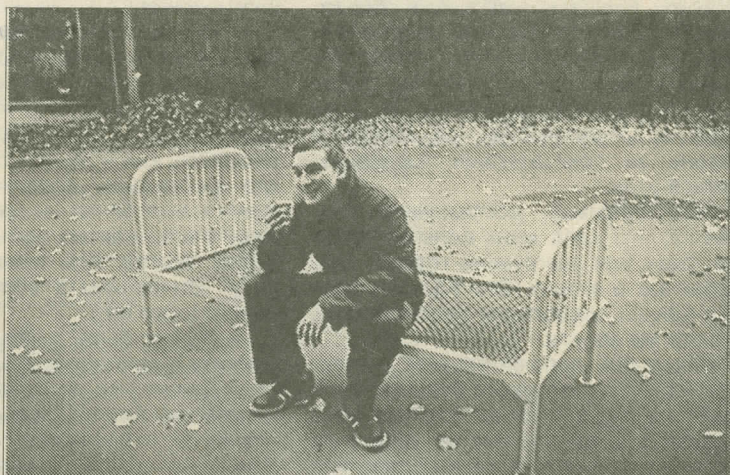
— А я их почти не вижу. Передо мной стоит выбор — или оформить документацию: истории болезни, разного рода справки для прокурора (ведь многие наши больные попадают в больницу в результате криминальных ситуаций), или наблюдать больных. Отделение сложное по своему составу: здесь и допризывники, и ребята, уже прошедшие армию, которые пытаются в больнице ввести дедовщину, и люди, бывшие в заключении, и алкоголики, и тяжелые больные, особенно нуждающиеся в моей помощи. Когда-то такие отделения смешанного типа были созданы

якобы для того, чтобы больные легче адаптировались, чтобы положительное влияние превалировало над дурным. А получается все наоборот.

Во время обхода мне необходимо с каждым поговорить, ну хотя бы минут по пятнадцать. А если у меня в отделении 60 человек? Это же пятнадцать часов в сутки. Разве такое реально? У меня на это нет сил.

Кроме того, сколько на меня ложится разного рода хозяйственных дел — все ведь разваливается. Когда я только начинала работать, больным выдавали хорошую обувь, рубашки, пижамы. Сейчас в отделении нет ни одного больного, на ком были бы два одинаковых тапочка, носки дырявые, пижамы латаные-перелатаные. Словом, нищета. По отделению крысы бегают, унитаза, извините, один на 70 человек. Раньше кое-какие проблемы мы решали сами — покупали больным зубные щетки, курево, мыло. Теперь себе это позволить уже не можем. А что может принести больному мама с пенсией в 8—10 тысяч?

— Я знаю, что ваша больница проводит некий экономический эксперимент. Разве он не дает возможности для решения этих вопросов?

— Наверное, если бы он осуществлялся разумно и не был заформализован. Но, по сути, он почти ничем не отличается от прежнего социоренования. Каждый квартал подводятся итоги, и по их результатам отделения получают деньги, которые идут на дополнительную оплату сотрудникам. Вроде бы неплохо. Но суть в том, что многие показатели субъективны, что дает простор для манипуляций, а то и для прямого обмана. Поэтому добросовестный врач нередко оказывается по таким показателям среди худших. Каждый месяц мы получаем некую распечатку, куда мы должны внести свои достижения.

Ну что, к примеру? Оборачиваемость койко-мест: чем больше мы приняли больных, тем лучше. Значит, нам выгодно выпустить недолеченных, ибо через какое-то время они снова к нам поступят, мы их будем считать новыми больными. И если врач недобросовестен, он может в погоне за показателями воспользоваться этим.

Или, например, достижением считается, что двое моих больных косили траву или разгрузили товары, привезенные в аптеку. Это воспринимается как их социальная реабилитация. Но это же абсурд.

Или очень положительным считается тот факт, что много больных в отделении ходит в своей одежде. Зато не дай Бог, если комиссия увидит на прогулке больного в разных тапочках

— штрафных очков не миновать, а где взять одинаковые! Есть и такой диковинный показатель, как качество ведения истории болезни. Я, например, за плохой почерк получаю штрафные очки.

— А качество лечения больных комиссия проверяет?

— В том-то и дело, что нет, т.е. качество ведения историй болезни для нее вполне замещает качество лечения людей. Повторяю, ни я, ни администрация по-настоящему больных не видит. И те это прекрасно понимают. Для них главное лицо — медсестра, вот она действительно с ними общается. И опять-таки хорошо, если она добросовестная, а если нет? Ведь тогда запросто можно купить себе освобождение от уколов, например. Проверить я ничего все равно не смогу.

— Как обстоят дела с лекарствами?

— Катастрофически. Мы жили на лекарствах из Венгрии, Югославии, Польши. Теперь их нет. Наши же препараты плохие, у них у всех ярко выражены побочные действия. Сейчас аптеки наводнились индийскими лекарствами: они тоже скверные, очень плохо очищены. Как быть, неизвестно. На каждом совещании нас предупреждают, что положение только ухудшается. Значит, станет больше больных, так как те люди, которые поддерживают себя в приличном состоянии с помощью лекарств, такой возможности лишаются.

— Вы знаете, что происходит с вашими больными после выписки?

— Если какой-то человек как-то застал мне в душу, то да, но тогда это уже мое личное дело — заботы о лекарствах для него, о его обустройстве. В мои обязанности как врача это не входит, я его выписала, дальше им должен заниматься диспансер. Хотя правила о необходимости поддерживать связь с диспансером существуют только на бумаге, их никто не выполняет.

— Что вы можете сказать о социальной реабилитации больных?

— Социальная реабилитация — одна из важнейших, а может быть, и самая главная проблема. У нас она решается, как и многое остальное, чисто формально. Кошение газонов и клейка коробочек — ерунда. Людям надо учить, как им жить дальше: сегодня, завтра. Как приспосабливаться к изменениям в обществе. У нас ничего этого нет.

— Может быть, выход в создании института домашних психиатров?

— Думаю, что пока нет. Во-первых, психиатрия как ни одна другая специальность позволяет развестись большому числу шарлатанов. Она

ведь в нашей медицине всегда считалась самой легкой — нет объективности, нет и ответственности: мне «так показалось» в тот момент, я «так думаю». И все. Вы меня никогда не проверите и ни в чем не обвините.

Второй момент, весьма прозаический, но в нашей жизни важный. Допустим, я согласна стать вашим домашним врачом, но где мы достанем препараты? Я могу прописать чудесную схему, а нужных лекарств не найти. Какой же я тогда врач, если помочь не могу? Значит, это все не для нас с вами, а только для очень обеспеченных людей, которые имеют возможность покупать за доллары импортные лекарства: «здоровье — дело дорогое».

— Какие основные задачи стоят сегодня перед психиатрией?

— Их много, но главное — изменить общество.

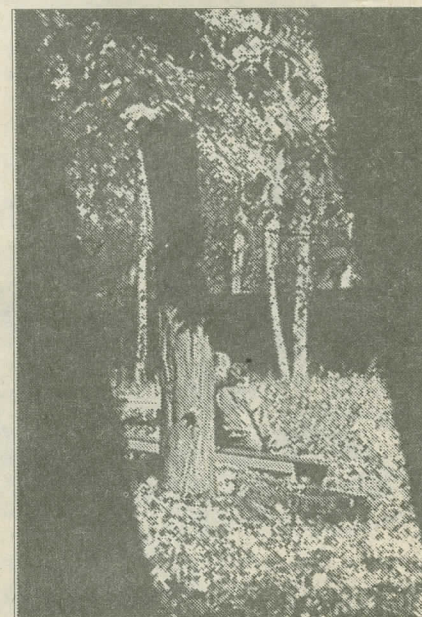
— А готовы ли психиатры к этому?

— К сожалению, профессиональный уровень врачей очень низок. И больница, например, наша ничему не учит, а у администрации руки до этого не доходят. Хотя раньше часто бывали конференции, лекции. Нас заставляли шевелить мозгами, заниматься. А теперь молодым неинтересно работать, они уходят. В нашей, ведущей в стране, больнице их почти нет. Работа физически и морально тяжелая и к тому же почти неоплачиваемая. Вот они и бегут. Многие за рубеж.

— А вы?..

— Я люблю эту Россию. Я хочу работать здесь, хочу помогать больным общаться с нами. Но иногда мне жаль себя — я так долго шла к своей цели, а теперь теряю свои силы и свои знания. Цель исчезает вдали...

Фото О.Чумаченко

РАЗДАЧА СЛОНОВ В «СТРАНЕ ДУРАКОВ»

Телевидение нас особым разнообразием не балует. И поэтому каждую пятницу, как солнце закатится, мы садимся перед голубым экраном и смотрим... ну конечно же «Поле чудес»! И никуда нам от него не спрятаться, не скрыться.

Неутомимый Якубович все больше напоминает мне кота Бегемота на балу у Сатаны и на сеансе черной магии в Варьете. В особенности, когда он после случайно угаданного кем-либо из участников игры слова кричит: «Мы в восхищении!!!». Но это как раз ничего, даже забавно. А может, он и специально изображает Бегемота, издеваясь таким образом над крайне низким интеллектуальным уровнем играющих. И вот об этом как раз я и хочу поговорить.

Последние выпуски «Поля чудес» все больше напоминают мне тривиальную раздачу слонов, то бишь призов, а совсем не игру эрудитов, как вроде бы было задумано вначале. Уму непостижимо, где организаторы передачи ухитряются откапывать этих горе-эрудитов? Они же не знают ни-че-го! И, главное, не хотят знать, не хотят даже бороться за победу. Как только выпадает спасительный сектор «Приз», они тут же с восторгом соглашаются взять подарок, порой не пытаясь угадать ни одной буквы. Ну а уж как выпал желанный приз, тут можно и приветы передавать родным, близким и всему человечеству, и песню спеть, и стихи почитать, и подарком невиданным Леню порадовать... Вот только еще вроде не плясал никто, а жаль.

Но самый «звездный час» — это торговаться за приз. Вот тут-то участники игры поднаторели! Торгуются от души, со знанием дела, не уступая самому Якубовичу. Понятное дело, торговаться надо уметь — в рынок входим. Это тебе не слова какие-то дурацкие угадывать, интеллект проявлять. Не нужен никому этот ваш интеллект. Не ходовой товар.

А раз не нужен, то я предлагаю переименовать передачу «Поле чудес» в «Страну дураков», прекратить всякие загадки загадывать, а просто крутить барабан до посинения, пока не выпадет сектор «Приз», и веселиться всем от пуза, не отягощая себя ненужными, пусть и минимальными, знаниями. Гулять так гулять!

В.КОРАБЛЕВ

Новосибирск

«ЗУБОДРОБИТЕЛЬНАЯ» КОМЕДИЯ

Спасибо за адреса «зубных заведений», названные в материале Э.Дорожкина и Э.Кудрявицкого «Больно мне, больно...» («Столица», № 32). Мне бы их несколько дней назад иметь, когда в районной поликлинике я получила внеплановую нервотрепку. Из благодарности за информацию хочу повесе-

лить вас своей зубной историей.

В районную поликлинику я приплелась с острой зубной болью и распухшей щекой. «Отрывающая талоны» послала меня в общую очередь, скученную в ожидании 2 часов дня (талоны отрывают в 8 утра и в 2 дня). До двух оставалось полтора часа, передо мной — человек двадцать плюс временно отошедшие. В общем, сбежала я. Но после бессонной ночи наутро явилась вновь.

Очереди еще не было, талонов уже не было. 10 часов утра. Неприкрытое хамство «отрывающей талоны» выслушавшая сопровождавшая меня подруга. Она же выклянчила адрес другой районной поликлиники под тем же номером, но через несколько автобусных остановок. Поликлиника обслуживает пенсионеров. Приехали. Перерыв с 12 до 14 часов. Я успела за 20 минут до закрытия регистратуры. Завели на меня карту. Ну, думаю, здесь повезет. Народу никого. Снять мост стоит 176 рублей, а для меня — бесплатно. Ну а вот сейчас вам будет смешно. Врач, осмотрев меня, сел писать направление туда, откуда меня только что отфутболили: оказывается, здесь они только снимают мосты, а удаление зубов не их дело!

Тут я потеряла остатки мужества и взмолилась, обещая заплатить. (Сейчас будет очень смешно.) Врач мгновение колебался, затем стал сомневаться, найдется ли у него анестезия, затем стал звонить... все той же «отрывающей талоны». Он очень громко ее вопрошал, сколько стоит вырвать зуб с анестезией, повторял ее ответы... Поговорили они и обо мне, оказывается, «отрывающая» помнит мой приход... Даже в моем тяжелом состоянии я понимала, что разыгрывается комедия, причем специально для меня. Правда, тогда мне было не до смеха. Это я сейчас смеюсь.

А вообще врач сработал профессионально, долго мучиться меня не заставил: и мост, и два зуба под ним удалил за две минуты. Обошлось мне это в 4000 рублей. По 2000 за один зуб. Не правда ли, ну о-о-чень смешные цены?!

Л.ПАВЛОВА

Москва

СТОН И ВОПЛИ, ВСЕ РЫДАЮТ...

Все есть в хоре плакальчиков о не в бозе почившей советской науке. Послушать — сердце разрывается! Как же так можно, чтобы профессор получал в пять раз меньше водилы? Как же будет жить доцент на двадцать тысяч? И куда деваться научным сотрудникам упраздненных НИИ?

Трагедия? Безусловно. И все же... Что-то есть лицемерное в этом плаче. Цвет нации, интеллектуальный потенциал и прочая и прочая... Но почему же народ не очень-то переживает за свой цвет нации? Почему нет уважения к ученым? вспомните, в первые годы после Октябрьской революции студенты сами подкармливали своих профессоров (!). Самый яркий пример — случай с Тимирязевым, которого чуть не расстреляла ЧК за то, что он «брал взятки

со студентов в виде продуктов». Сейчас же ни одному торгашу и в голову не придет подкормить какого-нибудь отоцавшего профессора. Почему? А потому, что советская наука получила то, что заслужила. И винить нужно только самих себя.

Прежде всего: кто хором восхвалял КПСС и «научно» обосновывал все ее преступные глупости? Кто защищал тысячи диссертаций по постановлениям съездов и пленумов? Кто завалил книжные полки политической макулатурой? Разве не «ученые» в течение 70 лет вбивали в головы материализм и безбожие? Кто дал добро на искалечивание Волги, Днепра и других рек? На затопление самых лучших земель? На строительство азиатских каналов и уничтожение Аральского моря? Кто подписывал документы на строительство комбинатов, отравляющих все и вся в Челябинске, в Ангарске, на Севере? Правильно, ученые, а не водители троллейбусов.

Мне возражат: а как же наша космическая техника? Да, здесь есть некий уровень, но достигнут он был ценой совершенно невероятных затрат, что и привело к разорению СССР. Объективные же показатели таковы: за почти 20 лет ни одной Нобелевской премии по науке, ни одного более или менее выдающегося открытия. И все это при фантастических ассигнованиях на науку!

Если внимательно посмотреть на советскую науку, на ее организацию, то станет ясно, что ничего хорошего и быть не могло. Еще бы как и везде, партбилет важнее квалификации. Поэтому наверх вылезли ловкачи и прониры. Им — степени, должности, поездки за границу. Остальным — 100 рэ в зубы без перспектив. Можно ли так работать? И будет ли велик международный авторитет нашей науки, когда за рубежом ее представляют совсем не ученые, а весьма общительные и не отягощенные моралью люди?

Итак, товарищи советские ученые! Прежде всего утрите слезы, умойтесь и приведите себя в порядок. Затем трезво, честно и мужественно решите: ученый вы или нет. Если нет — немедленно уходите из науки, хотя бы вам было уже 100 лет. Если да — то мужественно делайте свое дело и твердо знайте, что орущей, рыгающей, плюющей толпе торгашей вы не нужны. Совершайте свой подвиг, не жалуясь никому. И не ждите востребования — в ближайшие 10 лет его не будет! Помните, что сытое брюхо к учению глухо и что великий Спиноза зарабатывал свое пропитание шлифовкой линз. А древние ученые вообще были профессиональными нищими...

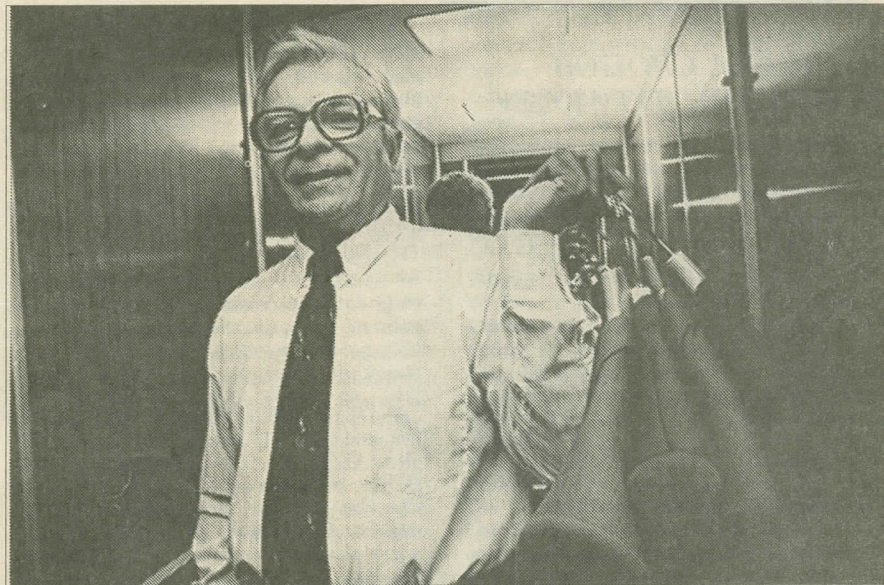
В.КУЗНЕЦОВ

г.Москва

...Сулит мне новые удачи
Искусство кройки и шитья...

Булат Окуджава

Александр КАСАТОВ

МАКАРЫЧ. СТАРЫЙ МАСТЕР

Как-то раз я услышал по ТВ рекламу: «Смокинг и классический костюм «от Макарыча», сшитый только для вас, — это работа старого мастера и ваш успех». Костюм мне был нужен вообще-то, как говорят, еще вчера, успех — кто от него откажется сегодня и всегда, а смокинг — чем черт не шутит — может быть, и до него дойдет черед. А кроме того, я «коллекционирую» людей, которые в наше непонятное время делают свое дело как ни в чем не бывало.

Я Макарыча нашел.

Спрашиваю: «Вот, в рекламе было сказано: «старый мастер». Это правильно так говорить про вас?»

ДЕЛО. ХУДОЖНИК

— Сейчас мастерами себя многие называют, но иногда это такие мастера, за которых просто стыдно бывает, честно сказать.

— А как узнать настоящего мастера?
— Ну... мастер — это много. Приходит, допустим, заказчик: «Хочу сшить костюм». Находишь ему ткань. Он стоит и думает, а я уже вижу его в готовом костюме. Но найти ткань — это тоже надо уметь, это не пришел и ткнул пальцем. А потом я уже предлагаю то, что ему нужно.

ДЕЛО. РЕМЕСЛЕННИК

— Сколько же вам было лет, когда вы стали закройщиком?

— 31 год. А до этого я был просто портным. Начинать с брюк. Потом пиджаки, пальто. А потом уже пошел учиться. Тогда как было: отработал мастером-швейником лет десять, только тогда тебя допускают до учебы на закройщика. Вот я отучился два года, потом стажировался у лучших мастеров полгода.

— Они-то откуда взялись?

— Тогда ведь, после войны, у нас швейная школа была очень высокая. Я помню, работал в ателье на Серпуховке напротив Добрынинского универмага. Так там после войны работало закройщиками много инвалидов войны — вот у них я учился. Это были классные мастера. Сейчас таких найти почти невозможно.

— Есть такая фраза: плох тот ремесленник, который не художник, и плох тот художник, который не ремесленник. Все-таки ваша работа это искусство или ремесло?

— Ну, закройщик — это рабочая профессия, как, кстати, и пилот самолета. Так что, моя профессия — ремесло, если строго подходить. Но ремесло-то, как говорят, высокой про-

бы. Если ты только ремесленник в нашей профессии, как же ты будешь людей радовать?

ЖИЗНЬ. НЕ ЛЕТИК, НЕ АККОРДЕОНИСТ, НЕ БОКСЕР, НЕ ПОВАР

— Как вы закройщиком стали? Летчиком, наверное, хотели быть?

— Точно! Летчиком и еще аккордеонистом. Я спал и видел: научиться играть на аккордеоне. У меня был голос приятный. Но нет, не научился. После войны было время тяжелое, не до этого. И аккордеон мне только снился.

А в закройщики я попал так. Я работал слесарем по ремонту оборудования и занимался боксом. Однажды мы готовились к первенству Москвы. И была, как всегда, медкомиссия. После нее тренер начал говорить, что вот готовились-готовились и так иногда получается... Как я потом узнал: у меня что-то с сердцем. Шумы какие-то. Ну и все: со спортом я покончил. Это был «Спартак».

И я уехал в деревню к бабушке.

Ну, вернулся осенью уже. Мама говорит мне: «Иди работать поваром». Время послевоенное было, 50-е годы — неустойчивые, не очень сытые. Я

говору: «Нет, поваром я не пойду — я не хочу быть полным». Лучше, думаю, пойду портным.

— А почему это поваром или портным?

— Да просто этим всегда заработаешь себе на кусок хлеба. Вот, думаю, буду портным, хоть брюки себе сошью.

— Когда вы работали портным, вам, наверно, хотелось стать закройщиком?

— Сначала нет. У нас как было: старые мастера всегда вбивали тебе в голову, что ты не торопись, сперва ты должен овладеть специальностью, стать классным мастером, должен делать качественно, должен, должен. Ну у меня все так и шло. А потом уже, когда я отработал десять лет, а мои друзья становились закройщиками — то один, то другой, — и мне тоже захотелось.

ДЕЛО. РЕМЕСЛЕННИК

— А можно сказать, во сколько лет «пора» становиться закройщиком? Вот вы стали в 31 год. Это молодой закройщик?

— Это нормальный, потому что я перед этим долго поработал. Сейчас уже становятся намного раньше: девять месяцев на курсах отучился — и уже готово, но это закройщик только по документу. А работать, может быть, он еще и не будет.

ЖИЗНЬ. ПСИХОЛОГ

— Вот у меня были ученики. И я видел, кто из них может стать закройщиком, кто нет. Вот он считает, что может. Ну а я говорю ему: «Нет, тебе еще пока рано». Потому что быть закройщиком, это не значит, что надо там чего-то такое уметь сшить. Это и отношения с людьми, надо уметь принять человека, проводить его, померить, сдать ему вещь. Это сложно...

— Ведь заказчики бывают, наверно, и капризные? Было ли так, что они были настолько капризными, что вы отказались таким шить?

— Человек пришел — ты его обязан обслужить. Это везде так должно быть. Конечно, капризные заказчики были. Ну а как ты ему откажешь? Был один такой. Это было еще не в этом здании. Его вся мастерская знала. Вот он входит...

— Он кем был-то вообще?

— Мы это не будем записывать?

— Нет.

(Макарыч называет его имя и должность.)

— ...Вот он входит, и его уже все видят и стараются его проводить побыстрее. Но он никогда просто так не уходил. Он пока, как говорится, крови не напьется, не уйдет. Да ну их...

Вот я на проспекте Мира работал. Идешь утром на работу к восьми часам. Проспект широкий, свободный, машин мало, людей мало, солнышко светит, идешь — наслаждаешься. Вдруг с той стороны: «Владислав Макарыч, приветствую вас!» Первое время я даже удивлялся: что кричать-то с той стороны? Ну, бывает, встретишься, поздороваешься и все такое, пятое-десятое. А тут такое первое раз, второй, третий. Потом я стал понимать: да просто люди хорошо к тебе относятся.

А сюда я как раз перед Олимпиадой пришел, 20 апреля 1980 года.

ЖИЗНЬ. ЛЕНИНСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

— Сюда, это вы имеете в виду хозяйственное управление Верховного Совета?

— Да! Это тогда было, при ЦК КПСС!

Закройщики ведь всегда между собой говорят: вот, заказчики капризные, нехорошие — слова всякие такие. Я же всегда думаю: а мне, честно сказать, везло на заказчиков. Вот везло! Всюду сейчас говорят: ЦК КПСС, там, партработники... А я вот за 13 лет работы понял, что там были очень порядочные люди, культурные и выдержанные.

Вот кто-то из них приходит. В салоне народ, очередь, пятое-десятое. Всегда суетня у нас. А он поклонялся тебе издалека или подошел, поздоровался за руку, и все. Знает, что ты его увидел. Садится в кресло и ждет, не напоминает о себе, не надоедает. Он знает, что, как я только освобожусь, я подойду.

— А сейчас какие люди, можете сравнить?

(Тяжелый вздох.)

— Опять выключать?

(Кивает головой...)

— Кому вы больше всех других сшили вещей?

— Никогда не запоминал. Ведь самое малое наш клиент, допустим, в год шьет себе по два костюма. За десять лет взаимоотношений с ним, наверно, вещей 20 будет. Но это самое малое. Есть такие, которые шьют и по три костюма, да пальто, да брюки. Таких очень много.

У меня постоянная клиентура, и потом... Честно сказать, депутатам Верховного Совета я мало шью.

(В это время пришел клиент Макарыча мерить бежевые брюки. Померил. Ушел.)

ДЕЛО. СМОКИНГ

— Вот ему я отдал брюки, а делаю сейчас смокинг.

— А кому же это сейчас смокинги-

то нужны?

— Раньше-то шили. Я всегда умел. Просто потом забыли смокинги, все мои клиенты стали ходить в серых костюмах. Такая была в ЦК КПСС линия. А теперь стало больше свободных людей, предпринимателей. Презентации у них, встречи, поездки. А смокинг там — обязательная вещь. Ведь даже в приглашениях пишут: «Явиться в смокинге». Так что, будьте любезны...

Смокинг — это сложно. Многие думают, что на них смокинг, а это и не смокинг никакой, а просто так — одно предположение. Ведь что такое смокинг? Это очень классические строгие линии, и ничего лишнего, все выдержано. Цвет считается классическим — черный или белый. Можно, конечно, поэкспериментировать — я как раз такой сдал недавно — темно-синего цвета, шалевый воротник.

На эстраду, конечно, можно в любом выйти, хоть в красном.

Я сейчас вижу иногда в метро ребята, кавказцев, вроде бы. На них что-то такое с шалевым, как бы смокингвым воротником, но на вид — просто черная пижама.

ЖИЗНЬ. ПОЛИТИК

— Ну, первое время, когда все только там у них все это начиналось, мы шили Президиуму Верховного Совета, Верховному Совету. Они приехали, мы их и обслужили всех.

— Вы знаете, кто есть кто среди них?

— А как же! Я же вижу их каждый день по телевизору! Вон, смотрю, пошел в моем костюме. Или он сидит и говорит, а я думаю: «В моем костюме сидит!»

— В то, что они там говорят, вы вникаете или вам главное, чтобы костюмчик сидел?

— Ну почему же? Я слежу за тем, кто как себя ведет, потом на примере с ними разговариваю.

— Советы даете?

— Нет. Больше спрашиваю: что там за война у вас такая друг между другом, почему такие взаимоотношения... Они объясняют, причем каждый свою позицию отстаивает.

ДЕЛО. РЕМЕСЛЕННИК

— Бывали ли у вас, как говорится, творческие неудачи, портили ли совсем какую-нибудь вещь?

— Когда мы работали в ЦК КПСС, главный инженер наш, Мария Николаевна, нам всегда говорила: «Друзья, клиент отсюда должен выйти удовлетворенным. Если вы заметили, что что-то не так, вы извинитесь, оставьте эту вещь на доработку, на перера-

ботку. Если видите, что не получится переделать, надо просто повторить». Нам все время это вбивали в голову. Хотя исключения были. Но у меня тако-го не было.

— С какими людьми труднее всего работать? Не в смысле характера, а если фигуру иметь в виду?

— Не сочтите за бахвальство, но мне все равно. На высококого и стройного легче, конечно, надеть вещь. А на сложную фигуру и шить сложно, да хотя бы времени больше идет.

— Ну тогда, может быть, так повернем вопрос: вот мне бывает что-то интересно писать, а что-то нет.

— Но тому, кто читать-то будет, это ведь неважно, ему должно быть интересно в любом случае! Так и у нас: человеку должно быть удобно носить вещь. Мне интересно творить: хочется, что ли, победить трудность, одеть его красиво, несмотря ни на какие корявости. А уж каких только людей не бывает!

— Есть ли такой человек, кого очень хотелось бы одеть именно в свой костюм?

— Нет!

— А такой, кому не стали бы шить ни за какие деньги?

— Тоже нет! Для меня не существует каких-то потусторонних правил. Я так всегда действую: вот есть заказчик, и должна быть вещь! И все!

ЖИЗНЬ. ОТЕЦ

— Кто ваши дети?

— Дочь окончила институт. Пока не замужем, но, кажется, готовится.

— Костюм свадебный вы ему сошьете?

— Естественно! Я так думаю, она этого тоже захочет. Я буду по крайней мере настаивать.

ДЕЛО. FOR «SLAVA ZAYTSEV» ОТ МАКАРЫЧА И НАОБОРОТ

— Как вы относитесь к тому, что вы видите в показах мод? Хотя бы к моделям Зайцева?

— Зайцев — большой художник, известный и у нас, и за рубежом. И по заслугам. Мы с ним ведь одноклассники. Он-то, может быть, меня и не очень помнит. Но я где-то смолodu даже шил ему костюм. У нас работал его друг, художник-модельер. Зайцев к нему и обратился — пошить костюм.

Сам-то он поэт, фантазер, но больше женской моды. Но когда нам с женой удается ходить на его представления, смотрю с удовольствием.

— Зачем вам это нужно?

— Когда раньше я видел его работы, всегда думал, зачем это, куда это? А потом стал понимать: это не для сегодняшнего дня, не к ложке пристав-

лять, а идеи. Это как бы заряд, дух красоты.

— Значит, современная мода вам нравится?

— Очень!

— Есть ли у вас свои приоритеты в моде, свой стиль?

— Я — приверженец классики. Она никогда не умрет. А Зайцев — это и театр, и идеи.

ЖИЗНЬ. СЕМЬЯНИН

— А с женой вы как познакомились?

— В ателье. Еще на Серпуховке, когда я был портным. Мы вместе работали в одной бригаде. Она делала операцию такую — борта. Очень ответственная операция.

— Это первая жена?

— Единственная и на всю жизнь.

ДЕЛО ЖИЗНИ. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ

— Денег вам хватает?

— Сейчас нет!

— А когда свое дело встанет на ноги?

— Надеюсь. Я хоть тогда зарплату буду получать. А сейчас иногда сижу без зарплаты. Рабочим плачу — я же за них отвечаю, — а сам как получаюсь. Но я же все-таки кройщик, себе на жизнь всегда заработаю.

— Вас устраивает то, что происходит в стране?

— Меня устраивает.

— А вот говорят, что все может вернуться обратно. Вас не пугает это?

— Я, как и многие другие, понимаю, что ничего уже не вернется. Но меня пугает другое. Что эта неразбериха будет длиться очень долго, и я не успею сделать того, что задумал.

— Вы с кем-то сравниваете свою работу, кому-нибудь завидуете?

— Никогда! Во мне сидит такая черта: если я вижу, что вещь хорошо сшита, я радуюсь. Я вообще наслаждаюсь красотой. Иду, скажем, со своей дорогой любимой женой и могу посмотреть на красивую женщину — люблю все красивое.

У нас в стране не знают, кто такие визажисты. Этого не знают пенсионерки, не знают пожилые женщины. Но не знают и те, кто, казалось бы, должен знать непременно, — молодые девицы. Редкая профессия. Незвестная. Экзотическая.

Визажист (от французского *visage* — лицо) — это человек, который «делает женщине лицо». Накладывает косметику так, чтобы глаза становились огромными, исчезли морщины и мешки под глазами, на бледных щеках замученной городской жизнью клиентки появился живой румянец и чтобы румянец этот выглядел естественным, а не химическим.

Первоклассные визажисты могут и другое — поменять женщине ее стиль. «Вы зря выбрали романтический облик, вам нужен спортивный. Ах, вы спортом не занимаетесь? Какое это имеет значение! Главное, уберите вот здесь черные тени и нанесите на кожу здоровый загар. Хороший загар можно сейчас приобрести в ГУМе, там много магазинчиков от разных фирм».

На Западе эта профессия (или это искусство) развита очень сильно. В России — нет. Одно из объяснений — в нашей стране, при нашей экономической ситуации она никому не нужна. Но на самом деле число людей, готовых платить деньги за такого рода услуги, достаточно велико. Дело в другом — у нас отсутствует культура ухода за собой.

Отыскать в Москве визажиста оказалось непросто. Даже косметические салоны еще только начинают обзаводиться этими полезными членами общества. Наконец, несколько совершенно разных людей сообщили, что в салоне «Шарм» работает такая замечательная девочка... она так все интересно делает. Оказалось, что девочку зовут Света Калугина. Сидя на лавочке в Александровском саду, она и сообщила мне свою несбыточную мечту.

Екатерина ГОНЧАРЕНКО

НАРИСУЙ МНЕ ЛИЦО...

**У меня мечта —
перекрасить всех!**

— Когда мне было 18 лет и я была наивной энтузиасткой, я иногда ходила в метро или на улице к совершенно незнакомой женщине и говорила: «Вам нельзя так красить глаза. Приходите ко мне, вместе что-нибудь придумаем». У меня мечта — перекрасить всех. Потому что, когда я хожу по улицам, смотрю на лица, на макияж, на то, как человек себя сделал, — это такое убожество. Причем вид у женщины может быть очень «дорогой» — это не имеет значения.

— Но сейчас столько всего в магазинах — и хорошего, и плохого, и дешевого, и не очень...

— Мы не умеем этим пользоваться, и нас не учат. Я недавно заходила в «Кристиан Диор» на Тверской. Спросила у продавщицы, какой тон на коже дают тени, она сказала «не знаю» с каким-то даже удивлением. А ведь это фирменный магазин в центре города.

На Западе парфюмерный магазин — это мини-салон. Там обязательно есть свой штатный визажист. Он вам посоветует, какое косметическое средство выбрать, и тут же на вас попробует. И расскажет все — и для какой кожи предназначено, и как наносить.

— Существует мнение, что на Западе женщины вообще красятся очень мало. Зато мы это делаем «от души». Это не так?

— Я была во Франции и в Италии. Женщины там могут разрисовать себя как угодно. Но любые, самые сумасшедшие краски, любые дикие на-

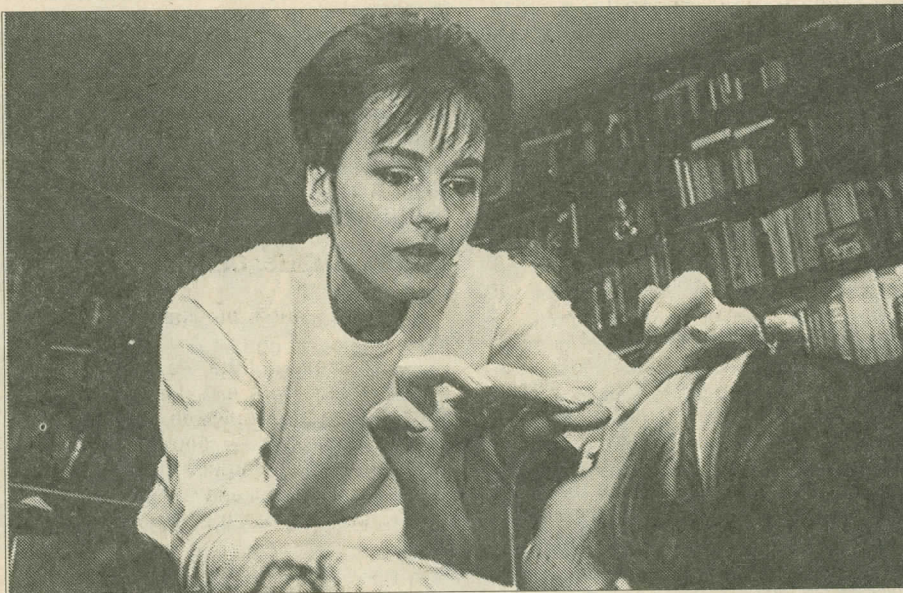

Фото Э. Кудрявицкого

вороты смотрятся естественно. Во Франции я ходила с ощущением непонятной легкости — как будто попала в такой тихий, прекрасный сумасшедший дом. Женщины во всем себя обожают. Любая косметичка — это набор произведений искусства.

Мы красимся более тяжело, грубо. Фиолетовые тени очень любим, толстые черные стрелки на глазах. Поэтому мне действительно приходится создавать женщине новую внешность. Не просто глаза подрисовывать, а менять лицо.

— Но всегда есть риск, что это не понравится. Что ты делаешь тогда?

— Когда женщина, после того как я с ней работала, подходит к зеркалу и смотрит на себя, она бывает в шоке. Это обязательно... Не потому что ей не нравится — ей надо к себе, такой, привыкнуть. Она пять минут ходит, посмотрит в зеркало и потом уже начинает воспринимать себя в новом виде. У меня были неприятности — и не от клиентов, а от начальства. После гримерного техникума я работала в Большом театре. На комсомольских собраниях мне регулярно выносили выговоры...

Обидеть визажиста может всякий

Рисовать так, как обычно полагаются гримеру, мне казалось скучным. Я старалась придумать что-то свое. Из-за этого меня на гастроли не пускали, кричали. Хотя артистам то, что я делаю, очень нравилось. А потом я познакомилась с Майей Михайловной Плисецкой (вернее, она меня нашла), и мы стали работать вместе.

— Плисецкой ты тоже меняла облик?

— Один раз пришлось. Когда она готовилась к поездке в Италию, я покрасила ей волосы в ужасный, дикий рыжий цвет, от которого в театре все чуть в обморок не попадали. Но мне он понравился. И Плисецкой тоже понравился ужасно. Она поехала в Италию с этой прической и моим безумным макияжем. Не смывала его три дня — я специально хорошо закрепляла.

— Как итальянцы отреагировали на рыжую Плисецкую?

— Прекрасно. Это был полнейший авангард — а шел восемьдесят пятый год, и такая внешность у советской артистки произвела сенсацию... Я, наверное, когда мне будет под девяносто, напишу мемуары о всех артистах, которых я касалась своей кисточкой. Но Майя Михайловна ни с кем не сравнима. Я профессионально могла оценить, как эта женщина себя вылепила, как сформировала. Я для нее стала и визажистом и косметологом. Как баба-яга кремы разные варила. Для каждого крема мы с ней выдумывали название. Мы уже тогда, в 85-м году, знали, что такое хохоба.

— ?

— Это орех, который питает кожу настолько результативно... Сейчас появился французский шампунь «Jojoba» — наверное, обращала внимание.

Если бы не Плисецкая, я бы, может, до сих пор работала просто театральным гримером. Но тут мне захотелось делать то, что мне нравится. Я и «свободным художником» была, и на телевидении работала, и на «Мос-

фильме». В салоне красоты «Шарм» была первой и единственной визажисткой. Я приучила клиентов к этому слову. Обидеть визажиста может всякий. Сколько раз мне приходилось слышать: «Парикмахер — вот действительно профессия серьезная. А лица раскрашивать? Да что же, женщина не может сама взять тушь, румяна и нарисовать что надо?»

А потом, наоборот, пошел огромный поток посетителей. Мне это было так странно... И очень тяжело. Каждое человеческое лицо индивидуально. Я смотрю, решаю, пробую, что-то переделываю. А когда в коридоре сидит очередь, ты начинаешь в конце концов всех красить «под одну гребенку». Потом в салоне заметили: «Света, ты сегодня пятому человеку делаешь такой же макияж, какой у тебя». «Я поняла, что так работать нельзя. Я же не заборы крашу. И я ушла из «Шарма», на время или навсегда — не знаю. Сейчас я снова «свободный художник».

Почему у Митковой большие глаза

Мне приходилось работать с рок-звездами, теледикторами, женами бизнесменов, фотомоделями, путанами. И просто с нашими женщинами, которые хотят нормально выглядеть. Очень приятно было работать с Татьяной Митковой. Я ей заново сделала глаза, убрала стрелки, всякие ненужные навороты.

Много было клиентов из нашей средней певучей публики — но тут особенно гордиться нечем. К тому же они люди капризные и привередливые. Зато железная дисциплина у манекенщиц. Если она изменит что-нибудь в макияже, ее на показ просто не выпустят. Но с ними работать скучно. Как будто куклу красишь. Помнишь, к нам приезжал Карден и на Красной площади устроили парад манекенщиц? Это был просто конвейер. Они стоят, а ты идешь и мажешь их всех одним цветом.

— А с кем бы ты хотела работать, но — не получилось?

— С Аллой Демидовой. Она — наша русская Грета Гарбо. Тем, кто с ней работает, я завидую.

Был случай, когда я отказалась от очень интересного предложения. Я просто побоялась. Снимались «Униженные и оскорбленные» с Михалковым и Настасьей Кински. И мне предложили быть гримером.

— Ты испугалась, потому что пришлось бы работать с Кински и Михалковым?

— Нет, потому что это был Достоевский. Мне мама всегда говорила: «Если бы ты не читала Достоевского,

ты была бы нормальным человеком». И я легла в больницу, чтобы был предлог отказаться.

— Перейдем от знаменитостей к обычным нашим женщинам. С ними интересно работать?

— Интереснее всего. Здесь — полная свобода. Я не обязана подготовить женщину к какой-то определенной роли, я могу формировать ее так, как мне хочется. Единственное, что не удается, — изменить выражение глаз.

— Но ведь тебе приходится иметь дело главным образом с состоятельными женщинами. Во всяком случае, с теми, у кого есть возможности заниматься своим внешним видом. Неужели и у них замученный вид?

— А какая разница? Половина состоятельных женщин — те, кто зарабатывает на жизнь своим горбом. Экономисты в богатых фирмах, юристы, рекламные агенты. Вторая — те, которых субсидируют богатые мужья или любовники. Не надо думать, что быть на содержании нынешних «крутых» мужчин очень приятно.

— Последний вопрос. Когда я собиралась с тобой встречаться, то предполагала: «Профессиональная визажистка — она должна быть разрисована так, что закачаешься!» Между тем на твоём лице косметика почти незаметна. Так — глаза слегка подкрашены, губы...

— В этом заключается смысл дневного макияжа. Женщина должна выглядеть так, как если бы она к своему лицу и не прикасалась. Как будто бы она и родилась такой. Хороший макияж — это тот, на который не обращают внимания.

Десять советов Светланы Калугиной

1. Совет первый и самый важный. Если вы решили выработать свой стиль нанесения косметики, не делайте это самостоятельно (даже если у вас есть ворох всяких книг и журналов с ценными указаниями). Вам нужен человек, который будет работать с вашим лицом, смотреть на него со стороны и даст вам основные направления, по которым вы будете действовать. Этим человеком может быть только опытный, профессиональный визажист. Искать его лучше всего в московских салонах красоты.

2. Не останавливайтесь на одном варианте макияжа, как бы он вам ни нравился. Женщина время от времени должна менять свой облик.

3. Считается, что вечерний макияж должен быть гораздо более ярким и экстравагантным, чем дневной, — оранжевые тени, блески и тому подобное. Это совсем не обязатель-

но. Все зависит от вашей внешности, одежды, причёски и того, куда вы отправляетесь.

4. Не пытайтесь срисовывать макияж у красавиц из западных журналов. То, что вам кажется чистым синим или зеленым цветом, в действительности достигается сочетанием самых разных оттенков, и повторить это вы не сможете.

5. Если у вас нет денег, чтобы покупать продукцию престижных западных фирм, покупайте отечественную косметику и не испытывайте по этому поводу никаких комплексов. Тушь или рассыпчатая пудра производства, скажем, «ВТО» вполне хорошего качества и прошла суровые требования ГОСТа. Пользоваться ими гораздо лучше и безопаснее, чем какой-нибудь гадостью из коммерческого киоска.

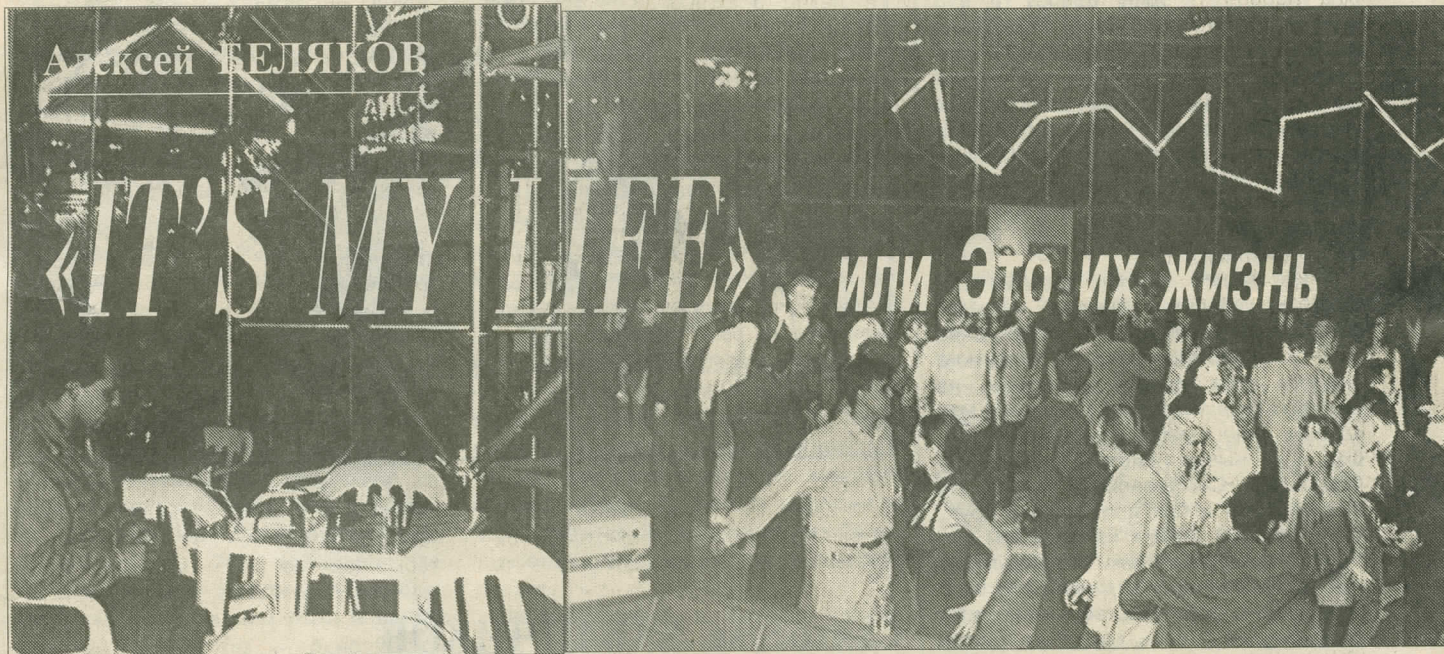
6. Если у вас все же есть деньги, чтобы приобретать хорошую западную косметику, не слушайте дурацкие и непонятно откуда появляющиеся рассуждения насчет того, что косметика «Ланком» — неprestижна, потому что предназначена для бедных, что «Диор» вышел из моды, что «Клима» — духи для женщин легкого поведения. Покупайте то, что вам нравится.

7. Существует мнение, что тональный крем вреден для кожи. На самом деле современные тональные кремы полезны, так как содержат увлажняющие вещества и защищают кожу от пыли и грязи. Наносить их следует на основу из обычного крема, который вы для себя выбрали.

8. Многие женщины торжественно заявляют, что пользуются исключительно «Детским» кремом, так как он совершенно безвреден. Как раз наоборот. Крем этот называется так (и правильно!), потому что предназначен для детей. Для кожи взрослого человека он не подходит и может привести к воспалениям и другим неприятным вещам.

9. Все средства для ухода за лицом выбирайте строго индивидуально. Крем, маска или компресс, которые помогли вашей знакомой, у вас могут вызвать аллергию или другой нежелательный эффект. Если это произойдет, не ждите, что ваше лицо «помирится» с новыми средствами, — немедленно от них отказывайтесь.

10. Один из самых эффективных и безвредных кремов, которые сейчас у нас продаются, — «Ойл оф Юлэй» производства компании «Проктер энд Гэмбл». Из наших можно порекомендовать «Вечер», а также, если сможете достать, «Алые паруса», произведенные в городе Николаеве. Впрочем, прошу прощения, и этот крем сейчас уже является заграничным.

Один знакомый недавно рассказывал мне, как его состоятельные друзья год назад пошли развеяться на ночное шоу «У ЛИС Са» и с тех пор их нигде не видели. Пропали.

Доводилось слышать и другие малоприятные истории... Словом, когда я брел поздним сентябрьским вечером под мелким дождем и со сломанным зонтом к спорткомплексу «Олимпийский», в моей душе не царил умиротворение.

Я двигался от метро «Проспект мира» в полном одиночестве. Даже самая захудалая кошка не перебежала дорогу мокрыми лапками.

Тем временем с другой стороны стадиона, по Олимпийскому проспекту, на освещенную стоянку подъезжали БМВ и «Мерседесы». Ну и «Жигули», наверно, тоже подъезжали. Пистолеты, автоматы, базуки оставались в салонах: здешняя публика осведомлена, как старательно обыскивают при входе. Да и вообще, на отдых же прибыли, так сказать.

В ту сказочную ночь, что я провел «У ЛИС Са», билет на танцы стоил 70 долларов. Это, поясну сразу, куда выше обычной цены. Потому что на сцене работал специально вызванный из Европы кумир дискотек Доктор Албан, полюбившийся молодежи песенкой «It's my life» («Это моя жизнь»).

Помимо гвоздя программы, к услугам посетителей были белые столики с официантками, казино с крупье, стриптиз с нижним бельем и даже джаз с немолодыми лабухами. «Олимпийский» большой, на всех хватит. И это при том, что дискотека со

всеми своими «департаментами» занимает только часть стадиона, огороженную, расцвеченную иллюминацией и декорацией.

К услугам все тех же посетителей на поле выпускается приличная команда охраны. Охранника можно выделить из толпы по одному признаку — наличию в руке рации. «Гардемарины» дискотеки ненавязчиво будут сопровождать клиента, если что-то покажется сомнительным в его поведении. В конце концов, на них перестаете обращать внимание, как на судью в футбольном матче после его же свистка.

В какой-то момент я с веселым облегчением вдруг осознал, что всем моим интеллигентским тревожным предчувствиям не суждено сегодня сбыться, пока за мной не захлопнулась дверь спорткомплекса. Позже я выяснил, что за полтора года танцевшманцев «У ЛИС Са» здесь не произошло ни одного сколько-нибудь заслуживающего упоминания конфликта. Всякая пальба начинается уже после гульбы, за стенами «Олимпийского». Среди этих, по выражению моего приятеля, «бандитов» я чувствовал себя в большей безопасности, нежели днем у станции «Текстильщики».

Однако запах анаши в туалете все равно витал.

Расхаживая с как можно более невозмутимым видом по дискотеке, я осторожно рассматривал лица отдыхающих. Самый приятным и добродушным автору представилась физиономия Богдана Титомира, заглянувшего сюда со своими танцорами. Милому Боне, кстати, с завидным

хладнокровием приходилось каждую минуту снимать со своих плеч руки назойливых ребят из публики. Особенно настойчив был сутуловатый паренек в малиновой рубашке — бонвиван «кавказской национальности». Ему хотелось непременно сфотографироваться в обнимку с Титомиром, но Титомиру, в отличие от картонного Ельцина на Пушкинской, этого очень не хотелось, и паренек вернулся к хохочущим друзьям, размахивая руками и бранясь на языке Хаджи-Мурата.

Кстати, фотографировать здесь запрещено категорически. Есть, есть специальный человек с «Полярдом», но он топчется на своем пятачке и снимает только по просьбе посетителей, подкрепленной купюрами с изображением Авраама Линкольна.

Однако в тот счастливый вечер, благодаря личной договоренности с Сергеем Лисовским, фотокорреспонденту удалось-таки внедриться на территорию дискотеки. В сопровождении охраны фотограф Света сделала несколько снимков. По поводу каждого нового ракурса сперва проводилась утомительная разъяснительная работа с начальником охраны. При этом мне доставляло удовольствие следить за реакцией тех, кто случайно мог оказаться в кадре. Объекты с достоинством, но поспешно отворачивались. По поводу стриптиза было сразу жестко заявлено, что его фиксировать нельзя ни при каком ракурсе. Но не очень-то и хотелось.

Интересней взглянуть на тех девочек, что в зале. Они — да простят меня красавицы за язык классификаций

— делятся на две неравные категории (имеются в виду только те, кто прибыл без спутника). Большая часть тривиально занимается «делом». Эти дианы-охотницы, как правило, не покидают заведение в одиночестве. Другие же — и это загадочная элита — приходят исключительно расслабиться. Не возьмусь строить предположения о роде занятий инфернальниц. Да и какая мне, собственно, разница.

Я любовался группой девочек, достойных украсить обложку «Vogue», которые пустились в вакхические пляски около полуночи. В половине шестого утра, перед закрытием, на уже практически пустой площадке мои «донны» еще извивались в своих клешах, приковывая тяжелые взгляды набравшихся «Смирновской» ухарей. Но ни один так и не был допущен в их круг...

У каждой стойки на большом щите красуется меню. Уверяю, я был единственным чудачком, кто этой ночью имел любопытство ознакомиться с ценами. Здесь подобная блажь никому не приходит в голову. Бармены осмотрели меня с мимолетным интересом. Я в свою очередь с интересом оглядел пол у стойки: не обронил ли кто, сердешный, десяти долларов. Как раз на сто граммов водки. Промочить горло независимому журналисту.

«It's my life», — твердил со сцены чернокожий бодряк в блестящих желтых шортах. И зал соглашался с ним хором. Да, ребята, спору нет, это ваша жизнь.

Однако если вы думаете, что за авторской иронией кроется некая «классовая ненависть» тщедушного Тряпичкина, то заблуждаетесь. Мне просто были безразличны все эти пиджаки с подбитыми плечами. Кто-нибудь из них, в свою очередь, несколько секунд следил за мной такими же глазами, какими мой одноклассник, смазливый бугай Прохоров, провожал очень некрасивую хроменькую «троечницу» Таню. Вот и весь контакт. От винта.

Мне больше незачем посещать дискотеку «У ЛИС Са», поскольку это не моя жизнь. И автор отнюдь не горюет по поводу своей неспособности бросить десять долларов за сто граммов. Черт с вами, господа, развлекайтесь, пока работает печень и вообще живы.

Меня как обывателя, наверно, больше должна волновать своевременная и аккуратная уплата налогов от ночного шоу, и, насколько мне известно, так оно и происходит. И еще меня должно волновать... Впрочем, я слышу, как мяучит за дверью соседский кот Маркиз. Я припас для него куриные косточки от обеда. Пойду отнесу.

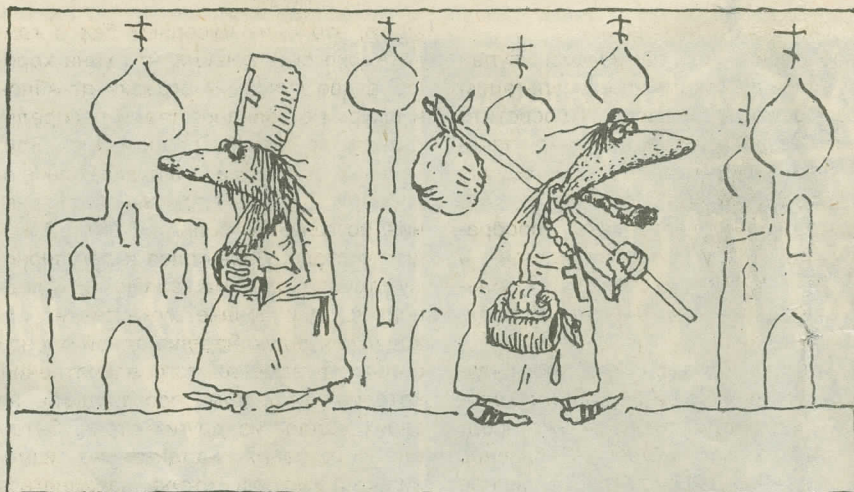

Рис. А. Зайца

Святослав КАБАНЧИКОВ

КРЕСТ — ОН И В АФРИКЕ КРЕСТ

Можно ли 15-летнего советского балбеса, воспитанного на пиве, роке и сексе, за пару лет превратить в образцового католического священника? Оказывается, можно, если сильно захотеть.

Этим летом в одну элитную московскую школу с углубленным изучением немецкого языка пожаловала гостя из католического Лобург-интерната в Германии графиня Верещагина, русская по происхождению, но немка по образу жизни. Ностальгически настроенная миссионерша вызвала безумный ажиотаж среди родителей своим сообщением о том, что цель ее визита гуманитарной помощи — набрать кандидатов для обучения в Германии. Практически все папы и мамы поспешили заявить своих детей на конкурс, несмотря на то, что большинство из

их чад не видели Библии даже вверх ногами.

Конкурсная программа особой сложностью не отличалась бы, не сиди глубоко в сердце каждого соискателя Манифест коммунистической партии, который, наверное, и не давал выучить хотя бы несколько строчек молитвы «Отче наш» и пару цитат из Священного писания. Помимо этого отечественным абитуриентам предлагалось сравнить католический крест и православный, что вообще оказалось неразрешимой задачей. Крест — он же и в Африке крест — палка вдоль и палка поперек. Что, не

так? Оказалось, не совсем.

Любвеобильные папы-мамы пулей помчались в церковь на консультацию к батюшке. Помогите! Просветите сына! Батюшка помог, конечно, показал, где католическая перекладина, где православная. Те мамочки, кто подogaдливей, нарисовать сообразили, где в какую сторону наклон, — выручили детей. Осталось тому только пошпехать как следует и собирать чемоданы.

В итоге набралось шестеро будущих священников, не без царя в голове, любящих «Скорпионз» и уже представляющих, что «Туборг»-Пильзенер и «Жигулевское»-разбавленное немного разные вещи. Родители их были на седьмом небе, оно и понятно: немецкий папа будет ежемесячно отстегивать по 750 дойчмарок за обучение сына в Лоббург-интернате, а у русского папы одним ртом в семье меньше, да и потом — одно слово «заграница» того стоит.

...Мрачноватый замок Лоббург встретил российских ребятишек холодной сыростью монастырских казематов и чисто немецкими порядками. Подъем в шесть утра настолько шокировал новоприбывших, что они, в свою очередь, шокировали весь интернат тем, что дружно заперлись в своих комнатах и спокойно подрыхли до обеда. Когда же их, наконец, разбудили, упрекнув, что они проспали завтрак, будущие святые отцы мигом распаковали заботливо уложенные родителями сумки с провизией и, напроць проигнорировав среду как постный день, деловито принялись за вкусные домашние котлеты.

Надо отдать должное немцам, те просто проглотили языки и, не тратя лишнего времени на эмоции, начали методично перевоспитывать россиян в духе местного христианства. Прежде всего был решен материальный вопрос, всегда остро волнующий нашего человека за границей. 12 дойчмарок в неделю — положенные интернатом карманные деньги — были выданы без промедления. Это были, конечно, гроши, но, когда ты живешь на всем готовом, и это неплохо.

Дальше поставили в келью каждому мальчику пустую корзину. Это, говорят, для грязного белья. Кладите сюда ваши носки, майки и все, что хотите, а мы выстираем. Священник должен быть чист не только духовно, но и телесно. Это и в Писании сказано. Наши приняли к сведению и, несмотря

на то, что один мусорный бак в комнате уже был, решили, что урна хорошо, а две лучше — огрызки от яблок и шкурки от бананов стали распределяться по бакам равномерно. Бдительные немцы засекали злодеяние и провели дополнительные разъяснения, но грязного белья от этого больше не стало. Привыкшие к регулярному отсутствию дома горячей (и холодной) воды, россияне мужественно обходились целую неделю одной сменой белья, не замечая того впечатления, которое этим они производили на своих коллег из других стран. Затем вдруг ситуация кардинально изменилась. Корзина стала наполняться бельем два раза в день: до завтрака и после обеда. Но немцы выдержали и это испытание — каждый раз белье тщательно выстирывалось и крахмалилось.

Перевоспитание в бытовой сфере шло, однако, гораздо более быстрыми темпами, чем в религиозной. Для «совка» католицизм имеет перед православием два неоспоримых преимущества: во-первых, во время богослужения положено сидеть, и, во-вторых, периодически можно слушать органную музыку. Это значительно скрашивало будущим священникам обязательное присутствие на еженедельной службе в храме. Вопрос о переkreщении в католичество в повестку дня пока не выносился, хотя со временем такая проблема, разумеется, возникнет, и, поскольку ребята еще несовершеннолетние, придется спрашивать у родителей. Мнение последних по данному вопросу пока особой ясностью не отличается. Как метко выразился один папаша, коммунистический атеизм родителей сделал их неспособными дать своим детям хоть сколько-нибудь религиозное образование, а посему нет большой разницы, католиком будет ребенок или православным.

Помимо таких необычных вещей, как изучение истории религии и чтение молитв на латыни, нашим школьникам, к их ужасу, вновь пришлось столкнуться с ненавистными физикой, химией и математикой. Больше того, вся эта «гадость» преподавалась на немецком! И хотя с языком проблем особых ни у кого не было, играть в карты оказалось намного интереснее, нежели пытаться перевести с немецкого какое-нибудь «правило буравчика».

К учебе в самом Лоббург-интернате отношение было самое серьезное. По распорядку дня с трех до шести вечера все должны были корпеть над уроками. Иначе — три незачета, и ты едешь на родину. Однако учить уроки — занятие утомительное, тем более что неподалеку маленький, уютный городок Мюнстер...

Еще одно важное правило, которое пришлось зазубрить, заключалось в том, что привычное для нашего человека в Германии потребление пива придется свести к минимуму и пить только безалкогольное. И хотя в интернате не могли не понимать, что русский католический священник и русский трезвый католический священник — одинаково странные по своей природе явления, кое-какие завуалированные меры там все же приняты, причем методы явно были почерпнуты из нашей антиалкогольной кампании, которую на Западе многие до сих пор считают делом прогрессивным. Если помните, в наших продуктовых магазинах висели агитплакаты. На одном из них было написано «СОКрушительный удар» и нарисована банка сока в боксерских перчатках — этакий трехлитровый тяжеловес, который лихо дубасил несчастную поллитровку. Глядя на такую рекламу, хотелось плакать от жалости. Немцы учли наши ошибки и вместо дешевой рекламы постановили в официальном порядке, что у каждого ученика в комнате постоянно должно находиться не менее четырех литров сока высшего качества и самых разных видов, включая папайю и маракую. Пей не хочуй!

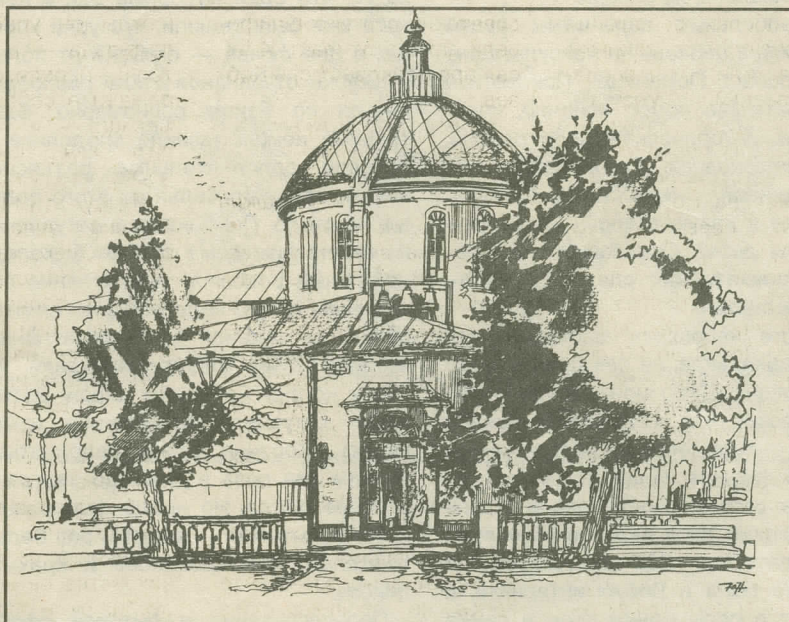
Сейчас трудно сказать, сколько лет проучатся в Лоббурге российские «билли грэмы». Время покажет, возможно ли в корне переделать менталитет отдельно взятых человеческих особей. Пока же после трех недель обучения наши новоиспеченные католики вполне довольны. «Жить можно» — говорят.

Ну а потом? Что ждет в будущем выпускников столь диковинного для нас учебного заведения?

Я думаю, возможны два варианта развития дальнейших событий. Либо русские католические священники предпочтут остаться там же, в Германии. Либо им останется только надеяться на то, что католицизм когда-нибудь войдет в России в моду.

Алексей
МИТРОФАНОВ

УЛИЦА НЕСМЕШНЫХ УЖАСОВ

Улица состоит из двух кусков, прямо противоположных по своему настроению. О первом я уже писал («Столица», № 27, 1992 г.). Он тянется от Центра до Бульварного кольца и вид имеет легкомысленный и презабавнейший. Второй кусок, что между кольцами Бульварным и Садовым, — напротив, строг и фаталистичен. Первый отрезок — отрезок веселья, второй же — отрезок расплаты за это веселье.

И словно точки в знаке «инь и янь»: в первой части улицы — таинственный, зловещий дворец Меншикова, а во второй — открытая недавно «лавка смешных ужасов».

Она как будто сконцентрировала несерьезность первой половины улицы и приправила ею трагичность второй половины. Здесь торгуют похабнейшими фотографиями, какими-то змеями, крокодилами и прочими пакостями. Тут есть и часы-бегемот, и пачка сигарет со встроенной секретной брызгалкой, и рюмки на присосках, и хваталка для салата в виде вставных челюстей.

Все это, конечно же, в валюте. Увы, прошли те времена, когда в Ленинг-

Улица Герцена — фактически пока еще улица Герцена. Но юридически — снова Большая Никитская. Кому как пожелается — тот так и называет.

радском гостином дворе можно было за копейки купить свечку — точную копию стаканчика пломбира. И взять ее с собой в театр, и в антракте, прогуливаясь с чопорной девицей по фойе, вдруг на глазах у публики предложить ей мороженое, вытащив его откуда-нибудь из-за пазухи.

...Православные храмы — самые, пожалуй, печальные из всех «домов Бога». И, словно обозначив зону скорби, открывают тот участок улицы две церкви. Слева — Федора Студита, справа же Большое Вознесение.

Церковь Федора Студита строилась в XVII веке как больничный монастырь. Здесь поначалу обитали шесть монахов-лекарей и двадцать монахов-больных «для душевного спасения» — то была, фактически, психушка. Но в 1709 году ее закрыли, и церковь стала приходской.

Сюда любил захаживать известный московский чудак генералиссимус Суворов, живший рядом. Он совершал по три земных поклона перед каждой иконой, ставил свечки, отстукавал молебны на коленях и даже пел на клиросе.

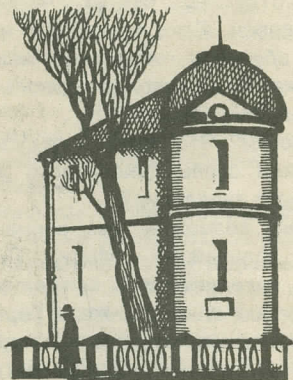

Рис. Ю. Николаевой

Но после революции храм, разумеется, закрыли и разместили в нем исследовательский институт жиров. Затем патристические силы добились решения — устроить там музей Суворова. Но после те же силы передали церковь Церкви.

И работают там детский сад да воскресная школа, где сотня печальных учащихся (от 3 до 80 лет) изучают Закон Божий, пение, иконографию и церковную вышивку.

А напротив — легендарное Большое Вознесение, по преданию, построенное на средства не менее легендарного Потемкина-Таврического. Эта церковь не достроена — скончался сиятельный князь, и завещанные на нее деньги прогуляли бесшабашные наследники. Так и не появились на свет ни богодельня для старых конногвардейцев, ни доходные здания — приходу на прокорм. Зато тайком построили большой подземный ход, ведущий от божьего храма к домам иностранных послов, до сих пор, по традиции, рядом живущих.

Но иностранцы зла не держат. Больше того, когда в тридцатые годы церковь еще действовала, но налоги уже превышали доход, окрестные посольства помогали средствами — ради памяти Пушкина.

Поэт венчался в этой церкви против своей воли — хотелось в домово́й, голицынской, да митрополит запретил. И совпало множество ужаснейших примет: у Пушкина в руке потухла свечка, он крест свалил, задев за аналой, и обручальное кольцо упало на ковер, да и свидетель жениха рано устал и передал держать венец другому.

Пушкин вышел из церкви более встревоженный, чем радостный: он ожидал самого худшего — и роковые события не заставили себя ждать. Однако милые

советские поэты отшлифовали даже этот факт. И писал про церковь Игорь Кобзев:

*Из ворот ее шумных
Однажды весной
Вышел праздничный
Пушкин
С молодою женою.*

Церковь знаменита тем, что в ней хранились брачные венцы, в которых венчались Потемкин и Екатерина Великая, тем, что в ней стпевали Ермолову, тем, что этот храм, как Федора Студита, хотели отдать под благое гражданское дело — концертный зал, — а отдали откуда ни взрэмьсь возникшей общине. И поговаривают злые языки, что здесь не обошлось без этаких церковных мафиози, пожелавших наложить свою руку на памятник и извлекать невиданный доход.

Есть на улице еще один литературный экспонат — дом 46, где в гостях у Васильчиковых засиживались Айвазовский, Глинка, Сергей Соловьев и, конечно же, Гоголь — «У Васильчиковых по средам большие вечера». А через сотню лет здесь поселился поклонник Николая Васильевича, не менее гениальный Михаил Афанасьевич Булгаков со второй своей супругой, Белосельской-Белозерской, поселился у своей сестры, на антресолях здания, в «тереме-теремке». И, видимо, не знал, что тут частенько отдыхал его кумир.

Васильчиковские среды были хорошо известны краеведу Тихомирову, жившему все в том же доме. Но он вряд ли знал про Булгакова.

С Булгаковым, возможно, был знаком другой известный краевед, Стелецкий, проживавший в доме 58. Он исследовал подземную Москву, интересовался тайными ходами и был разносторонним человеком вообще. У окон его был сад, а в доме жили белка, черепаха, прочие зверушки. Од-

нажды он упал у своего подъезда — и исследователя парализовало. Он пришел в себя спустя три месяца — и смог заговорить лишь по-арабски. А через семь месяцев умер.

Между этими домами — бывший участок Гончаровых. Здесь жила в девичестве Наталья Николаевна. В период ухаживания за ней Александр Сергеевич частенько ездил на Пресню — ухаживать за Екатериной Ушаковой. Потом же признавался, что «он ездил всякий день к сей последней, чтоб два раза в день проезжать мимо окон» возлюбленной. В период жениховства он нередко глядел из окон своей невесты на гробовую лавку, бывшую напротив, — и написал «Гробовщика» — повесть, полную тайных намеков.

Впоследствии на гончаровском участке, в доме 52, жил Немирович-Данченко и тешился своим чудесным книжным шкафом, изготовленным по собственному рисунку режиссера. Шкаф состоял из множества закрытых секций с портретами писателей, наклеенными на дверцы. Внутри стояли их произведения, и Владимир Иванович частенько издевался над гостями — портреты не были подписаны.

А в это время в соседнем строении росла двоюродная внучка Натальи Николаевны, Наталья Сергеевна Гончарова, будущая художница. Как и сам Александр Сергеевич, бегущая серьезностей и находящая себя в лучезарной лепоте.

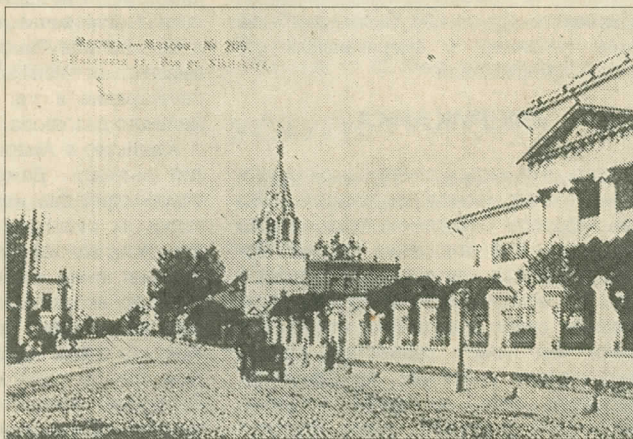
Она уехала в Париж в 1915 году, а ее ровеснику, одному из князей Трубецких, повезло гораздо меньше. Родился он в соседнем доме, № 54, и появление его на свет многими было воспринято как помеха: произошло это в приемный день, прием, конечно же, был отменен, гостям пришлось искать иной досуг.

Страница книги посетителей в тот день осталась бы пустой, но педантичнейший дворецкий записал в ней новорожденного. Чем, вероятно, насмешил господ.

Трубецкой же не принял революции, подался в тайные союзы — и был приговорен к расстрелу. Но эту кару заменили заключением, а затем вдруг просто выслали в Германию. Ничуть при этом не смутясь.

...А улица, меж тем, выплыла в безобразную площадь, каких на Садовом не счесть, пометалась там, уткнулась в монолит посохинской высотки — и приказала долго жить.

Вид к Кудринской площади от Никитских ворот
Фото начала XX века из собрания М.Струкова

РУССКАЯ, АМЕРИКАНКА, ФРАНЦУЖЕНКА

субъективные заметки советского мужа

Не Дон Жуан. Я жил только с тремя женщинами. Русской, американкой и французенкой. Звучит почти как в анекдоте. Однако это не анекдот, а объективная реальность, которая когда-то была мне дана в ощущении...

Теперь они (даже русская Н.) далеко, на Западе, а я здесь. Один. И только вспоминаю своих бывших жен, пытаюсь понять их — увы, когда понимать что-либо уже поздно.

РУССКАЯ

Если бы меня сейчас спросили, с кем бы ты хотел остаться, я бы, наверное, ответил: с русской. Мне вообще думается, что она (женщина наша, отечественная) — единственное достояние, оставшееся в стране. Я до сих пор не могу понять, как моя жена умудрялась воспитывать ребенка, стирать, готовить, гладить, зарабатывать деньги, писать стихи, говорить на разных зарубежных языках, утешать и убаюкивать нерадивого супруга и при этом практически НИЧЕГО (как я сейчас понимаю) от меня не требовать. Ютились мы втроем в одной крошечной комнатенке, в одной квартире с родителями. Ну вы сами понимаете, как ладят невестка и свекровь...

Иногда я влюблялся в других женщин. Писал о них разные лирические вирши. Жена вирши находила, разрывала в клочья, ревновала дико, а потом все равно прощала.

Я считаю свою бывшую жену святой. Но чтобы понять это, нужно было пожить на Западе, например, в американском обществе. С американкой.

АМЕРИКАНКА

Сказать, что жить с американкой непросто, — значит ничего не сказать. Это очень непросто. Собственно говоря, даже вступить с ней в отношения нелегко. Во-первых, в Штатах, как в дореволюционной России, за женщинами принято ухаживать. Случайные связи практически исключены. Прежде чем начать совместное проживание, парень ухаживает за девушкой, представьте себе, не менее полугода. Приглашает в рестораны, дарит подарочки и т.д. Только спустя несколько месяцев

предлагает своей избраннице стать его герл-френд. Если девушка соглашается, молодые люди приносят друг другу справку о состоянии здоровья, в частности, о том, нет ли у них СПИДА.

Если же вы надумали жениться на своей герл-френд, то вы покупаете два обручальных кольца, одно из которых дарите невесте. Так делается предложение. На словах в Америке не делается НИЧЕГО.

Каковы отношения между американскими супругами?

Прежде всего партнерские. Супруги — партнеры. Во всем! В сексе, в быту, в воспитании детей. Если вы думаете, что ваша американская жена будет вам постоянно стирать, гладить, готовить, то вы страшно, чудовищно ошибаетесь. Все это делается супругами, как правило, вместе. Либо представителями сильного пола. В любом американском «апартаменте» есть в подвале большие стиральная и сушильная машины. В каждую из них закладываются по шесть квотеров (монета в двадцать пять центов) и — пошла работа.

Что касается пищи, то американцы, живущие в квартирах, предпочитают не готовить, а заказывать еду на дом. Позвонил — через пять минут принесли все, что вы захотели. Причем стоимость принесенной на дом еды такая же, как если бы вы ее сами покупали в магазине.

В ресторан американские пары ходят каждую пятницу или субботу. В отпуске — каждый день. Так принято.

Все свое свободное время американский мужчина уделяет жене. После работы супруги постоянно вместе. В магазин — вдвоем, в кино (редко, правда) — вдвоем...

Подарки можно дарить только жене. Знаете, что преподносят американцы своим самым близким друзьям на Рождество? Открыточку... И только жене (мужу) дарят хорошие подарки. В Штатах супруги говорят так: «Мы вдвоем против всего мира!» И, кроме семьи, американцы уважают, по моему, только свою работу.

Разумеется, я пишу эти заметки исключительно про коренных американцев или про тех эмигрантов, которые приняли заокеанский образ жизни. Что касается нашей родной и любимой брайтонской публики, там, конечно, такие же нравы, как и в Москве или Тамбове. Адюльтеры (если выражаться изящно), пьяные мордобои, перестрелки и т.д. Однако это тема отдельного разговора.

Адюльтер в Америке — это ЧП, небывалая редкость. Даже если муж проводит отпуск один, без жены, это может вызвать толки на работе, а следовательно, отразиться на его карьере. А уж если мужчина изменил жене, это неминуемо приводит к разводу, неприятностям по службе. Знаю множество тому примеров. Женщины в Америке очень независимые. И очень гордые. И — к слову сказать — не бедные. Семьдесят процентов национального богатства страны принадлежит им, женщины.

Все американки выглядят, конечно, различно. Но есть нечто общее, что их всех (и белых, и желтых, и черных) объединяет. Это уверенный взгляд. Они очень уверены в себе, я бы даже сказал самоуверенны. Это связано с работой. Если хочешь устроиться на службу, рекламируешь себя изо всех сил. «Это умеешь делать?» — «Умею!» — «А это?» — «И это!» Если же ты замешкаешься в ответе, босс усомнится в тебе и возьмет другого. А если он все-таки возьмет тебя, ты по ходу дела все освоишь. Именно так думают многие американцы, в том числе и женщины. И, разумеется, это отражается на лице, на внешнем облике человека. Постепенно становится второй натурой.

Наверное, так и надо жить. Но иногда бывает немного забавно. Когда, например, какая-нибудь страшная толстуха считает, что она не уступает по красоте Мэрилин Монро.

В общем, самоуверенностью, уверенностью в себе американки сильно отличаются от русских женщин, утонченных, изящных, но часто страдающих комплексом неполноценности (пишу именно о женщинах, а не о базарных бабах).

Небольшое отступление, посвященное мужчинам...

Ситуация с мужчинами в России меня поражает. Любый самый плохонький, невзрачный пьянчужка в России навряд ли Бонапарта, который приглашал женщин для любовных утех минут эдак на пятнадцать (не более) и даже шпагу во время этих утех не снимал. Все наши — Бонапарты. У нас все тоже на ходу, быстренько, мимоходом. При этом советский мужчина еще хочет, чтобы его покормили, полечили его израненную душу (послушали, пожалели) и т.д. И — НИЧЕГО ВЗАМЕН!

В Америке такие номера, разумеется, не проходят. Женщину действительно нужно заслужить. Не случайно браки между американками и русскими мужчинами крайне недолговечны. Что значит жить с русским — предельно ясно описала замечательная Ширли Маклейн, которая делила некоторое время кров с режиссером Андреем Кончаловским.

Так что если вы, например, вздумали удрать из России посредством честной женитьбы на американке — бросайте это пустое дело. Фиктивный брак — куда более удобный путь. Дороговато, конечно (пять—десять тысяч долларов), но зато спокойнее.

ФРАНЦУЖЕНКА

А вот про свою французскую жену я писать ничего не стану. Ибо писать о французенках — значит писать исключительно о ее величестве ЛЮБВИ, со всеми возможными ее вариациями. А у меня для этого слишком слабое перо.

ПРЕДЛАГАЮ

Работу штатного или внештатного референта иностранной литературы по органической химии.

Тел. 155-43-57, Любовь Михайловна Королева (ВИНИТИ).

Бюро независимых дистрибьюторов американской корпорации предлагает эффективное питание из трав (производство США, Израиль). Это не диета, а программа питания, основанная только на природных компонентах. Методика приема рассчитана на похудание, режим наращивания мышечной массы и оздоровление.

Тел. 351-83-75.

Русский язык и литература. Фундаментальная подготовка в вузы Москвы. Индивидуальные консультации. Опытный преподаватель.

Тел. 269-16-78.

Грузоперевозки.

Тел. 405-01-02.

Оригинальные композиции из цветов в интересующем вас стиле (для украшения фисов, квартир, презентаций и пр.).

Тел. 425-52-68.

Дома и на работе — уничтожение насекомых.

Тел. 387-00-31.

Herbalife — приглашаем к сотрудничеству организации и частных лиц для распространения уникального американского препарата для оздоровления, снижения веса, очистки организма.

Тел. (095) 522-05-41.

Определение геопатогенных зон в квартире и на работе и простые способы их устранения. План помещения в любом масштабе и конверт с обратным адресом высылать: 690012, Владивосток—12, а/я 1262, Спонсор.

Бесплатно сдам жилье в частном доме, без уд., мужчине или бездетной паре, без прописки, срок согласуем. Отвечу всем. Запорожская обл., 332440, Бердянка—18, до востребования Пароконному Н.И.

Жалюзи солнцезащитные импортные на заказ с установкой.

Тел. 177-40-92.

Гороскопы.

Тел. 125-33-03.

ПРОДАЮ

Зимнюю дачу в Переделкине. 30 соток. Тел. 249-31-45.

Детскую шубку из цигейки размер 30 и шапочку.

Тел. 337-71-72.

Herbalife.

Тел. 187-13-47.

Herbalife. Скидки.

Тел. 177-46-86.

Квартиры в США.
Тел. 212-47-80.

Смокинг, пальто и костюм «От Макарыча» — классический стиль. Звонить вечером.

Тел.: 318-19-05, 187-69-94.

Автомобиль ВАЗ-21063, двигатель 1600, 1990 г. выпуска.
Тел. 928-70-17.

Престижных щенков добермана из авторитетного клуба «Апольда».

Тел. 461-96-54, эксперт-кинолог Беляков В.Ю.

2-комнатную квартиру, м. «Белорусская».
Тел. 332-63-53.

Часы «Cardi Vostok», механические, водонепроницаемые, противоударные, с кожаным ремешком, в футляре, гарантия.
Тел. 187-13-47.

3-комнатную квартиру общей площадью 65 кв. м., полезной — 46 кв. м., кухня 8 кв. м., на 4-м этаже пятиэтажного дома у метро «Октябрьская».
Тел.: 932-38-04, 474-66-01.

Продаются клубные щенки немецкой овчарки отличной родословной. Крови ФРГ. Интерэкспертиза родителей «отлично». Первый помет. 2 месяца.
Тел. 182-21-47.

КУПЛЮ

Картины Зверева, Яковлева, Штейнберга, Плавинского, Шемякина.
Тел. 151-82-17.

Довоенные книги.
Тел. 306-40-19.

Фотоальбомы 30-х годов.
Тел. 337-72-21.

Книги Я.Чернихова, А.Крученых.
Тел. 337-72-21.

Материалы общества «Добролет».
Тел. 337-72-21.

1-2—комнатные квартиры.
Тел. 281-97-17.

Комнату, 1-комнатную квартиру.
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

Комнату.
Тел.: 279-36-03, 332-63-53.

МЕНЯЮ

2-комнатную квартиру, 30 кв. м, с изолированными комнатами и кухней 10 кв. м, на первом этаже 5-этажного дома у метро «Сокол», и комнату 18 кв. м в 3-комнатной квартире у метро «Октябрьская» на хорошую двухкомнатную квартиру в Центре.
Тел. 943-32-30.

3-комнатную квартиру, 39 кв. м, комнаты изолированные, кухня 6 кв. м, рядом с метро «Новогиреево», паркет, балкон, с/у раздельный, встроенные шкафы, на 2-комнатную квартиру с изолированными комнатами вблизи метро и комнату.
Тел. 303-67-13.

1-комнатную квартиру, 18 кв. м, кухня 6 кв. м, 7/9 кирпичного дома, паркет, балкон, м. «Улица 1905 г.», на равноценную в Матвеевском или Ново-Переделкине.
Тел. 259-11-92.

1-комнатную квартиру и комнату на 2-комнатную.
Тел. 279-36-03.

Меняю участок на Южном берегу Крыма (8 соток с садом) с правом на прописку и застройку на «ГАЗ-3102».
Тел. 923-19-71. С 12.00 до 16.00, Мария.

Меняю 2-комнатную квартиру 37,7/61,7 кв. м в кирпичном доме рядом с м. «Текстильщики» в отличном состоянии на две однокомнатные кв-ры рядом с метро, кр. 1-го этажа.
Тел. 173-50-42.

ЗНАКОМСТВА

Мне 62 года, рост 164 см, расположена к полноте. Хочу познакомиться с порядочным мужчиной без вредных привычек 60—64 лет.

Тел. 432-12-52, Нина Михайловна.

УСЛУГИ

Психотерапевт, кандидат психологических наук. Консультации по проблемам личной жизни, снятие эмоциональных стрессов.

Тел. 427-32-48.

ДЕБЮТ НЕ СОСТОЯЛСЯ

«Провинциальный бенефис»
«Ленфильм»,
«Аккорд-фильм»,
ТОО «Библиополис»,
реж. А.Белинский

Классический сюжет господина Островского о позднем возвращении столичной примадонны в родную провинцию явственно и даже слишком настойчиво апеллирует к недавно модному сюжету о возвращении на российские просторы блистательной Галины Вишневской. В то же время очевидная сюжетная матрешка оказалась распятой насмех и с нескрываемым прицелом на тугую кошелек заморского зрителя-покупателя, замороженного легендарным оперным именем и обладающего доморощенными представлениями о купеческой матушке Руси с ее золотыми маковками под небом голубым.

Бенефис получился и впрямь провинциальным во всех отношениях. Был бы рад узнать, что именно в этом и состоял глубинный режиссерский замысел, но слишком мало для того оснований. Кажется, концепт исчерпывается начальными титрами фильма — они пробегают строчками старинной театральной афиши, по которой скользит рассеянным взглядом Отрадина-Кручинина-Вишневская. В остальном же — увы, господ...

Игра в милый сердцу провинциальный театр пусть и не требует от актеров полной гибели всерьез, но режиссерской точности, пожалуй, взыскует в качестве неременного условия. Подтверждением чему служат давние товстоноговские «Волки и овцы» — там я вполне разумел, что замечательный актер Владислав Стрельчик играет заурядного уездного актеру, которому, в свою очередь, наместни поручена роль Беркутова. Наблюдая же за Стрельчиком в «Провинциальном бенефисе», я от подобных догадок далек. Что, впрочем, имеет отношение почти ко всем «провинциальным

бенефициантам» — от Леонида Куравлева до Валентина Смирнитского. Отчаянно перетягивая одеяло на себя, они напрочь забывают о той, ради кого это предприятие, собственно, и затевалось. Во многом благодаря их разрушительным усилиям вкупе с отсутствием деятельных усилий со стороны режиссера и присутствием вполне объяснимой кинематографической неопытности Вишневской — на вопрос о том, состоялся ли дебют великой оперной певицы в кино, я при всем желании утвердительно ответить не могу.

Андрей ПИОНТКЕВИЧ

ВЧЕРА МЫ ИМПРОВИЗИРОВАЛИ

«Шесть призраков Ленина на рояле»
Театр «Лаборатория»,
реж. А.Росинский

Подзаголовок пьесы В.Денисова — «драматическая импровизация на темы одноименной картины Сальвадора Дали» — способен, пожалуй, ввести в заблуждение. Вряд ли в картине 1931 года, относящейся к тому же периоду молодых, но расчетливых сюрреалистических безумств, что и ранние фильмы Бунюэля и Дали, где в одну кучу свалены фрейдизм, садизм, марксизм (и ленинизм), буддизм, капитализм и пр., и пр., можно отыскать какие-нибудь «темы». Окутанный голубоватой ностальгической дымкой («Воспоминания о Ленине» — другое название картины), персонаж Дали взирает на выставленные на клавиатуре рояля (символа буржуазности, как мнилось некоторым) портретики Ленина потому, что так захотелось художнику, которому позднее захотелось, например, написать портрет после франкистской Испании. Тем не менее, следуя отечественной традиции использовать западные вентиляторы устаревшей конструкции для проветривания собственного

Фото К. Горячева

Сцена из спектакля

дома, драматург извлекает из картины сложный и нравоучительный сюжет. Он заставляет некую легкомысленную девицу оказаться в картине в качестве нерадивой ученицы маститого пианиста, а затем превращает муравьев, ползающих по нотам, в шесть ипостасей Ленина, и они творят всяческие непотребства: коречат рояль и музыку Шопена, отпльсывают идиотские танцы, горланят песни и проповеди и едва не заставляют профессора забыть о своем достоинстве. В конце, по счастью, наступает пробуждение от обоих дурных снов, Шопен вступает в свои права, а девушка теряет часть легкомыслия; но, поскольку в нашей жизни не все еще ладно, один из призраков Ленина уводит за собой художника: очередной Франкенштейн становится жертвой своего создания. Такая назидательность выглядит наивной, и камерная сцена маленького театра только подчеркивает малую уместность крупных публицистических обобщений. Впрочем, сами «призраки» — вымазанный золотой краской окостенелый Памятник, пузатый Пророк, выраженный в расшитую косоворотку, Практик — мужлан в тельняшке и штормовке, Подлинник, изъясняющийся цитатами и непрерывно что-то пишущий в блокноте, живо напоминая известную картину «Ленин в Разливе», разбитной пловодь, похожий на комсомольского деятеля, наконец, Портрет, который

непрестанно прихорашивается, как Нарцисс, — все они выглядят довольно колоритно. А их экстравагантные ухватки вызывают к ним, как и ко всяким удачливым клоунам, некоторую симпатию — что, кстати, было бы вполне достойно провокатора Дали, но вряд ли входило в намерения создателей спектакля.

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

БОРТКО НИ НА ЧЬИ ЛАВРЫ НЕ ПРЕТЕНДУЕТ

«Царь Эдип»
Эрмитажный театр,
реж. В.Бортко

Господ кинорежиссеров в который уже раз и с новой силой потянуло на театр. Вслед за Сергеем Соловьевым, который привычно шествует впереди прогресса, вызов Мельпомене решился бросить петербуржец Владимир Бортко. Вызов более чем эффектный и менее всего ожидаемый от автора некогда актуальной «Блондинки за углом» и обстоятельно-подробного «Собачьего сердца». А именно — «Царь Эдип» Софокла на музыку Игоря Стравинского в обработке Владислава Успенского и в исполнении оркестра академической капеллы. При участии балета Никиты Долгушина и любимцев петербургской драмы в лице Андрея Толубеева,

Станислава Ландграфа, Валерия Ивченко, Николая Трофимова и Антонины Шурановой. Наконец, театральная сцена в здании Эрмитажа: чинный полукруг амфитеатра, золоченый занавес, обязывающее соседство музейных залов. Эстеты априори примерили иронические улыбки: мол, где Софокл и где Бортко? Терпимая и благожелательная театроведческая братия с любопытством насторожилась. Компания записных концептуалистов терялась в догадках — античная драматургия и впрямь редкая гостья на петербургской сцене. Последними, если не ошибаюсь, гостили «Лягушки» Аристофана в театре «Четвертая стена» несколько лет назад. Чем обязаны явлению «Царя Эдипа»? Концептуалистам, пожалуй, повезло меньше других: Бортко поставил спектакль откровенно внемонументальный, намеренно ориентированный не на прихотливую смысловую новацию с гарниром экзотической театральности, а на добротное скроенное и стилистически демократичное действие со спасительно соблюденным чувством меры. Нимало не претендуя на лавры Пьера Паоло Пазолини и Зигмунда Фрейда и нисколько этого обстоятельства не смущаясь, Бортко поставил честный и обаятельно наивный просто театральные спектакль, где по воле Софокла есть что играть актерам, и играть явно не без удовольствия. И пусть на премьерных спектаклях драматургии и самим себе соответствуют Толубеев и Ивченко, в отличие от растерянной Шурановой и неистребимо концертного,

милейшего Трофимова, пусть хореографическая фантазия Долгушина не страдала от собственной изощренности — все это казалось простительным для непритязательного спектакля Эрмитажного театра. Непритязательного в самом благожелательном смысле этого слова и без малейшей снисходительности — слишком велика усталость от необоснованности иных театральных претензий и appetitov.

Александр ЛАВРОВ

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА ВОЖДЯ

Наум Габо и конкурс на Дворец Советов в Москве
Выставка в Музее Ленина

По иронии судьбы устроители (Музей архитектуры имени Щусева, Берлинская галерея и Гете-институт) разместили эту выставку в музее вождя мирового пролетариата, чья гигантская фигура как раз и должна была украсить дворец, который некогда собирались воздвигнуть на месте снесенного Храма Христа Спасителя. Впрочем, ирония тут ни при чем. Все закономерно, и даже то, что выставка, в которой содержится ряд сенсаций, прошла почти незамеченной широкой публикой, а у специалистов вызвала весьма спокойные оценки. То ли дело, если бы на дворе стоял год этак 86—87-й, то-то было бы восторгов и степенаний. Ах, конструктивизм, ах, разрушение национальных святынь. Сегодня все встало на свои места —

специалисты тихо радуются за публику, что ей наконец показали материалы конкурса и работы Наума Габо, публика безмолвствует. Между тем в России действительно впервые с 1922 года выставили Наума Габо — Наума Певзнера, родившегося в Брянске, издававшего «Реалистический манифест» — теоретическую базу конструктивизма, поругавшегося с Татлиными и производственниками, эмигрировавшего и ставшего известным во всем мире архитектором. Кстати, он сам, прислав на конкурс проект дворца, смог снова увидеть его только в 70-х, когда по его же просьбе ему прислали фотографии из музея архитектуры. Проект этот не хуже и не лучше остальных, ведь остальные — братья Веснины, Ле Корбюзье, Гропиус...

Но, как известно, конкурс выиграли советские архитекторы Б.Иофан, В.Шуко и В.Гельфрей. По-другому и быть не могло. И дело не только в политической хитрости решения жюри. Ни один изощренный европейский ум не мог родить столь мистически-азиатского проекта, как тот, что должен был быть воздвигнут на месте нынешнего бассейна «Москва». Да и этот итог по-нашему закономерен.

М.К.

ТЫСЯЧИ ТОНН СЛОВЕСНОЙ РУДЫ

«ТТТРАХ», рок-журнал

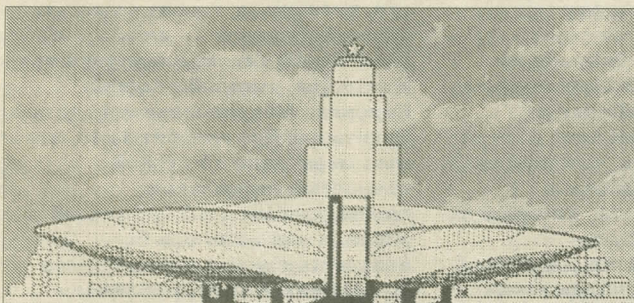
Году в восемьдесят шестом, в английской спецшколе, где автор имел счастье, будучи студентом пединститута, проходить педагогическую практику, завуч — женщина «осенней» красоты — однажды на педсовете воскликнула со злобным отчаянием: «Вы знаете, что у нас в восьмом классе два «металлиста»?» Я тогда лишь равнодушно пожал плечами. ...Уж не те ли подростки восьмиклассники издают теперь журнал «ТТТРАХ»? Журнал «ТТТРАХ» замечательный в своем роде. И в своем жанре. Потому что здесь нашла адекватное отражение вся субкультура (опять это слово!) преданных

ценителей heavy metal rock. От шрифтовых изысков в заголовках (готика и проч.) до беспрепятственных выражений признательности Сатане. От развязного заигрывания с тенью фюрера до педантически подробных описаний техники гитарного соло в последнем альбоме Оззи Осборна («...Удерживая оттяжку теппинговым пальцем, он переносит левую руку на 4-й лад для пуллинга и возврата».) При этом, заметьте, никакой матерщины, да и вообще приятный — для посвященных — полусленговый стиль повествования. Правда, автор готов упрекнуть творцов «ТТТРАХа» в некоторой лукавности. Уж слишком по-зубрилски старательными для истинных «металлических» чертоплясов кажутся отдельные брезгливые пассажи об «итальяшках» и турках; слишком выверенными «патологоанатомические» экзерсисы в анализе творчества группы... не важно какой. Тексты выдают людей неглупых и, судя по всему, образованных, но не больно искренних. «Металл» такого не прощал. Впрочем, я могу грешить былым педагогическим занудством. Однако постоянных читателей должно беспокоить не столько это, сколько бездарный макет и издевательски мелкий шрифт. И уж подлинное отвращение тяжметрокеров способны вызвать полиграфические достоинства вложенных постеров. Тут я снова пожимаю плечами. Но с оптимизмом.

Алексей БЕЛЯКОВ

Проект Дворца Советов Наума Габо

Михаил СМОЛЯНИЦКИЙ

ШИРВИНДТ БЕЗ ДЕРЖАВИНА

фото О. Чумаченко

Хотелось сделать интервью с Ширвиндтом. Не с «Ширвиндтом и Державиным», а именно с Ширвиндтом — я бы сказал, «с Ширвиндтом как таковым». Естественно, не из-за недостатка уважения к прекрасному актеру Державину. Просто, освежив в памяти свои детско-отроческие впечатления от неторопливо движущейся крупной, статной фигуры, с ее барственной осанкой, сдержанными до скупости жестами, меланхоличным и чуть брезгливым выражением породистого еврейского лица, понял, что судьба Ширвиндта парадоксальна. Опытнейший театральный актер, чьи серьезные работы, выполненные в постановках А.В.Эфроса в 50—60-е годы, едва ли не полностью забыты, а почти четвертьвековая служба в популярнейшем Театре сатиры ознаменовалась, по существу, всего двумя крупными ролями — Молчалиным в «Горе от ума» и пресловутым (и превосходным) графом Альмавивой в

легендарной «Женитьбе Фигаро». Звезда советского кинематографа, которой почти неизменно отпускается минут этак пять экранного времени, чтобы затем многомиллионная аудитория могла идентифицировать звезду примерно таким образом: «это тот, вместо кого Мягков уехал в Ленинград, и кто говорил: «Хорошее имя, главное — редкое» («Ирония судьбы»); «это тот, который играл на пианино в ресторане, где сидел Басилашвили, и говорил: «Я стюденъ не понесу» («Вокзал для двоих»); «это тот, которому Миронов бросил в лицо пригоршню шахмат («Двенадцать стульев»), и т.п. Какой Ширвиндт режиссер, он сам объяснил в одном интервью: у них, мол, в театре есть спектакль, который ставит Валентин Николаевич (Плучек), есть спектакль, который ставит еще какой-нибудь режиссер, и есть «то, что делает Шура». (Шура сделал полдюжины спектаклей, самые известные — «Проснись и пой» и «Маленькие

комедии большого дома», — в паре соответственно с Марком Захаровым и Андреем Мироновым, а самый долговечный — «Молчи, грусть, молчи...», коллаж из спектаклей Театра сатиры разных лет, идущий и сейчас, — в одиночку.) В свободное от основной работы время народный артист России А.А.Ширвиндт поставил множество спектаклей в Щукинском училище, где преподает больше тридцати лет, и программу Владимира Винокура «Выхожу один я...»; сделал массу радиопередач и две телевизионные; написал кучу скетчей и сенок — для спектаклей, капустников, передач и эстрады, которой подарил Веронику Маврикиевну и Авдотью Никитичну. Все говорит за то, что мы имеем дело с крупной личностью нескольких прошедших и одной настоящей эпохи, и мне хотелось бы поставить с нею в связь только фундаментальные проблемы — чего никто еще не делал. И так...

ШИРВИНДТ И СОВРЕМЕННОСТЬ

— По моим подсчетам, вам в следующем году исполнится 60 лет.

— Какой ты все-таки злой мальчик: сидишь считаешь, сколько лет старикам. Да, правильные подсчеты: в июле 94-го мне 60 как раз и грохнет.

— В таком возрасте, мне кажется, человек должен ощущать себя классиком.

— Ну, классиком, наверное, все-таки в 70, а 60 — это еще преддверие классического возраста. Хотя и осязаемое. До этого возраста я, сидя летом на рыбалке, под кустом и комарами, мысленно перебирал то, что сделал в прошедшем сезоне, и всегда накапливал какой-то эмоциональный потенциал, иногда придумывал разное и ждал, в сентябре начнется новый сезон и я что-то сделаю. А вот сейчас сидел-сидел в августе... и этого потенциала в себе никак не мог обнаружить.

— Так что, все сделано?

— Может быть, и не все, но неизвестно, что делать и, главное, нет беспокойства по этому поводу. Ну нет и нет. Я в своей, так сказать, Творческой Жизни пробовал многое. То мне было интересно поработать на радио, узнать, как там все монтируется, накладывается музыка, я писал и ставил праздничные передачи к 1 Мая, ко дню Октябрьской революции — с лучшими артистами, включая Яншина, Марецкую, Рину Зеленую, Утесова, Царева, Жарова, Плятта... Освоил — прошло. Потом на ТВ придумал передачу «Семь нас и джаз»: там мы пародировали московские театральные премьеры — такой актерский капустник. Сделал еще передачу «Терем-теремок». Потом понял все и про телевидение. И заинтересовался кино: снимал «Фитили». Ну, в театре я работаю, слава Богу, сколько лет... И, в общем, получилось так, что все попробовано. И сейчас нужно искать какие-то новые эмбрионы желаний, «эрогенные зоны» — именно в себе самом, не ссылаясь на действительность, которая якобы виновата в том, что у меня ничего не возникает. А пока, пожалуй, единственное место, куда я хожу с

удовольствием, — это институт.

— Я знаю, что когда-то вы преподавали сцендвижение и фехтование.

— Ну, я уже давно не могу ни встать ни сесть, а могу только рассказать об этом с привлечением кинофото документов. Я уже долго преподаю мастерство, делаю дипломные спектакли и... то ли оттого, что там можно делать все, что хочешь, то ли потому, что молодая инъекция идет в кровь, — мне это нравится. Ведь сколько бы ни говорили: «разве это студенты, вот в наше время...» — все это вранье. Они стали раскрепощеннее — а говорят, что они нахальны. Они стали свободнее в оценках — а говорят, что они циничны. Они лишены «зажима», быстрее проходят азы и хватают профессию.

— А не хочется вам исправить историческую несправедливость и сняться все-таки в кино в большой главной роли?

— Хочется, конечно, но трудно преодолеть «амплуа», сложившееся еще в молодости, когда я никак не мог быть социальным героем, а мог быть только «плохим студентом», или «растлителем», или каким-то западным персонажем, который все портит в нашей замечательной жизни. Нет, ну я снимался в главных ролях в кое-какой модной... фигне. У меня, правда, была серьезная эпопея с Германом. Он, как ты знаешь, снимает картины раз в 12 лет и вот решил попробовать со мной. По сценарию герой проходил два этапа: до лагеря, когда он — благополучный генерал-майор медицинской службы, и после лагеря, когда он — проводник товарного вагона. И все позапрошлого лето мы мучались, я ездил на пробы в Ленинград... Герман меня наголо постриг! А потом, когда сняли материал, написал мне письмо: мол, ты замечательный артист, и все хорошо до того момента, как ты едешь в валенках в товарном вагоне. Сколько ни брили, видно, что это — размалеванный Ширвиндт. И я знаю, что он мне не врет. Вот такие... проблемски надежды.

— О телевидении я уж и не спрашиваю, хотя, кажется, кому-кому, а вам с Михал Михалычем можно бы попробовать себя в роли «шоуменов».

— Да обращаются-то к нам часто: дайте. Но что значит «дайте»? Делать что? «А-а — как пойдет». А все «как пойдет» было уже миллиард раз. Нет, нужна молодая свежая мысль. А иначе — куда вклиниваться в эту чехарду?

— А вы сами-то смотрите развлекательные программы?

— Урывками. Во-первых, салфеткой не закроешь, и, потом, надо же понимать, что происходит.

— И что же, ничего хорошего не происходит?

— С точки зрения развлекательной... (Жмет плечами.) Ведь казалось бы: должен в этом шабаше вседозволенности родиться какой-то молодой комик, экстравагантный, острый — новый Енгибаров,

что ли. Нету. Сидят два мальчика, перебивают друг друга, хамят. Смешно? Нахально, раскрепощенно. Но — не обаятельно. Обаяние — великая вещь. Ему не научишься, его не купишь и не придумаешь с самыми хорошими авторами и режиссерами.

— А может быть, основать свой маленький театр и применять там все разнообразие дарования, как в свое время мечтал в одной статье о вас Эльдар Рязанов?

— Ну, понимаешь ли, я думаю, что «каждому овощу свое время». В 59 лет можно чему-то помогать или во что-то вливаться, а создавать нечто новое — удел совсем другого поколения. Другая должна быть энергия и иной, чистый взгляд на вещи. Вот я сейчас, когда попадаю все-таки к молодым режиссерам и сценаристам, ловлю себя на том, что первая моя реакция на их предложения — это такой «стопор». Думаешь: ой... это уже все было, а вот здесь надо, очевидно, не так, а этак. И тогда я начинаю все поднимать под себя, а это ханя: получается все тот же привычный, удобный стиль работы и образ Ширвиндта. Потому в самые последние разы я попробовал иначе. Вот пришел ко мне мой бывший ученик Сережа Урсюлак. Он только что кончил режиссерские курсы и снимал картину «Русский ретайм». А там в сценарии — знакомая мне история, связанная с кругом друзей моего сына. В свое время была такая скандальная история в Москве, довольно трагическая по тем временам — с осквернением флага, с КГБ — в общем, аналогичная, и сын был в этом замешан. И Сережа мне предложил играть папу своего сына. Сначала я отказывался: что там играть? Но он дико ко мне пристал, я согласился, и он начал мне что-то толковать, я в ответ начал сопротивляться, потому что, во-первых, это ученик, во-вторых, проблему я наизусть знаю, и она для меня не «художественное эссе», а нечто болезненное и кровное... А потом подумал: зачем? И затих. И стал его слушать. И вот я слышу, что эта картина получается в Сочи приз за дебют. То есть не из-за меня, конечно; я просто к примеру: был не уверен в режиссере, но ошибся, и слава Богу. То же самое — история со спектаклем Лени Трушкина «Чествование», где я играю главную роль. Он тоже мой ученик, и тоже я сперва заартачился: пьеса бульварная и т.д. Но его дикое, миниакальное упорство, а главное, точное знание, чего он хочет, привели к тому, что я, во-первых, согласился, а во-вторых, отключил свой стопор, подумав: зачем же я связался, если не хочу соблюдать архитектонику взаимоотношений актера и режиссера?.. Так что сейчас, хотя и не быть старомодным кретином, мне надо приспособливаться к тому, что делается сегодня. А с другой стороны, я все равно знаю: раньше многое было гораздо профессиональнее, тоньше, лучше...

ШИРВИНДТ
И ИСТОРИЯ

— Я вам процитирую вашу давнюю статью о телеведущем Александре Маслякове: «Почему есть фигуры, которые с 20-летнего возраста приобретают право на отчество, а иные до глубоких седин остаются Шуриками?» Здесь слышит-ся что-то личное. Вы-то сами когда перестали быть «Шуриком»?

— Ты знаешь, я не перестал им быть — вот в чем ужас-то. Остаюсь им для всех своих друзей и одноклассников. Один Эфрос, помню, называл меня Сашей. Он как бы говорил: хватит, становись Сашей, а я упорно оставался Шуриком. Такая вот вечная тяжба.

— Судя и по этому домашнему имени, и по вашей уютной невозмутимости, вы вообще человек, не изведавший особых жизненных тревожений.

— Дело в том, что я очень не люблю ссориться. Это большая трагедия моей жизни и большое ее счастье. Обижаться могу, а выяснять отношения для меня — каторга. Если есть возможность отыскать компромисс, свести дело к шутке, на худой конец попросту снять — я все это делаю. Что же касается тревожений, то хочу все-таки заметить, что родился я в 1934 году, в коммунальной квартире в Скатертном переулке, где жило семь семей. Как ни мало я тогда соображал, помню, как в те годы забирали людей: ночь, запертые двери, страх родителей, все сидят и слушают, как уводят соседа. Взяли и дядю моего, который был крупным юристом, даже одно время заместителем Вышинского, и отсидел 17 лет. А потом война, и мы в теплушках пилили дней десять до Чердыни, где осели на два с половиной года, я там и в первый класс пошел. Ехали мы туда с большой актерской братией (мать моя работала в филармонии), они после бригадой уехали на фронт под руководством известного чтеца Дмитрия Николаевича Журавлева. А теперь, представь, там, в Чердыни, есть музей, где существуют в качестве «экспонатов»

Журавлев и я: вот, мол, в войну здесь жили такие люди. Я тогда никакой «людей» не был, но все равно музейные работники присылают мне поздравления к праздникам, проекты музея и просят прислать материалы — очень мило и трогательно.

Вот вокруг моих родителей люди были действительно замечательные. Например, Яхонтов покойный, который все свои чтецкие программы проверял на матери, а я сидел у него на коленях. Потом выяснилось, что он брал меня, чтобы не делать жестов: иначе ему, человеку очень эмоциональному, трудно было усидеть спокойно. У нас бывали Качалов, Глиэр, тот же Журавлев, мать всю жизнь дружила с Анастасией Цветаевой... Впрочем, уникальность тех или иных людей мы осознаем уже постфактум — тогда же это был просто круг знакомых нашей «Скатертной» квартиры, глядя я прожил 30 лет своей счастливой бурной молодой жизни. Теперь живу в высотном доме на Котельнической набережной, тоже почти 30 лет, и не знаю, что будут рассказывать мои дети, которые видели здесь Миронова, Рязанова, Марка Захарова, Горина. Пока они тут гриши, марки, элики, а лет через двадцать дети, глядишь, вспомнят, кто бывал у папы дома в «ту» эпоху...

— Вся эта картина все же очень благожна. Как и ваше юмористическое искусство. Если б на моем месте был вдумчивый журналист, он бы сказал, что ваше невинное зубоскальство отвлекло народ от насущных задач борьбы с коммунистическим режимом.

— Во-первых, отвлекать «народ» — этих вась, вить, леш, с которыми я дружу у себя в деревне и которых люблю гораздо больше, чем все, что бегаёт здесь в «черте оседлости», — это тоже, знаешь ли, не последняя задача. А потом, если говорить о юмористических вещах, которые мы делали в 50—60-е годы, то они были все «на грани фола». Был даже случай, когда мы с Державиным, вызванные во Дворец съездов шутить после какой-то партконференции, рискнули и сказали то, что не проходило обычных согласования. Не помню уж, кто тогда там сидел — Хрущев или уже Брежнев, — шутка была вроде бы безобидной, а поднялась целая буря: режиссера снимали, нас бесконечно таскали на ковер и т.п.

А в капустниках, которые мы делали нашей бригадой при Доме актера, вообще все было очень остро по тем временам. Арканов с Гориним нам тогда пописывали, играли — Миронов, Державин, Ларионов, Сатановский, Майя Менглет...

Сначала это было искусство «для своих» — это потом мы постепенно обнагтели и стали куда-то выползать: не на афиши, конечно, а в дома культуры интеллигенции, институты разные. На первых же порах мы только выезжали в Ленин-

град — в обмен на их «сборную», которой руководил Александр Белинский: у него там играли и Ковель, и Лебедев, и Юрский, и Боярский (Боярский-папа — Миша тогда учился классе в пятом и сидел в первом ряду, но уже с усами, помоему). И как-то раз поехали мы к ним с одним из самых острых капустников. Сидел там весь цвет ленинградских театральные деятели — Товстоногов, Акимов... И Аркадий Исаакович Райкин тоже. А после выступления, на банкете, подошел он ко мне и сказал то, что я на всю жизнь запомнил. Такое, говорит, я тоже могу делать и, может быть, даже лучше, но не делаю, потому что на самом деле все это, конечно, безобразие. Если б вы были самостоятельностью какого-нибудь авиационного института — тогда да, пожалуйста; но вы актеры и не должны ничего делать «для своих», а работать везде одно и то же. То есть он считал, что «домашние» дела уместны где-нибудь на дне рождения, а сцена и зал требуют актерской работы.

— Получается, что именно ваше актерское поколение вывело «домашние дела» на широкую аудиторию?

— Получается так. «Домашние дела» со временем оказались интересны всем.

ШИРВИНДТ
И ТВОРЧЕСТВО

— Как вы думаете, ваша разносторонность — это хорошо или плохо?

— Вообще, я считаю, что люди, «упертые» во что-то одно: в идею, в профессию, — зашоренные, маниакально тщеславные, наконец, они, даже будучи изначально менее талантливыми, «на круг» всегда выигрывают.

— А у вас этой «упертости» нет?

— (Раскуривая трубку.) Не-а.

— Ну и вы — проиграли?

— Чего теперь считать. Как есть, так и есть. «Не «упираться» же. Да я и не могу: у них-то «упертость» естественная. Мне вообще трудно, особенно теперь, влезать во что-то новое. А есть люди, которые бросаются во все что угодно совершенно

непосредственно и наивно. Все мои бывшие студенты, ставшие известными актерами, — это люди, маниакально преданные профессии: та же Наталья Гундарева, Миронов, Котя Райкин. Они и подобные им обожают играть. Это совершенно удивительное качество. Таков же был Папанов; Табаков, Козаков, я знаю, такие. Все они обожают пребывание на сцене и ждут выхода на нее. Я же люблю только премьеру. И завидую им необыкновенно.

— Вас, наверное, никогда не преследовало ощущение, что нужно торопиться, чтобы все успеть. Так что же в результате «успел» в этой жизни Ширвиндт? Какое произведение, могущее обессмертить его имя, он создал?

— Только себя. Комплексное произведение. Вялое, но комплексное. Можно собрать интересную фигуру — но лишь суммарно, с учетом всех «граней», иначе чего-то будет не хватать. Это, конечно, большой минус, а может быть, и плюс.

ШИРВИНДТ... И ВСЕ-ТАКИ ДЕРЖАВИН

— Александр Анатольевич, наверное, за столько лет существования вашего дуэта вы с Михал Михалычем уже окончательно потеряли ощущение разницы между вашими реальными отношениями, длящимися с детства, и их сценическим вариантом?

— Нет, ничего подобного. Вне сцены и работы мы, во-первых, вообще почти не разговариваем — иначе давно бы расстались. Правда, мы вместе отдыхаем

— рыбачим. Но это как происходит? Я — тупой рыбак: вот я сел, у меня трубка, пара удочек, термос, черви — и сижу. Нет клева — а я сижу. Он не может сидеть. Он переоснащается, меняет места, наживку, то кидает спиннинг, то заходит по пояс в воду... Ну какое тут общение?

— То есть вы и «в жизни» противоположны, не только на сцене, где вы, такой вальяжный, ироничный, умудренный, постоянно подтруниваете над Державиным — наивным, трогательно суетливым, обескураженным...

— ...и хорошим. Помню, на одной встрече со зрителями пришла записка: почему, мол, Михал Михалыч такой добрый, обаятельный, милый, а Ширвиндт такой зануда ехидный? Я тогда с ходу ответил: видите ли, суть искусства — полное перевоплощение. Теперь вы понимаете, кто есть кто?

— А народ...

— Что народ? Народ, если узнает меня на улице, видит: перед ним не Майкл Джексон и не Смоктуновский. И просто улыбается.

ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ СКАЗКИ

Красавица Востока

ЛЮДИМИ ТЕТРУШЕВСКАЯ

Как-то клещ Юра подцепил гонконгский вирус «А», Маргариту, и привел ее прямо в семейный дом к жене и детям под видом литературного секретаря, что она за ним все будет записывать.

Было ясно, что он больной и за себя не отвечает, но вирус Маргарита вскоре очаровала всех, кроме жены клеща Юры, тети Оксаны, которая по телефону с подругами называла Маргариту конспиративно «косая харя», имея в виду Гонконг.

Ну и что произошло?

Тетя Оксана была права, и ей единственной пришлось ухаживать за всей семьей, борясь с их горячкой и бредом относительно того, что все они хотели видеть Маргариту родной мамочкой, а старший сын вообще воостал на отца с кухонным ножом, а тот ответил табуреткой — но вирус есть вирус, против природы не попрешь, и Маргарита, красавица Востока, ушла однажды с комаром Стасиком, который по своей привычке заваялся в случайные гости к клещу Юре и даже не заметил, как все произошло.

И только через месяц, когда комар Томка уже угодил в санаторное отделение психбольницы после принятия газа (лежала у пня на болоте среди цветов дурмана, красивая как Офелия), только через месяц наша Маргарита, получив зарубежный паспорт, оставила Стасика в покое и улетела в Америку с кондором Аком в служебную командировку как референт на симпозиум кондоров, где и осталась на ПМЖ.

И кто ухаживал за Томкой?

Все тот же клещ тетя Оксана.

Предыдущие «Дикие животные сказки» читайте в №№ 22—40.

Первый могильщик
 ...Да так, что лишился рассудка.
 Гамлет
 На какой почве?
 Первый могильщик
 Да здесь же, в Дании.

В.Шекспир. Гамлет

Т ак уж выходит, что всякий телеобзор — мой ли, чужой ли — выливается либо в очередную жалобу турка, в перечень взаимных болей, бед и обид, либо в политический портрет эпохи. В первых, телевидение — самый точный пока термометр, и он поневоле приобретает температуру тела больного. А во вторых — пишешь телеобзор, а в России опять Ростропович и, как следствие этого, политический переворот. В силу чего телеобзор как чистый жанр опять-таки маловероятен.

Я пытаюсь перед лицом надвигающихся событий (а какими они будут — я узнаю, только держа корректуру) объяснить себе расстановку сил. Те-

Рис. А.Зайца

Дмитрий БЫКОВ

ДАТСКАЯ ПОЧВА

телевидение только тем и хорошо, что — почти против воли — отразило ее точнее некуда.

Суть же в том, что вне зависимости от исхода великого противостояния демократия в России сегодня терпит свое крупнейшее поражение за последние годы. Это поражение фиксируется не политическими событиями, а именно доминирующими экранными интонациями. Дело в одном: на наших глазах интеллектуальная и журналистская элита общества (да простят мне коллеги это разделение) резко сместилась вправо, и хотя на симпатиях к конкретным лидерам это пока никак не отразилось, лидерам этим, хотя бы они того или нет, придется исповедовать другие, новые ценности.

Меня всегда поражали подобные сдвиги. Если эволюцию Лимонова, Белова, Говорухина или Бондарева пытались объяснить их личными качествами, то с Александром Любимовым, его тезкой Политковским, их тезкой Зиновьевым или Юрием Поляковым все обстоит сложнее. Отчасти

виновата десакрализация всего, что входит в понятие «вербальная культура»: печатному и телевизионному слову верят сегодня куда меньше, чем прежде. Собственно культура почти никому не нужна, и художник (публицист) простился с ролью мессии. Поневоле обидишься. Относительность всех истин тоже набила оскомину. Демократы подозрительно бездарны в массе своей. Телеобращение и последующие действия президента плюс все, что предшествовало двадцать первому сентября, для меня далеко не бесспорно с юридической и моральной точки зрения. Наконец, разреженный воздух свободы явно не для всех легких. Так что многое объяснимо.

Сентябрьское телевидение поправело. На наших глазах происходит реабилитация ценностей, от которых недавно отреклись с ругающей синхронностью. Поражение демократии в том и заключается, что такая ситуация — вне зависимости от исхода — стала ВОЗМОЖНА. Что к адептам навязанной духовности, великой

державы, абсолютных истин стали напряженно прислушиваться. Значит, от противного или нет, они вызывают больший интерес, чем оголтелые демократы.

Вот смотрю я, допустим, «Киноправду». Ведущий с гордостью заявляет, что в КПСС было много честных людей и сам он не выходил оттуда. И ради Бога, что ж тут возражать? Странно только, что цикл программ, задуманных как разоблачение идеологических фальшивок, превратился в ностальгическое путешествие по этим самым фальшивкам. Что показывают их, оказывается, не ради киношока от киноправды, а чтоб оттянуться на блаженных воспоминаниях. И высказывания Юрия Полякова о бездне, в которую демократы завели страну, воспринимаются вполне органично. Во многом ему вторит Александр Любимов, который сегодня — ни с кем, но, провозглашая чуму на оба дома, рано или поздно выбирают тот, у которого прочнее фундамент. И «Красные квадраты» — этот наш телевизионный супрематизм — все более и более резки по отношению к «левым», к демороссам, к президенту — не только потому, что ниша оппозиционера всегда плодотворнее для художника, но и потому, что реальность красноречива. А Любимов человек трезвый.

И, наконец, эволюция Александра Зиновьева (характерное название рубрики — «Встреча для вас») в этом контексте тоже неудивительна. Он ведь логик. А логику виднее что к чему. Он может не учитывать последствий своих высказываний, он вообще живет за границей: если скинут эту власть — нам рот заткнут, а ему нет. Он поэтому не покупается на главный аргумент «левой» команды: все остальные хуже нас, победит оппозиция — вообще придушит. Так что Зиновьев по-своему очень убедителен, когда несет по телевизору в течение часа все наше правительство и демократическую идею как таковую. Он говорит об унификации (разумеется, только духовной), обнищании общества, о вырождении культуры и нации, и все мы про это знаем не только от него — ему, казалось бы, один шаг до вывода, что талантливому человеку в любом обществе неуютно... Но этого вывода он не делает, хоть и ругает почем зря любую демократическую систему, как ругал когда-то коммунистическую. Правда, после того как он признался, что ни за что не стал бы писать «Высоты», родись он заново, — как-то меньше ему веришь. Человек, отрекающийся от всего сделанного, может отречься и от того, что говорит сегодня. Но правоты его это не отменяет.

Ностальгия не столько по твердой руке, сколько по твердым ценностям так или иначе сквозила в большинстве политических передач сентября. Правые сегодня интереснее и убедительнее. Да что правые — на экране периодически мелькает (в цикле «Тайны века») ультракрасно-коричневый А.Дугин, редактор журнала «Элементы». И вообще цикл «Тайны века» необычайно показателен: казалось бы, ничего ультраправого в нем нет. Есть лишь попытка объяснить фашизм причинами мистико-магического порядка. Дугин очень увлекательно рассказывает о магической традиции арийцев. Ему вторят создатели цикла. Правый лагерь (в особенности «День») обожает тайны, магию, заговоры, символику и каббалистику. И читателя это привлекает, и самим жить интереснее. Долго я думал, почему они все это так любят — масонскую атрибутику разоблачать, заговоры искать, на магию ссылаться, — и понял.

Говоря о том, что толпа слушала Гитлера вследствие его магических поз и таинственных заклинаний, Дугин и авторы «Тайн» снимают ответственность с толпы. Где магия, где силы космоса — там человеку нет места. Масыны — опять же магия. Оккультизм, мрачные ритуалы, космическая терминология — всего этого и у «правых», и вообще на нашем телевидении очень много. Не только потому, что это увлекательно. А потому, что этим самым с человека снимается любая вина. Этические категории тут неуместны. Иными словами, от Личности, от ее выбора не зависит ничего.

Здесь-то и лежит водораздел между левыми и правыми, демократами и консерваторами (евреи — повод, конституция — тем более). Почвенников объединяет приоритет почвы. Догма выше человека, родина больше личности, внешняя история важнее внутренней. Личность — ни к чему. Поэтому значительная часть церковников, писатели-деревенщики, бывшие коммунисты — объединяются вокруг идеи ПОЧВЫ. То есть некоей шкалы абсолютных ценностей, внеположных человеку. Тогда как левый лагерь — при всех его пороках — исходит их приоритета личных ценностей перед общественными. На магию и обстоятельства кивать нечего. Личная боль или радость важнее любой догмы. Бог — только в сердце, истина — только в голове.

Вот и весь наш выбор, между вакуумом и Аввакумом.

Немудрено, что ценности Абсолютные и Почвенные сегодня более привлекательны для обывателя. И он с радостью смотрит ретроспективу Ускова-Краснопольского (а ведь и

правда — хорошее кино!). И соперничает Политковскому. И следит востро за гороскопами, где от него ничего не зависит.

Я потому останавливаюсь по преимуществу на «Киноправде», «Квадрате», «Политбюро» и Зиновьеве, что именно они определяют лицо сентябрьского эфира. Тем, что стали возможны. И убедительны.

В этом и есть особенность местной нашей почвы: встав на нее, заделавшись патриотом, провозгласив приоритет почвеннических ценностей, — рано или поздно начинаешь говорить вещи дикие и несообразные.

Как Солженицын, чью фразу из недавней статьи процитировали в «Новостях» I канала вполне сочувственно: наше сегодняшнее правительство ЕЩЕ ХУЖЕ западных...

Датская почва. Кто на нее сошел с горних высот одиночества, тот здорово рискует сойти с ума.

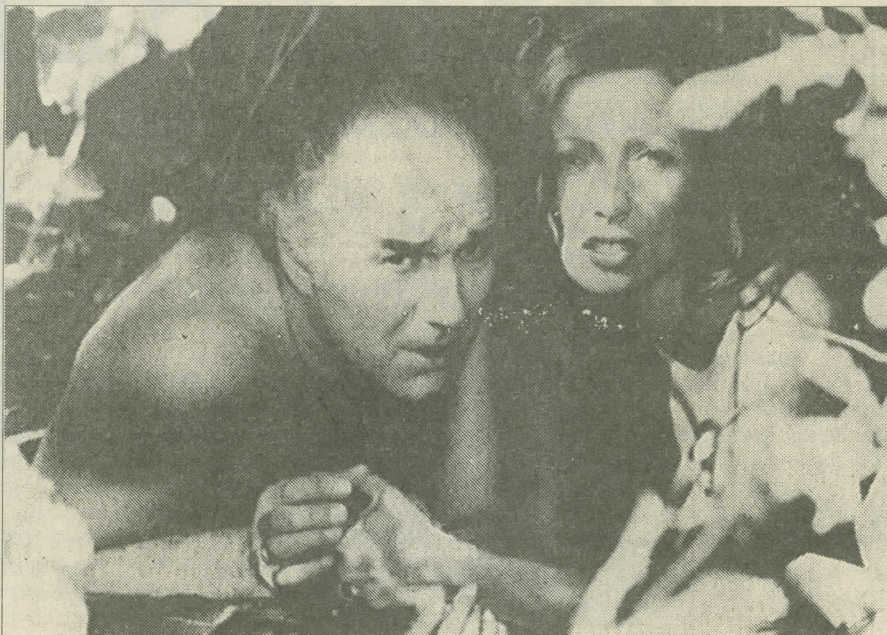
В преддверии большой бучи мне как-то туго думается об остальном. Хотя, например, я не могу не похвалить «Отныне и во веки веков» — картину замечательную, яркую и мощную. Первый, кажется, подобный сериал среди конфетного потока, мало чем отличающегося от эротического сериала «Марс»: «И то-о-олстый, то-о-олстый...» Потом, я не могу опять же не быть благодарен за Клода Шабреля, чья ретроспектива заставляет вспомнить умное и крутое кино семидесятых, когда в кино еще стоило ходить. Мне бесконечно приятно было посмотреть по «ТВ-6» ранние работы

Дорониной, которая сегодня... ах, опять я! И если бы дело ограничилось Дорониной — ведь лагерь ее растет и ширится, и канал «Северная Корона» хоть и томительно скучен, а по своему весьма убедителен, и ценности его заявлены недвусмысленно... Ах, нет, уйдемте в эстетику. Телевидение в последнее время тоже все пытается в нее уйти, шпигуя эфир фильмами, фильмами, фильмами... Индийское кино, французский «Выбор оружия» и «Таис» (Польша), родные «Осенний марафон» и «Ищите женщину»... Страшно заглядывать в бездну, страшно признаваться себе в том, что нас поневоле тянет под уютные знамена правых. И отвлекаемся.

Но под занавес нельзя не сказать о главной, несомненной, ярчайшей телеудаче. Если и была передача, новаторская по форме и абсолютно профессиональная по содержанию, — то это «Аниматека». Ее блестяще сделала Наталья Лукиных. Столь блестящего киноматериала я не видел давным-давно. И радуюсь. Потому что мне показали продукцию несравненного «Пилота» и нечеловечески смешной «анимафильм повышенной духовности» — «Болеро» Максима Иванова и Мориса Равеля, где первый вполне на уровне второго.

Я бы и дальше писал. Но по телевизору идет «Общественное мнение». Я от него ничего особенного не жду. Но семья хочет посмотреть. Семье мешает стук машинки. Так что до светлого будущего, господа. Общественное мнение превыше всего!

Кадр из фильма «Кровавая свадьба»

P.S. Дописываю от руки. 20% телезрителей поддерживает указ Руцкого о смертной казни за поддержку президента. Пишу по буквам: д-в-а-д-ц-а-т-ь. Ваше здоровье!..

P.P.S. 24 сентября В.Брагин снял с эфира очередной «Красный квадрат» А.Любимова. Любимов в свою очередь пообещал подать в суд на руководство «Останкино» и собрал в Доме журналистов многолюдную пресс-конференцию. Показанная тут же передача решительно опровергла любые претензии к ней. Никаких призывов «К оружию!» нет и близко. В.Зорькин, С.Филатов и А.Мигранян дискутируют вполне цивилизованно. Правда, Зорькин чуть поубедительнее Филатова, но это ведь не повод...

Как выяснилось, повод. В.Брагин совершил шаг, чудовищный по своей недальновидности и по своим последствиям. На пресс-конференции Любимова бывший шеф «Постфактума» Глеб Павловский прямо заявил, что грядет информационная диктатура (с этим и связан его уход от дэла). Почти все выступавшие «остан-

кинцы» подтвердили, что материалы «Новостей» «Останкина» тщательно отсматриваются и фактически цензурируются.

Я не знаю, какова собственная политическая позиция Любимова, он не афишировал ее, хотя, видимо, во многом солидарен с О.Румянцевым, тоже забежавшим в Домжур. И Любимов, и Румянцев почти в унисон высказались во время вечернего прямого эфира IV канала в тот самый день, 22 сентября, когда на первом канале «Общественное мнение» умоляло поверить: народ за Ельцина. Но не в позиции Любимова дело. А в том, что лишь IV канал продемонстрировал объективность.

Во всяком случае, судя по реакции собравшихся на пресс-конференцию, миграция прессы вправо идет полным ходом. Теперь это процесс уже не самопроизвольный, а прямо подогреваемый действиями ретивых демократов. В нишу «правых» вытесняют даже самых последовательных центристов западнической ориентации, каким выглядит Любимов. Трудно сомневаться, что на эволюции осталь-

ного «ВИДа» это скажется иначе. Позиция журналистского корпуса сегодня крайне уязвима: в том-то и трагедия, что, борясь за «объективность» эфира, мы рубим сук, на котором сидим. Правда правдой, но гарантий нашей свободы остается Ельцин. Вместе с тем он сам и его креатуры отнюдь не чужды авторитаризма. Выбор наш — по-прежнему между петлей и удавкой. Быть сегодня на стороне здравого смысла — нереально: здравый смысл не является реальной политической силой. Никакого третьего по-прежнему не дано. И те, кто были центристами, неизбежно примут одну из сторон — ибо в бурю, хочешь не хочешь, пристаешь к берегу.

Это будет берег правый.

Независимый дистрибьютор

HERBALIFE

продукты уникальной системы питания, косметика

НИЗКИЕ ЦЕНЫ

индивидуальный подбор компонентов

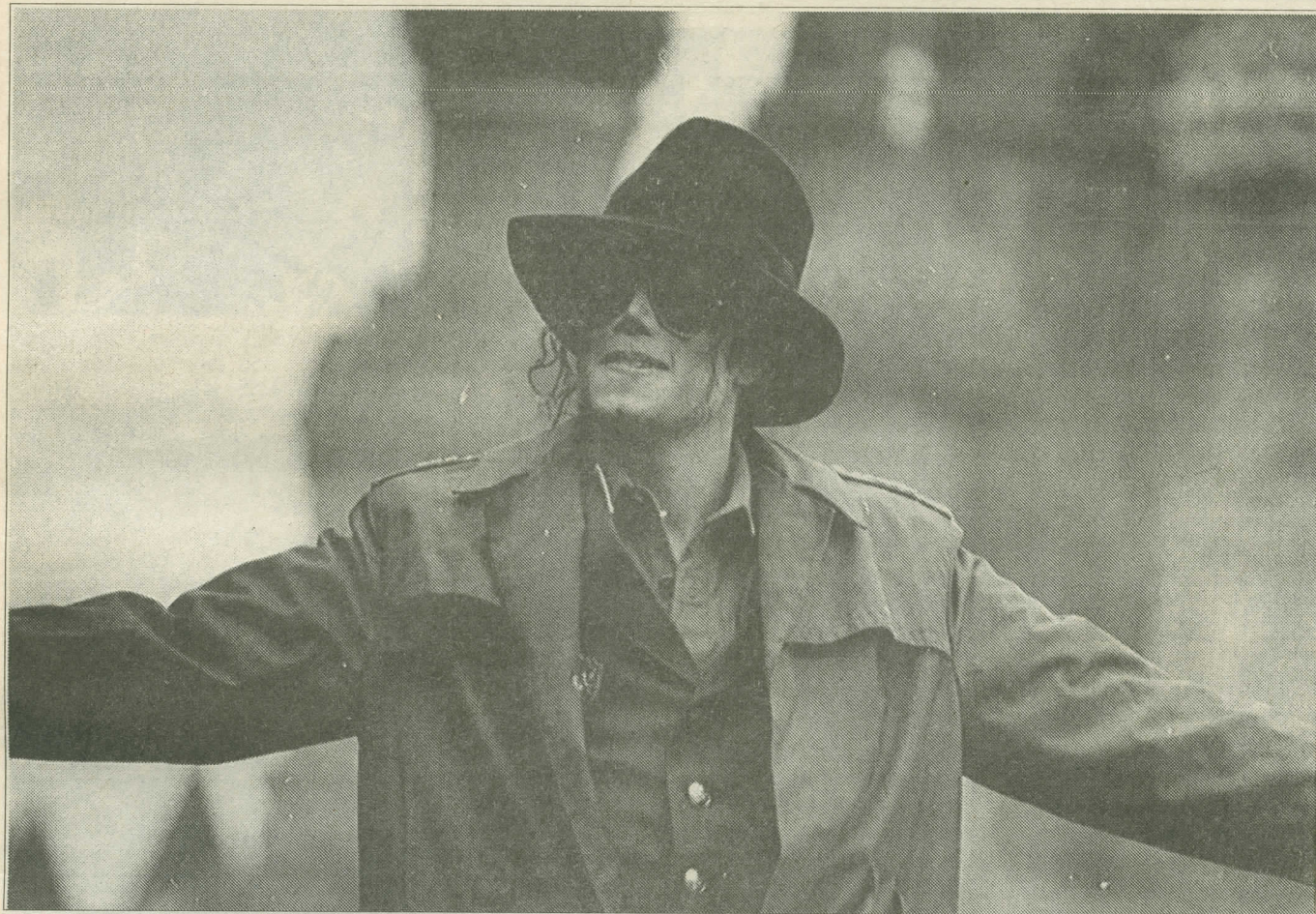
БЕСПЛАТНО — доставка

— наблюдение специалиста

151-84-52

с 9.00 до 23.00

(секретарь)

РЕВОЛЮЦИЯ С ЛИЦОМ ДЖЕКСОНА

Событие можно рассмотреть с нескольких точек зрения.

С одной стороны, оно достойно получить титул самого-самого аномального явления в краткой истории российского шоу-бизнеса. Когда уже улеглась суета вокруг загадочных намеков Стаса Намина о некоем контракте со «звездой» и стало ясно, что ничего-то опять нам тут не светит, вдруг откуда ни возьмись... Причем вряд ли можно было сыскать более дюжины тех оптимистов — врагов логики, кто был абсолютно уверен в реальности затеи. Даже в день и час концерта, когда влажность все возрастала, а чудо все не начиналось, милицейским рядам несколько раз давалась команда готовиться к «утешению» публики: видимо, сам Джексон коле-

бался до последней минуты.

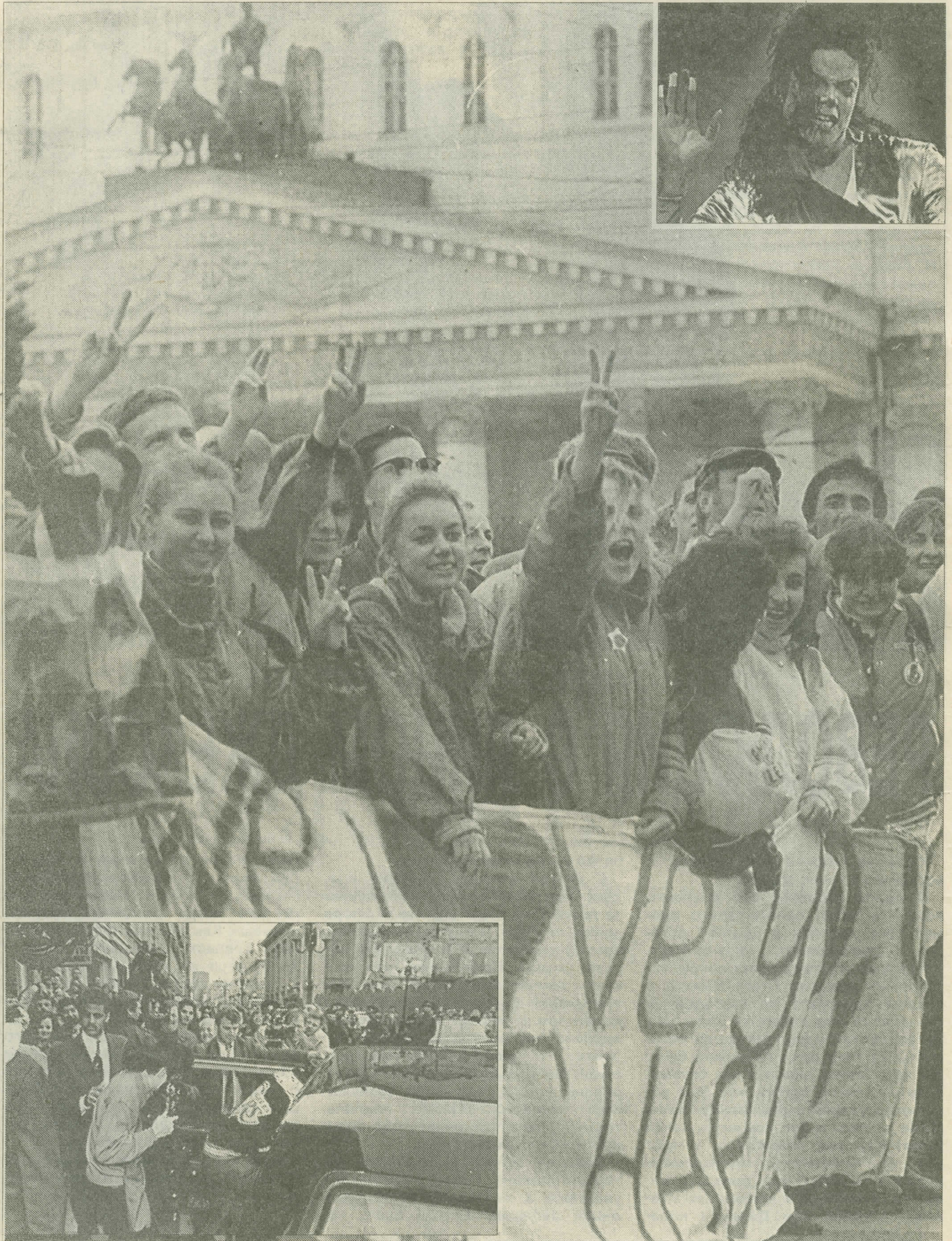
С другой стороны, событие следует признать самым интересным за последние годы опытом в сфере public relations, т.е. целенаправленного формирования в обществе образа фирмы. Припомните, кто еще сумел прочно запечатлеть свое имя в сознании большинства населения менее чем за месяц? Фирма «Десса» сделала это роскошно. Вполне вероятно, что после организации гастролей Майкла Джексона она и разорилась — тогда тем более заслуживает русского земного поклона: только у нас позволяють себе обанкротиться с такой помпой.

Событие может быть также интерпретировано как эффектная увертюра к поэтапной конституционной реформе. Спустя всего не-

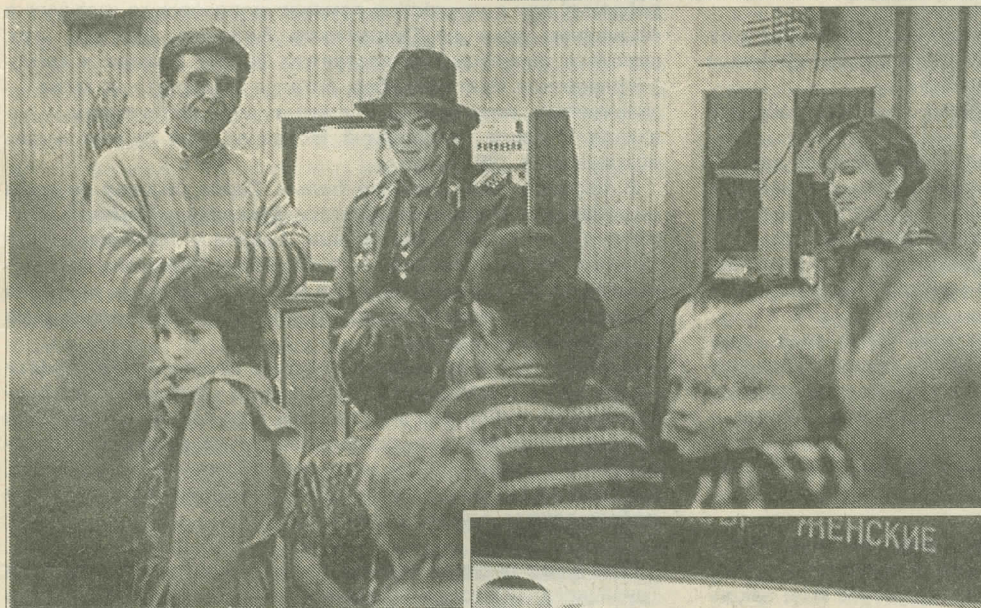
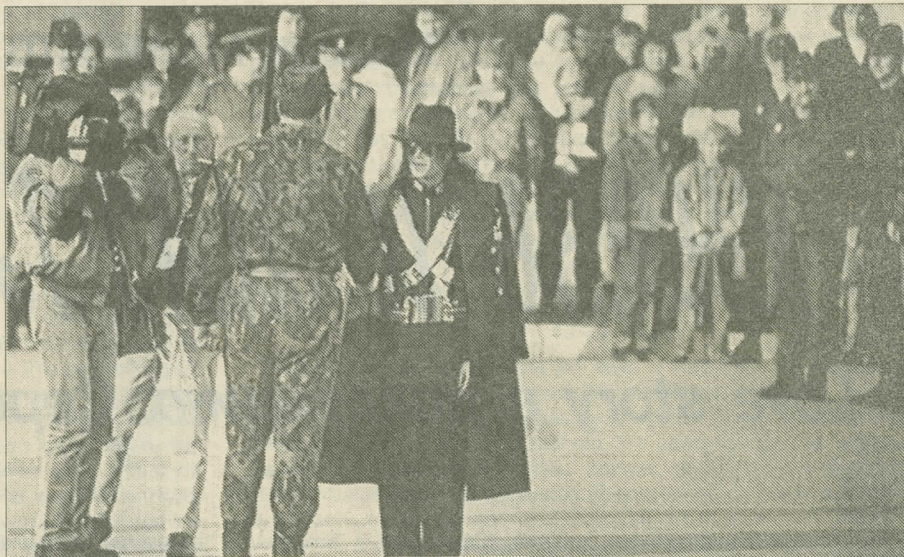
делю после исполнения в мокрых Лужниках иронико-мистической песенки «Thriller» новооборонцам «Белого дома» раздавали «калашниковы». Как должен теперь корить себя солист Верховного Совета Хасбулатов за халатное отношение к редкому гостю. Почему не встретился как собирался? А вдруг все повернулось бы иначе?

И получилось-то до обидного похоже на издевательские стихи про мистера Твистера. Негр нежится в «Англетере» («Метрополе»), а бывший «министр» (спикер) хиреет без элементарных удобств. Словом, революция с лицом Джексона.

Ну и, в конце концов, отчего бы не взглянуть на событие в чистом виде?

Майкл «побратался» с российскими войсками — в поселке с удивительным названием Мос-рентген, что за Теплым Станом, — помаршировал на плацу. Кортёж стремглав летел в направлении Измайлова. Проехав почти пол-Москвы, машины вдруг развернулись и поехали обратно: вот она, непредсказуемость кумира. В школу-интернат №19, куда поначалу направлялся кортеж, Джексон захотел поехать лишь в семь часов вечера. Пока же Майкл двигался в детский дом №7 у метро «Профсоюзная». Г-н Джексон прибыл в наилучшем расположении духа, а «парадка» наших погранвойск, наде-тая впервые, придавала ему неизъяс-

часы. На этом последний день дружественного визита дорогого гостя в город-герой Москву завершился.

**Алексей БЕЛЯКОВ,
Олег ДУЛЕНИН**

Фото Ю. Феклистова

нимый шарм. Наедине с довольно-таки болезненного вида детьми, без security и без представителя «Пepsi-Колы», Майкл не без удовольствия позировал нашим фотокорам. Дети просто обезумели от несказанного счастья видеть Его и задавать много раз отрепетированный вопрос: «How are you, Michael?» Король, естественно, отвечал: «I'm O'K!»

В школе-интернате №19 Джексона подарили любовно расшитую детьми подушечку. После чего король очень интеллигентно попросил, чтобы детишки ему чего-нибудь спели. Кто-то затянул «Санту-Лючию», но Майкл почему-то не узнал песню, подумал, что это русская народная.

Покидая «Метрополь», король остановился на несколько минут у антикварного киоска гостиницы и попросил продать ему черный «parket» за 250 «баксов» и — за 30 — командирские

Николай МАЛИНИН

КНЯЗЬ И МАРГАРИТА

Love story в декорациях Серебряного века

Есть такое расхожее мнение: Серебряный век был одухотворен любовью к женщине.

Поэты пели стан, шелками схваченный, философы толковали об «ewige Weibliche», архитекторы вычерчивали свои дома по лекалам платьев Сары Бернар.

Но если отвлечься от запечатленных на бумаге образов — редкая женщина была счастлива!

Вспомните, как терзали своих жен Бунин и Белый, как мучились в браках Люба Блок и Маргарита Сабашникова, как Чехов не давал выйти замуж сестре... Стреляются Надежда Львова, Ольга Грибова, Нина Петровская открывает газ.

В каждом мужчине сидел Тригорин: отлюбить, отпылать — и скорее к столу: обращать свое чувство в жгучую прозу, страстные стихи, трепещущие холсты.

Философы же пеклись о добродетели. «Одно знай, крепко, крепко я тебя люблю, — писал один из них своей возлюбленной, — но это чувство никогда не должно сталкиваться с любовью к правде. Как бы ты ни была для меня дорога, — правда все-таки еще дороже»¹.

Когда они познакомились, ему было 42. Ей — на десять лет меньше. Шел 1905 год...

Маргарита Морозова не была особенно красива. Высокая, полная, даже дородная; настоящая купеческая дочь. Серов долго бился над ее портретом, но так его и не закончил. Впрочем, вождь русских кадетов и ее поклонник, Павел Миллюков, был иного мнения: «Почему я люблю Ваше лицо? Ведь не потому что оно — абсолютный образец красоты. Я люблю не одну его красоту, но и его недостатки; и может быть даже недостатки в нем люблю больше его красоты...»

Была ли она умна? В каком-то ее письме мелькнуло забавное: «Думаю начать с моего милого Канта». Тут же: «Философия всегда была моей спасительницей и убежищем в трудные минуты». Андрей Белый на сей счет хихикал: «...в ней Ницше, Кант, Скрябин, Владимир Соловьев встречались в нелепейших сочетаниях»; но что за глупость мерять женский ум философскими знаниями?

Впрочем, она сама давала повод — устраивая у себя дома заседания Религиозно-философского общества памяти Владимира Соловьева (Бердяев, Булгаков, Флоренский, Франк, Эрн...). «В Москве в свое время, — вспоминал участник собраний Федор Степун, — шли споры о серьезности духовных исканий Маргариты Кирилловны, о ее уме и том, понимает ли она сложные прения за своим зеленым столом. Допускаю, что она не все понимала (без специальной философской подготовки и умнейшему человеку нельзя было понять доклад Яковенко «Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще»), но уверен, что она понимала всех».

Последняя фраза волшебна; едва ли можно сделать

женщине большой комплимент. Действительно, весь Серебряный век с нежностью поминал морозовскую гостиную в роскошном доме на Смоленском бульваре. Дом же этот, вместе с ренуаровским портретом Жанны Самари и тулузлотрековской Иветт Гильбер, остался Маргарите от мужа — знаменитого московского коллекционера, фабриканта и писателя Михаила Абрамовича Морозова, чья бурная жизнь оборвалась в 1903 году.

В Морозову был влюблен Белый, Серов рисовал ее сына — «обаяшку» Мику. Она помогала Дягилеву и Врубелю, дружила с Ермоловой и Метнерами, бывала у Толстого и Третьякова. Музыка училась — у Скрябина, помогала ему денежкой. «Удивительная по уму и вкусу женщина, — улыбался Розанов, — не просто «бросает деньги», а одушевлена и во всем принимает участие».

В пятом году в ее салоне закипели политические страсти («едва ли не с приподыманием в воздух стульев» — вспоминал Белый), тут-то она и встретила его... Ох, не самое было лучшее время заводить романы. Но так уж вышло, что определена эта любовь была историей, ею же — и ограничена. А еще точнее — историей русской революции. Революция эту любовь зажгла, она же и спалила.

Пятый год оборвал мирное течение жизни князя Евгения Трубецкого. Потомок Гедиминовичей, философ, автор академических трудов по праву, обожаемый студентами преподаватель, он потерял в этом году брата Сергея. Первый выборный ректор Московского университета, тот отправился в Петербург хлопотать за арестованных студентов и «с разорванным сердцем упал на «министерском» собрании». Не мог оставаться в стороне от политики и младший брат.

Граф Витте предлагает ему пост министра народного просвещения (потом разочарованно вздыхает: «Это чистый... настоящий русский человек... но наивный администратор и политик. Совершенный Гамлет русской революции»). Кадеты прочат Евгения Николаевича в обер-прокуроры Священного Синода, делегируют его в Кабинет общественных деятелей, но все это противно князю своей узколобой партийностью — и тогда он, в практической политике действительно наивный, но человек страстный и патриот, организует партию мирного обновления. Органом партии станет журнал «Московский Еженедельник», первый номер коего выйдет накануне выборов в первую Думу, а деньги на его издание даст Маргарита Морозова...

«...Не шутя, я думаю что я пожалуй осталась бы довольна только если бы заговорила стихами Гете или Пушкина о том как я тебя люблю, как благодарю, как поклоняюсь тебе или заиграла бы созвучиями Бетховена! Я знаю, что только та-

кие слова или звуки могли бы может быть показать то, что я чувствую! Но может быть и это нельзя, а только можно замолчать, глубоко, глубоко вздохнуть и взглянуть в твои глаза!

«Как бы мне хотелось с тобой пожить долго, долго, тихо и светло, чтобы ты работал а я... меня бы не было, а было бы одно обожание к тебе, светик мой ясный! Я бы смотрела на тебя, не спуская глаз и угадывала каждое движение твоей души, твоей мысли и вся была бы одно стремление сделать то, что ты хочешь!»

«...Не верь разлуке, а смотри на небо и слушай, что тебе поет — твой жаворонок. ...Он поет про истинную твердь, что не земля есть твердь, хотя она нам кажется твердью, а что твердь есть лазурь, синева, солнечный свет, словом все то что нам кажется нетвердым, призрачным, и что не небо держится землей, а земля — небом. Он видит мир в опрокинутом виде, но в этом он — прав. Наш мир — только негатив истинного мира; чтобы видеть позитив надо опрокинуть негатив. Поняла или не поняла? Не заключаю из сего, что я усвою себе привычку стоять вверх ногами. Но ходить на голове я от времени до времени буду от восторга, когда буду тебя видеть. И право же, человек, ходящий на голове более нормален, чем стоящий на ногах; последний представляет мир, как он есть, а первый — мир как он должен быть.»

«Боже мой, ты кажется, сделала из меня декадента! Все от того, что научила ходить на голове! Но это — от восторга! Вот что делает красота! Со временем она опрокинет мир, потому что сделает небо его основанием. Но уже теперь красота опрокинула что-то во мне, поставила все вверх дном в моей душе.»

«Кто тебе позволил делать в моей душе такой беспорядок?»

Летом наши герои разъезжались по своим имениям: он в Бегичево, она в Михайловское. Князь был настоящим русским помещиком, обожал копаться в земле, вводил безнавозное хозяйство; она возилась со своими детьми, а для чужих строила школу. Часто ездили в Крым, на воды, за границу Байреит, Нейнарт, Биарриц...) — и каждое расставанье переживали как последнее: «Боже мой, — вздыхает князь, — как сразу стало пусто, грустно, уныло в Москве после твоего отъезда. ...Боже мой, какая неправда пространство, нас разделяющее! Пойми ты какая это ложь, когда в думе так близко, а верстами так далеко. И вот доказательство, что мир во зле лежит: в нормальном, должном, будущем мире — что близко душе, то и пространственно непосредственно близко. Вся громада расстояния происходит оттого, что материя непроницаема; нужно преодолеть ее сопротивление, чтобы доехать до того, что мило и дорого и подвергаться для этого бессмысленной тряске в вагоне. И вся непроницаемость оттого, что мир — распавшееся, покинутое-душой тело.»

«...Журнал вышел 227 раз, и каждый номер бил в одну точку: у России есть единственный путь — путь реформ. Революция губительна, надо строить правовое государство. «Обновление России, — догадывается князь, — должно быть ее очеловечиванием.»

В 1910 году журнал закрылся, но тут же Трубецкой и Морозова основали книгоиздательство «Путь». Они напечатают кучу великолепных книжек: «Философию свободы» Бердяева, «Столп...» Флоренского, «Два града» Булгакова, двухтомник Чаадаева, труды Фихте, Сквороды, Киреевского... А пока в декабре 13-го князь довольно подводит первые итоги: «...в твоём милом «Пути» собралось все, что есть теперь наиболее значительного в русской религиозной мысли. И кроме того что есть ты можешь радоваться еще и тому, что многого нет, напр. Иванова, Мережж(овского), Философова. Не пускай их, душа моя: все названное мною так хорошо **своею чистотой**».

Современным исследователям противостояния Питера и

Москвы, «Пути» и «Логоса» кажутся раундами гладиаторов... Но едва ли милейшие бородатые философы так уж ненавидели друг друга — и в этом есть заслуга Маргариты: «Будучи совершенно беспомощна в умении разобраться в течениях мысли, искусства, науки, общественности, — распинался на старости лет Белый, — Морозова обладала огромным умением мирить и приучать друг к другу вне ее салона непримиримых и неприручимых людей». Ту же роль мирительницы и сводительницы играла Маргарита в издательстве; князь писал: «...я занят исключительно «Путем» и ничем другим, т.е. в конце концов — тобою, потому что настоящая собирательница «Пути» — именно ты, а двигательница твоя — любовь ко мне...»

Маргарита быстро вошла во вкус и вот уже на каком-то собрании она громит Булгакова, защищая Фихте! Князь смеется: «Спасибо тебе душа моя милая и понимаю, что в лице Фихте, которого я люблю ты заступалась за меня». Дальше — больше, мужчины ворчат, а Маргарита бушует: «Две страницы из написанного Булгаковым — были вычеркнуты мной, по моему настоянию исключительно!»

Нет, это потрясающая женщина! Пылкая, экспансивная, страстная — такую она была во всем. В 1915-м она будет всю ночь плакать от радости за русский флот, в 1917-м бросится на колени перед генералом Корниловым, видя в нем спасителя России; но больше всего достается возлюбленному: «...ты часто прерываешь и отрезвляешь мой волшебный мир и моего ангела Женичку хочешь превратить в обыкновенного человека... но тебе это не удастся!»

Князь бесил ее своей флегматичностью, раздумчивостью, мерностью... «Ничего нет тягостней такой совершенной правильности и отсутствия искания и движения и такого полного убеждения, что сегодня будет наверно точно тоже что завтра и никогда ничего нового не возникнет! Удивляюсь на тебя и к моему большому горю уверена, что это однообразие и отсутствие борьбы и такой вечный средний комфорт погасили в тебе очень много стремлений! Теплота опасней огня и порока! Я зла на все это!»

На что же на «это» так гневалась Маргарита? Увы, мы не раскрыли всех карт. Была в этой истории проблема — банальная, годящаяся в анекдоты. Князь был женат. Были дети. И больше тут сказать нечего.

Поначалу Маргарита симпатизировала жене князя — Верочке Щербатовой. «Молилась за Вас и за В.А., — писала она в 1909 году, еще на «Вы». — Как я счастлива, что Вы с ней, что она счастлива и покойна! Это необходимо! Без этого и я не могу быть счастлива!»

Но уже через год настроение Маргариты изменилось: «...одно меня главным образом утешает, что В.А. всегда была и есть с тобой и ей предоставлено все, чтобы тебя свободно завоевать, а этого не происходит. Ведь нельзя же одним законом или жалостью завоевать душу! То, что она действительно завоевала, т.е. твою **дружбу-любовь**, твою преданность, Ваше семейное начало — то и есть! А твою настоящую, страстную любовь — об этом я буду спорить и не уступлю! Хотя бы ценой жизни — но буду воевать и не уступлю!»

Наивно было бы судить княгиню из нашего сегодня; да и как, если сын, например, воспевает ее за то самое, за что кляла Маргарита? — «...ей (маме. — **Н.М.**) легко удавалось скрыть от него (отца. — **Н.М.**), сколько скучных и тяжелых забот и хлопот она принимала на себя одну, чтобы дать ему возможность «витать в эмпиреях». ...Мама незаметно создавала **земные условия для надземного парения Папа**».

Вот какие диалоги ведут наши влюбленные в письмах:

— Никогда нельзя себя заставить двадцать семь лет просидеть с кем-нибудь. Удивляюсь, как ты не умер со скуки и как не забунтовал.

— Ах моя дорогая, какая радость, когда можно любить и

не быть жестоким ни к кому и какое горе, когда самое сильное и радостное твое чувство становится жестокостью по отношению к другому и такому доброму существу.

— Не могу себе представить, что можно ее любить больше меня. Это все равно, как если бы я любила не тебя, а Льва Мих(айловича)² или Григ(ория) Алекс(еевича)³!

— Светло только с тобой, но Боже мой, не могу я ее убивать.

— Ты даже не имеешь характера заставить, чтобы тебя не спрашивали где ты бываешь, а для того, чтобы ее разувить бегаешь по визитам. Больно и обидно!

— Я вовсе не считаю брак высшею, а всего лишь одною из **средних** ступеней. Но тот, кто спустился грехом ниже «брака честного», тот, пока он остается при своем грехе, не может в то же время подняться выше брака.

А еще раньше, в январе 1909-го, он писал: «Помните, я могу быть для Вас источником добра только до тех пор, пока я остаюсь верен моим святыням».

Про какие же святыни толковал князь? Едва ли дело было в светских приличиях, сохранении формальной верности или каких других внешних причинах. Это было в нем: в политике, и в науке, и в искусстве князь знал два мира — дольний и горний. Один здешний, пошлый, неизбежный. Другой — к которому он всю жизнь стремился, находил его в иконе, искал его в революции, мечтал о нем в любви... Считать ли его ненависть к здешнему миру черствостью; догматизмом, тупостью (как полагал Белый)? Или наоборот: романтизмом, максимализмом?

Да, можно сказать по-разному. Можно презрительно процедить: «правильный слишком», можно уважительно — «потрясающе совестливый»... «Двадцатитысячный раз повторяю, что я люблю тебя безумно и нежно. Что сильнее и что ласковее этого я могу тебе сказать? Но было бы и неоткровенно и прямо неправдиво, если бы я тебе сказал, что я это чувство одобряю. Совесть моя самым решительным образом его осуждает, как гибельное для нас обоих... и вот уже три года как я молю Бога, чтобы Он помог нам обоим от него освободиться

и привести нашу жизнь в согласие с правдой, как бы горька и тяжела она ни была».

Правда... Господи, да есть ли еще на земле какая правда, кроме правды любви? Но и в сердечных делах князь мучительно раздваивался: «...у меня не одна, а целых две любви к тебе! Есть страсть, мучительная до боли. Но и эта — не настоящая, т.е. не высшая моя любовь. Есть другая бесконечно выше и глубже. И обе эти любви к тебе во мне борются. ...именно та первая низшая любовь-страсть мешает полному осуществлению первой — высшей любви. Она совершает грех, которым волей неволей остается за порогом храма. Она соединяет нас призрачно здесь, но разлучает в Христе и в воскресении».

...Кто не испытал этой муки, борьбы всего очарования и страсти жизни против этого властного голоса сверху — тот все равно меня не поймет и не поверит и будет думать как ты, что «значит, нет любви» или что я заморозил в себе чувство «рассуждениями». Душа моя, какие тут «рассуждения»? Разве я придумал этот надрыв, это раздвоение, которое меня так жестоко мучит...»

В тягостном водовороте собственных сомнений князь, конечно, преувеличивал простоту и одномерность Маргаритино сердца; оно страдало не меньше. «Целые дни меня дуют слезы и отчаяние! Не знаю вообще, что делать, как жить дальше, чему верить? Я всегда жила раздвоенной жизнью! В глубине я всегда страдала, моя душа томилась всегда каким-то чувством греховности, чувством, что вся моя жизнь от первой минуты сознания не та, что она темная... С другой стороны какими-то мне Богом данными крыльями, какой-то волей, чтобы быть чему-то светлому и прекрасному, побеждалось в моей душе это чувство темности, греха и подавленности».

...Наконец, самое жгучее, самое близкое и самое страшное — это ты, моя радость, моя жизнь и мое горе! Опять **грех**, опять **неправда**, опять **не мое**».

Опять: «правда», «неправда»... Но разве не был прав любимый обоими Григорий Сковорода, говоря, что жизнь в согласии с собственной природой и есть жизнь по воле Божьей, ибо Бог есть природа? Ах, князь так это прекрасно понимает: «Но не хочу над тобой и насилия производить и твою душу ломать. Ищи выхода, дорогая моя, но только ищи непременно и деятельно. Но, дорогая моя, Бога ради не требуй, чтобы я был иной, чем я есть. Ведь и над моей душой нельзя делать насилия. Ах дорогая моя, ты же знаешь, как сильно во мне желание правды. Неужели ты хочешь, чтобы оно ослабело и поколебалось? Разве ты не чувствуешь, что именно оно — то, чем я и для тебя дорог?»

Чувствовала, все чувствовала... «Завоспитываешь меня до смерти, — злилась. — Ужасно тебе хочется, чтобы я высохла и превратилась в «Лизиньку» или вообще в твой вкус. К сожалению — это никак не возможно! Все делать по-твоему я буду, моя радость и прелесть, но чувствовать и быть другой — я не могу!»

Почему же князь хотел, чтоб Маргарита стала другой, почему считал эту любовь грешной? Не потому ведь, что изменял жене; их брак, хотя и был **освящен** тридцать лет назад, **света** не сохранил... Что же он имеет в виду, когда пишет: «...для тебя — «любовь» — единственный критерий; для меня же — нет». Маргарита догадывается — что, и сама произносит искомые слова: «...я виновата перед Ним, что слишком люблю тебя. Нельзя так любить человека, это — грех!» А через месяц — снова сомневается: «...кого же, наконец, я люблю больше: тебя или Бога?»

...Картинка дрожит и переливается, медленно — как шар в луче света — поворачиваясь то так, то эдак. Порой Маргарита предстает мне воплощением земной, чувственной любви, а князь — эдаким мечтательным романтиком, витающим в эмпиреях, томящимся недостижимым идеалом. Потом изображение крениится, свет падает иначе — и вот уже Мар-

гарита парит где-то в возвышенном со своею мечтою о подвиге, любви и полете; а князь «обывателем» копошится на своем огороде, скупаемый добродетелью и сохранением образа православного философа...

«...я чувствую Бога сильнее и глубже, поскольку я реально переживаю его здесь, и в будничной даже жизни. Это у меня сливается. Но я уверена, что это так и должно. А ты уж очень разделяешь два мира...

...я чувствую, что жизнь в жизни для меня сильнее, чем жизнь в Боге, что мне еще слишком нужна жизни! ...Сердись, брани меня, только не будь стар, солиден, папá, почтенный человек нравственный!»

Что говорить, порой он был ужасно несолиден! «Возмущаюсь, когда вижу, что мужики проложили колесную дорогу через мою рожь. ...И странное дело меня это одновременно и бесит и успокаивает; бесит как человека с европейской культурой и вдобавок — помещика, а успокаивает, потому что ужасно много в моей душе непобежденного, инстинктивного сочувствия к этому хулиганству.

Всякий русский — в душе хулиган. Будь я сейчас в Швейцарии, я наверное сердился бы, что лугов топтать не дозволяется и что надо итти по дорожке под угрозой штрафа».

Но когда дело доходило до «принципов», Трубецкой был неумолим... Конечно, Маргарита понимала князя. И она порой писала ему такие же горестные письма: «...мне всегда невообразимо грустно и больно сознавать насколько жизнь нас разделяет, насколько настоящее, светлое, истинное счастье для меня никогда невозможно, что нужно нести вечный крест, что надо преодолевать свое личное. Настоящая радость в Боге может быть у нас действительно в победе над собой, в торжестве над силой страсти, в том, чтобы она не застилала собой лучей света Божьего...» Но...

Такие мысли приходили ей раз в год — накануне Пасхи. А потом она снова превращалась в страстную влюбленную: «Зачем не благодарить жизнь, зачем не сознавать себя человеком, может быть и греховным? — Это слабость, неблагодарность и главное, **неправда**».

Не получившая толком никакого образования, вынесшая всю свою мудрость из одного лишь общения с людьми (но какими людьми!), Маргарита порою кажется мне мудрее распределенного князя, одного из умнейших и ученнейших людей своего времени. Ну, может быть, не мудрее — как-то гармоничнее, естественнее, или, как говорят, умом подвижнее... «Что ты меня мучишь и терзаешь — это правда, — жалуется она, — ты это знаешь, но ведь и я мучу тебя! Ведь мы признаем нашу борьбу и каждый верит в то, что защищает. Мы признаем, что каждому из нас нужна та противоположность, которую представляет другой». И еще: «...я во всем этом особенно ярко вижу, как твоей работе и тебе нужно — **мое**. Не я, я не о себе лично говорю, а **мое**, das ewige Weibliche! Но и мне также твое нужно! Прав Соловьев, что только оба начала в соединении дают цельного человека».

Но увы... Маргарита очень точно чувствовала, что, «обращаясь к Богу», князь «отворачивается» от нее. «Я проснулся ночью с ощущением точно свинца в груди, — писал тот, — и потом уже не мог спать, — до утра плакал о тебе и о себе. Все вспоминалась твоя фраза: «Мне не нужно бессмертия, лишь бы был Женичка»; ...Ты помнишь, это бывало не раз, стоя на коленях перед образом, который я тебе подарил и лоя на себе пламенный взгляд я поворачивал рукой к Нему твою милую головку и говорил тебе — «смотри на Него, а не на меня». Вот отчего эта тяжесть в груди, с которой я проснулся — мне все казалось, что ты смотришь только на меня и говоришь мне: «Он мне не нужен, мне нужен только Женичка!» Как это по-человечески, как это по-женски, как я понимаю, как я сильно чувствую это движение!

Но когда я его чувствую, еще сильнее поднимается в душе другая волна и сердце разрывается пополам. «Ведь я ее люблю, а спасение ее только в Нем, — а я Его заслоняю от

нее, я ее же этим гублю, тем, что из-за меня она все, все забывает!»

Конечно, беспокоился князь не только за нее. Еще и за свою репутацию. Ведь правда: религиозный философ, проповедующий аскетизм и смирение, христианин, призывающий политиков не забывать о нравственности, любящий отец — и тут вдруг такое. Приходилось конспирировать, таиться от детей и прислуги... Впрочем, это пошлый взгляд обывателя. Не в репутации дело. Князь беспокоился скорее за свою работу — за свое право думать о Нем, соприкоснуться с Ним; в этом была вся его жизнь, этим-то он и остался в истории Серебряного века — а не трогательной своею «связью»...

«Душа моя, с самого моего обращения я философски рос под впечатлением, что мне в душу и совесть глядит всевидящее и светлое мировое око, насквозь меня пронзающее. Чтобы думать и писать о нем в светлом духовном подъеме, — более того, **чтобы выдерживать этот взгляд**, нужна всего больше душ(евная) чистота...

...Ах дорогая моя, милая, хотим мы или не хотим, — эта радость рано или поздно разобьется вдребезги; как скоро это случится, — страшно даже подумать: как мало осталось жить! Как бы хотелось той радости, которая никогда, никогда не отнимется ни у меня ни у тебя.

Душа моя, — к этой радости тесны врата и узок путь: неужели же у нас с тобой никогда, никогда не хватит сил пойти ими?»

Бедная, прекрасная Маргарита, каково-то ей было слушать эти проповеди? Князь знал, что мучит, но и он ничего не мог с собой поделать: «...я избегаю мучить тебя нескончаемым повторением одного и того же — той **тоски**, которую ты знаешь и той мечты, которую ты тоже знаешь, но, боюсь, не понимаешь в достаточной мере — о **полном** и совершенном целомудрии.

Это — разумеется — не отказ от кого-либо одного или одной, а совершенный и **полный** отказ от всякого естест-

венного соединения полов. Думаю, что это — не «бесполое рационализм», а наоборот — просветление и просвещение пола и возведение его на высшую ступень. Думаешь ли ты, что Магдалина была бесполое существо? Я думаю, наоборот, т.к. в свое служение Богу она внесла ту горячность и страстность сердца, которая бесполом существам не доступна».

«Возможно ли так искренно презирать все живое, цветущее, полнокровное? Возможно ли так панически бояться греха, неоднозначия жизни, какого-то иного опыта? Гоголь, правда, тоже писал, что есть «кое-что», в чем «электричества» больше, чем в женщинах; но у бедняги на то были физические причины... Страсть к делению рода человеческого на «два» видна в каждой работе Трубецкого; в одном месте он, правда, оговаривается: есть, мол, еще и третий тип — «тот преобладающий в человечестве средний, пограничный тип, которому одинаково чужда и небесная глубина и сатанинская бездна»; но почему не допустить, что есть и четвертый тип — которому равно не чужда ни бездна, ни глубина?»

Смешно: проповедуя целомудрие, князь советует этой измученной, пылающей душе... почитать Флоренского! («Столп...» так понравился Трубецкому, что он читал о нем доклад; но не приоткрывает ли некоей завесы Михаил Нестеров, описывая атмосферу того заседания в письме Розанову?

«Докладчик и оппоненты его ушли по уши в ученейшую эквилибристику, схоластику и всякую «сугубую алиллую».

Этого ли ради батюшка Флоренский прошел такой интересный путь мыслей и чувств?

О непогрешимый русский интеллигент, как мало он любит живую душу, в науке ли она, в искусствах ли, в разуме или в чувствах. Во всем, во всем он сумеет омертвить и потушить искру жизни...»)

Порой князь находил, что Маргарита «исправилась»... «Сколько раз мне мучительно казалось, что ты от меня совсем уходишь, и тебе — тоже. А теперь этого не кажется, отчего? Оттого что все сказано до дна, — ты вошла в мою муку, стало быть, оба мы поднялись над самым нашим чувством и поднялись любовью к чему-то много высшему.

Дорогая моя, не пугайся этого слова «подняться над чувством»: это не значит — подняться над любовью. Сколько раз я говорил тебе, да и написал в моем «Соловьеве»⁴, что любовь — не есть чувство: она **больше этого**; любовь человека — это **все его жизненное стремление**, стало быть, источник всех его чувств и мыслей, а не какое-либо чувство или мысль».

«Они заходили с разных флангов: Трубецкой и Фрейд. Если последний сознательно обуживал великий и могучий Эрос до скромного инстинкта (но зато потом с полным правом слышал всюду зов либидо); то первый доверился этому всеобъемлющему, полнокровному Влечению, понял, что нужно не **искать**, нужно **видеть**: если каждым жестом человека руководит Любовь — какой смысл подглядывать в заможную скважину?»

Но удивительным образом эта чистая и величественная концепция рушится, наталкиваясь на страстное чувство «непросвещенной» женщины... Печально видеть, как князь ищет каких-то уловок, оговорок — дабы остудить Маргаритин пыл, а она... «Все время я не живу, я страдаю, я с ума схожу, я в полном отчаянии и вот что же? Я вижу, что ты не понимаешь, не видишь, не знаешь как я тебя люблю, как я тебя обожаю! Ты не видишь, не понимаешь, что я без тебя жить не могу!.. Ты не видишь, не знаешь моих мучений, ты не видишь бессонных ночей, тоски, отчаяния, полной потери всякого равновесия! ...Я все сделала, чтобы радовать тебя, поддерживать в разлуке, работала над собой, чтобы не показывать тебе всей моей тоски, всего моего отчаяния! Работала, старалась устраивать собрания, говорила с людьми

на всякие объективные темы, читала Евангелие, молилась, от всей души хотела жизнь отдать, чтобы победить свое личное чувство... а ты даже не ценишь моей любви, это неправда по-твоему спасти свою жизнь ценой других, а за что же мою жизнь губить, спасая свое спокойствие!»

Пожалуй, учитель и ближайший друг Трубецкого Владимир Соловьев больше бы подошел Маргарите в любовники: в его «эротическом романтизме» не было ни грани ханжески-обывательского презрения к половой любви; наоборот, он придавал ей громадное значение как «неизбежному и постоянному условию, при котором только человек может действительно быть в истине»; он не разделял слишком мир на плохой и хороший, естественный и неестественный — мудро полагая, что Единое одухотворяет все, в том числе и секс. А князь... недаром же Лосев постоянно попрекает его «рационализмом» и «здравым смыслом!»

Маргарита покушалась не только на его репутацию и на его право толковать о возвышенном; она разрушала саму его концепцию — такую стройную, благородную... И сколько же — господи! — надо было иметь чистоты, наивности и веры, чтобы отказывать женщине на сугубо идейной основе!

Порой мне кажется, что князь любил какую-то другую женщину; воображал себе некую «Маргариту» и к ней «пламенел»... Ведь та, настоящая, была — по сути своей женской — ближе как раз тем презираемым князем петербуржцам: Мережковским, Ивановым...

Может быть, он тяготился ее любовью? Может быть, ее было слишком много — для немолодого уже человека, озабоченного семьей, хозяйством, судьбой России, философией иконы и созданием русской теории познания?

Но откуда же тогда вся эта трогательность и нежность, все эти замечательные сантименты? «Гармося, моя милая, твой сморчок весьма и весьма скучает...» («Гармося» — это от домашнего «Маргоша»: Маргоша — Гармося — Гармося; его же она величает то «гербарием», то «олимпийцем неисправимым» — ежели сердится; в иных ситуациях — «Лознгрином» и «солнечным всадником».)

«...Как она мешала ему работать — даже на расстоянии! «Пишу про «коперниково» открытие; а сам вижу Канта и Вагнера рядом с Маргошей и Лелей⁵, слушаю умом кипенье милого самоварчика на спирту, вижу персики и виноград, которых мне есть нельзя и милую, милую рожу, которую поцеловать тоже как будто нельзя...»

Но и помогала как! Если как следует вчитаться в их переписку, видишь, что все самые главные работы князя написаны в споре с «Гармосей». Например, в брошюре о русской иконе он пишет: «От земной любви требуется величайшая из жертв: она должна сама себя принести в жертву». В другой работе: «...радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком... но к этой радости человек должен быть подготовлен подвигом...»

Приближалась война. Россия шипела и шкворчала, как яичница на сковородке. Не раз Маргарита зовет князя из его калужского уединения в Москву: «Неужели может наполниться твоя жизнь тем образом жизни, который ты ведешь сейчас? Кабинет, отшельничество от жизни, когда Россия кипит и страдает? Неужели это действительность христианства?»

Князь огорченно соглашается: «Вообще хорошо ли, что я все «читаю лекции» о том, как **другие** жертвуют собой. А сам-то я что же делаю и чем жертвую? Пустяками, делаю приятное себе, потому что наслаждаюсь и творчеством и передачей этого творчества другим. **А другие идут на Голгофу**. Вот, что нужно, вот что высшее в жизни, без чего и творчество бессильно и нет настоящей любви».

И князь бросается в политику; целыми днями пропадает в Госсовете, где защищает церковь и воюет с Распутиным, заседает с калужским земством, выступает с «прогресси-

стами», пишет в «Русское Слово» и «Русскую Мысль». Маргарита уж и не рада:

«Возможно ли заниматься и политикой и философией? Будет ни то, ни другое! А твоя философия могла бы дать новое, живое, конкретное и национальное! Это так важно, так нужно! Это вечное, то, чем ты приобщаешь себя будущему и указываешь ему путь!

...Ты занимаешься политикой... и таким образом не осуществишь того дела, в котором так ярко проявилось твое настоящее призвание и ты бы мог сделать великое дело для всей русской духовной жизни. ...Господи, как ты непростительно легкомыслен, как ты испорчен этой кадетской средой политики и журналистики... Что с тобой делать, как тебя вразумить, чтобы ты бросил писать статьи а углубился в древнюю Русь!»

Три работы князя о русской иконе («Умозрение в красках» и др.) были написаны в самый разгар войны. Специалисты находят их несколько дилетантскими, но сколько в них обаяния и выстраданного знания про то, что настоящая радость возможна лишь через аскетизм; что война, отвечающая на искушение «звериного царства», противна природе народа-создателя восхитительных икон...

Но все это, увы, приходится комкать, потому что... демократия русская есть «своеволие всякого многолюдного собрания, именуемого себя «народом», «правительство стало чрезвычайно похоже на газетную редакцию, пишущую политические передовицы», и «который ад лучше, республика чертей или самодержавие сатаны — решить трудно»...

Маргарита морщится, князь как журналист ее не вдохновляет, но и ей слышен шум надвигающегося шторма: «Милый, милый мой, что же это будет с нашей Россией, что будет с нашими детьми, что будет с нами? ...нас смешают с грязью, несмотря на то, что мы гораздо больше жертвовали для свободы, чем эти крикуны! Думаю, что все идет к военной диктатуре, а ты что думаешь?»

Когда поползли слухи, что «крикуны» обломались, Маргарита расцвела: «Я сначала очень испугалась этому мятежу в Петрогр(аде), но потом по ходу дела, успокоилась и когда пришло известие о разоблачении Ленина и большев(иков), я даже обрадовалась. Для хода революции большевистское движение окончательно провалилось! Неужели же народ и солдаты не увидят, что это такое за грязь и подлость...»

Едва ли вышеупомянутый Ленин знал о существовании Маргариты, но зато уж князя полагал никак не меньше, чем заклятым врагом. В статье «О праве наций...» Трубецкой назван «полным невеждой», в другой работе — «князек захлебывается от успехов кооперации... не говоря ни единого словечка ни о дороговизне жизни, ни о массовом разорении крестьян»; не ошибался Ленин и в третьем опусе: «Как пошло рассуждает он (Трубецкой). — *Н.М.* ...о «внутренней опасности», именно опасности крайних партий. Вот вам живой образчик того, кто действительно близок к панике».

Но запаниковал Евгений Николаевич еще десять лет назад, в том знаменитом письме к царю (24 июля 1906 года): «Быть может, правительству удастся теперь репрессивными мерами подавить революционное движение, загнать его в подполье. Но да не вводят Вас в заблуждение временные успехи. Тем ужаснее будет тот последующий и последний взрыв, который ниспровергнет существующий строй и сровняет с землей русскую культуру!»

Взрыв прогремел. Князь еще успел стать Товарищем председателя от мирян на Всероссийском Соборе, участвовать в восстановлении патриаршества, издать несколько памфлетов против восставшего «зверя», но Совнарком уже объявил его врагом народа, как члена ЦК кадетской партии.

«При помощи друзей мне удалось достать для Папá фаль-

шивый большевицкий пропуск, — вспоминает его сын, — ...мы несколько изменили внешность Папá (иначе подстриженная борода) и я простился с ним — навеки — на Брянском вокзале».

Князь не успел попрощаться с Маргаритой. Откуда-то из Подмоскovie, где прятался от чекистов, он пишет ей последнее письмо: «Увидимся ли мы с Вами дорогой, бесценный друг перед отъездом, увидимся ли вообще когда, вот вопрос, который я с ужасом себе ставлю: времена такие, что не знаешь, будешь ли жив завтра. ...Хотелось бы сказать до свиданья, но на всякий случай — **прощайте!**»

...«Злейший враг Советской власти, активный денкинец» успел написать за полтора года скитаний с частями белой армии «Смысл жизни», главную свою работу, поработать в Киеве в бюро Совета государственного объединения, начать историю русской религиозной мысли... «До своей смерти, — пишет «Гранат», — играл значительную роль в контрреволюционных политических организациях юга».

23 января 1920 года князь умер от тифа.

История жестоко отомстила Маргарите, заставив ее пережить возлюбленного на 38 лет. Господи, кто в Москве XX съезда и фестивалю знал что-нибудь о потрясающей судьбе этой скромной старушки, жившей у метро «Университет»? Впрочем, квартиру эту, как и персональную пенсию, Маргарита Кирилловна получила лишь незадолго до смерти, а до этого ютилась в холодном Лианозове, таскала воду из колонки, рубила дрова...

Маргарита успела написать мемуары. Но там о Трубецком — ни слова.

...Я перебираю эти пожелтевшие листочки и порою каже-тся, что все это лишь осколки, обрывки какой-то настоящей, живой жизни; порою — совсем наоборот: письма, плод рефлексии, отражают ли они реальную жизнь? Под пером действительность начинает играть, искриться, краситься в нужные тона... Да и им самим слова казались жалкими: «Милая моя, дорогая, любимая, — писал князь 7 июня 1913 года, — сколько, сколько я хочу тебе сказать, но не словами, потому что слова глупы и куцы, — а вздохами, всей душой и всем сердцем...» «Ах, если бы я умела писать, как ты, — вторит ему Маргарита, — какие бы я письма тебе писала!»

...Эта история не богата событиями; не было дуэлей, яда, побегов, сословных преград, которые бы герои преодолевали, разлук особо долгих... Вся душа этой любви — в письмах. Может быть, и существовала она только в них? — говорил же один философ, что нет иной реальности, кроме реальности слов...

¹Поскольку публикация документальных материалов в нашем еженедельнике не является полноправным жанром, мы не рискнули уснащать поля этой истории горою ссылок на источники. Укажем лишь, что все цитаты из переписки М.К.Морозовой и Е.Н.Трубецкого (в т.ч. и раскавыченные «диалоги») находятся «по адресу»: Отдел рукописей РГБ (сотрудникам которого автор выражает глубочайшую признательность за всестороннюю помощь и душевное отношение), фонд 171, карты 3, 5, 6, 7, 8, 9. Ссылки же на единицы хранения и листы пришлось, увы, оставить в рукописи. Орфография в цитатах приведена в соответствии с современными нормами, пунктуация же, как наиболее полно передающая темперамент этой переписки, сохранена в основном авторская.

²Лопатин Л.М. (1855—1920), философ, профессор Московского университета, близкий друг В.С.Соловьева, Е.Н. Трубецкого и М.К.Морозовой.

³Рачинский Г.А. (1859—1939), литератор, переводчик, философ; председатель Религиозно-философского об-ва пам. В.С.Соловьева; общий друг, «Рачок» по терминологии Маргариты.

⁴Два тома работы Е.Н.Трубецкого «Миросозерцание Вл.С. Соловьева» вышли в «Пути» в 1913 году.

⁵Лея — сестра Маргариты, Елена Кирилловна Мамонтова, по мужу — Вострякова.

Иван Лубенников — русский европейский художник. Русский по духу и размаху своего разнообразного творчества, европейский по изощренной стилистике и ориентирам. Конкретные имена его любимых мастеров двадцатого и предшествующих столетий не поддаются банальному арифметическому суммированию, в результате которого должен возникнуть художник Лубенников. Жить сегодня и не помнить, что до тебя существовали Сурбаран, Энгр или Матисс, для творческой личности вряд ли возможно. То обстоятельство, что Лубенников живет в европейской части Азии, то есть в России, не отменяет его европеизма и постоянных воспоминаний с кистью в руках о Греции, Испании или Франции. При этом он не похищает Европу, как это делали в невыездные времена многие советские художники, приобщавшиеся к мировой культуре, листая зарубежные журналы и каталоги, а поглощает ее, питая свое творчество вершинными достижениями искусства Средиземноморья.

В 90-е годы, словно вслед отшумевшим событиям бурной общественной жизни периода «перестройки», интерес к социально-политической стороне окружающего мира ослаб. Шум митингов и зрелище борющихся за власть людей утеснили многих. Из картин Лубенникова, написанных в последние годы, постепенно ушли конкретные портретные образы, ушло любимое им многолюдье и даже сами дома и улицы современного города. На смену урбанистическим символам и знакам пришли тихие сельские пейзажи, библейские и евангельские герои, обнаженная натура, которую безо всяких кавычек можно смело называть роскошной; пришли повторяющиеся предметы испытанного веками натюрмортного реквизита: вазы, чаши, фрукты, нехитрая деревенская утварь. Раскладывая на холсте тот или иной натюрмортный паясынь, художник с добросовестностью средневекового мастера выписывает каждое яблоко или корзину с картошкой. Глядя на помещенную в центре композиции одинокую вазу или рюмку, зритель невольно приходит к пониманию единичности и значительности каждой изображенной художником вещи, к космичности окружающего эту вещь пространства. Ставший в последние годы привычным чер-

НА ФОНЕ ВЕЧНОСТИ

ный или, скажем шире, темный фон многих произведений Лубенникова еще более усиливает впечатление этой космичности. Бытовые предметы и человеческие тела на таком фоне начинают буквально светиться, уподобляясь луне или электрической лампе. Характерный пример — одна из лучших работ художника 93-го года «Ну Т... или полнолуние» или не менее красноречивый в этом смысле натюрморт «В свете лампы».

Иногда, не ограничиваясь чернотой фона и светотеневой лепкой формы, художник вводит в изображение своего рода чистую геометрию, усиливая тем самым пространственную условность картины. Оси координат, тонкие линии горизонта, большие и малые окружности, углы и перекрестья на сочном черном фоне уводят зрителя в эпоху великого русского авангарда. Самые схематичные композиции («Объект за окном», «Поиск середины» и «Горизонт» — все 1993 года и все имеют второе название-подзаголовок «Пересечения») не оставляют впечатления, что художник занимается вычерчиванием некой проволочной клетки, в то время как давно прирученная им птица живой природы поет и прячется где-то в густой тени. Столкновение двух противоположных систем изображения может быть и взбадривает наши пространственные чувства, но ограниченность этих действий на холсте остается, на мой взгляд, под вопросом. Действие фигуративной классики прошлых веков и классики авангарда XX века происходит в данном случае порознь. Саломеи, нарциссы, парисы, сусанны и флоры, роскошные ню и «ну...» под очередным номером существуют в одном мире лубенниковских координат, а экзерсисы на те-

мы супрематизма и конструктивизма — в другом.

Монохромность некоторых картин Лубенникова так велика, что они больше напоминают гризайли с изысканной разработкой оттенков одного и того же цвета, в которых ощутимо, возможно, неосознанное влияние модерна. Под причудливо извивающимися ветвями яблонь, у светящейся водной глади, в глухой темени лесной чащи в пору появиться врубелевскому Пану или стае русалок. И, кстати сказать, нечто подобное и материализуется под кистью художника, так как его «Сусанна» и героиня «Полнолуния» — это также скорее девы сладостных времен европейского югендштиля конца прошлого века, а не наши американизированные современницы. Есть, видимо, в воздухе каждого клонящегося к закату столетия нечто такое, что заставляет художников разных эпох владеть в меланхолический транс и грезить о красотах Вечной женственности или иной таинственной субстанции мира, который не объемлется, к счастью, какой-нибудь одной и единственно верной материалистической теорией.

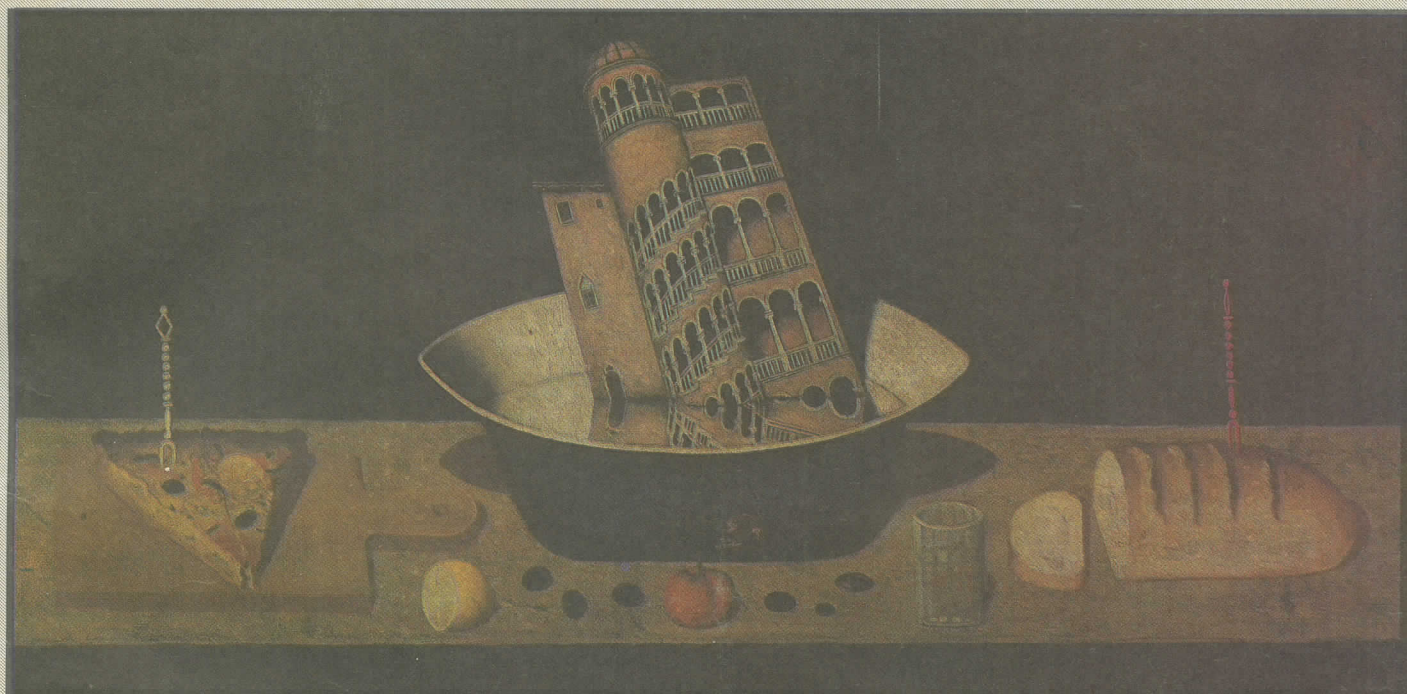
Что касается содержательной стороны картин Лубенникова, нетрудно заметить его сосредоточение на вечных темах искусства. Это и натюрморты, посвященные пасхальным праздникам, и упомянутые идиллические пейзажи, и соблазнительные ню при лунном и любом ином эффектно обыгранном освещении. Глядя на «Гадалку», «Сцену на голландский манер» или «Тень Минотавра», мы как бы продолжаем проход по музейным залам Европы. И тут нужно отдать должное художнику, который сегодня отваживается говорить о вечном.

При всем художественном

«западничестве» не менее очевидно и сугубо российские корни Лубенникова. Даже если не рассматривать подробно его пейзажную лирику последних лет и обратиться к натюрморту, можно получить полное представление о его своеобразной «деревенской прозе». В натюрморте, имеющем длинное перечислительно-временное название «Апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь...», он аккуратно расставил и разложил на полотне дары русского леса и сельского огорода. Художнику явно доставляло удовольствие подробно выписывать мисок, бидонов и корзин с черной смородиной, клюквой, зеленым крыжовником, грибами и прочей благодатью. В центр композиции он поместил большую корзину, наполненную... пейзажем (опушка березового леса). И этот, казалось бы, странный сюрреалистический ход не кажется насилием над реальностью и каким-то натужным оригинальничаньем. Равно как и другая веселая метафора в натюрморте «Клюква», где в такой же большой плетеной корзине, наполненной ярко-красными ягодами, сидит засыпанный по горло деревенский мужичок. Нам нет особого дела до того, как он там оказался — упился ли до зеленого змия и залез в «закуску» или попал туда по законам какой-нибудь русской сказки. Мы просто верим художнику, что все так и должно быть в нашей абсолютно непредсказуемой, абсурдной и, тем не менее, реальной действительности. А чтобы мы ни минуты не сомневались во всамделишности запечатленного на холсте, художник с трогательной обстоятельностью разложил вокруг сидящего в клюкве деревенского чудака все атрибуты его хозяйства: две самодельные удочки, карасей в авоське, рыжие лисички в кепке, пачку сигарет «Прима», несколько перышков лука, огурец и, разумеется, бутылку.

Таков европейский русский художник Иван Лубенников, отзывчивый не только на испанско-французско-греческое наследие всех времен, но и на свои отечественные чудеса и радости.

Вильям МЕЙЛАНД

Иван ЛУБЕННИКОВ. Пицца по-венециански

Иван ЛУБЕННИКОВ. Флора

STB CARD — оплата любых, в том числе валютных, товаров с рублёвых счетов.
STB CARD — абсолютная надёжность и безопасность, полная тайна вклада.
STB CARD — Ваша респектабельность.